74.24
К29
1353893

Секрет успеха — в педагогически осмысленной организации детского труда

А.А. Католиков:

Наш вынужденный союз необходимо сделать счастливым

Наш собеседник — народный учитель, член-корреспондент, член правления Детского директор школы-интерната Александр Александрович КА

Директор Сыктывкарской вечерней школы-интерната, чл.-кор. Российской академии образования, академик Академии творческой педагогики, заслуженный учитель Республики Коми и России, народный учитель СССР А.А. КАТОЛИКОВ

Дверь в директорский кабинет была му без стука, решали массу вопросов: квартирных телефонов, об устройстве герский лагерь и за границу по тур боту...

За столом, заваленным бумаг жина мужчина. Он поднялся, около стула массивную палку ...Мотор автобуса с детьми Ребята в белых рубашках и песню, но она оборвалась, из: стартер и стук колес р распахнул дверцу, ли из застрявшего потно тех, кто, расте Потом наступило м чтобы все тридцать взрослый человек, перов Александр Его накрыло Нашли его пазухами из несколько д ту входили их вопрос тель кру машине он по запис

Лет
сама реш
напрочь, го
уроков, затянут
ж поральше. Ирк, н

В немалом долгу мы перед Семеновной. Помним и ценим педагогическое творчество, но стительно славо внедрением его в п ную воспитательной работы школы. Перед ведения лишь одного или нескольких принципов пытаемся ут но неизменно всегда разно возра ношения, внимания

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

030419

3 ТМО Т. 1 млн. З. 1171—79

2016
фов
74.24(2Рос-Коми)
К29

А.А.Католиков

ГБУ РК НБРК
Краеведческий
депозитарий

Наш вынужденный союз необходимо сделать счастливым

Сборник статей и выступлений

1353893

Государственное бюджетное учреждение
Республики Коми
«НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ КОМИ»

Сыктывкар 2001

Министерство образования и высшей школы Республики Коми
Институт развития образования и переподготовки кадров

Составители: **Л.В.Плаксина**
В.А.Католиков

А.А.Католиков:

Наш вынужденный союз необходимо сделать счастливым

Сборник статей и выступлений

Рецензент: **Чугаева Татьяна Владимировна**

Рекомендовано к изданию
Министерством образования и
высшей школы Республики Коми

ISBN 5-7009-0268-0

© Плаксина Л.В., 2001.
© Католиков В.А., 2001.
© КРИРОиПК, 2001.
© МО и ВШ РК, 2001.

Предисловие

Биографическая справка

Католиков Александр Александрович - народный учитель СССР (1988), заслуженный учитель РСФСР (1982), заслуженный учитель Республики Коми (1977), член-корреспондент Российской Академии образования (1989), народный депутат СССР (с 1989), член президиума Советского Детского фонда (затем – Детского фонда России), председатель правления республиканского отделения Сыктывкарского Детского Фонда, директор Сыктывкарской агрошколы-интерната для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. А.А. Католиков был награжден орденом Трудового Красного знамени (1978), орденом Ленина (1986) и "За заслуги перед Отечеством" III степени (1995).

Родился Александр Александрович в Новосибирске, в 1941 году. Мать Надежда Семеновна - экономист, отец Александр Алексеевич служил в войсках НКВД и погиб во время Великой Отечественной войны.

Вместе со старшим братом Борисом Саня воспитывался на примере матери, честной труженицы, не жалевшей сил, чтоб поднять двух своих сыновей. Тогда трудились все матери, и Саня познал цену дворового братства, с которым гулял, голодал и научился делиться куском хлеба.

Он учился в Новосибирской школе № 10, гремевшей на всю страну осуществлением идеи соединения обучения с производительным трудом. При школе был создан завод, на котором старшеклассники выпускали не что-нибудь, а сверлильные станки. Здесь Саня уверовал в спасительную силу труда, в его радостное влияние на душу растущего человека. Он закончил школу не только с

аттестатом зрелости, но и с удостоверением токаря-универсала 2-го разряда.

После девятого класса он впервые работал пионервожатым в лагере. Сначала по нужде (матери хотел помочь), а потом так к детям "прикипел", что уже не мог без них, проработал все три смены и после девятого, и после десятого, и после одиннадцатого класса. Он уже не представлял, что можно жить, не работая с детьми.

Здесь, в лагере, а до этого - в школе, произошла его судьбоносная встреча со Сталем Анатольевичем Шмаковым. Человек необычайного темперамента, азартный и страстный, он буквально заразил Саню своей безмерной верой в педагогическую силу детской игры. Игра, "игровая позиция", умение жить играючи стали смыслом педагогической деятельности А.Католикова. Сейчас Сталь Анатольевич - профессор Липецкого педагогического института.

Не менее значительной для становления будущего педагога была встреча с учительницей литературы Горюхиной Эльвирой Николаевной. Женщина яркой эмоциональности, обожающая музыку, она научила "технаря" Саню тонкому восприятию искусства и чувствованию художественного образа. Сейчас Эльвира Николаевна – доцент Новосибирского педагогического института.

В 1961 году А.Католиков стал студентом физико-технического факультета Московского Государственного педагогического института имени В.И.Ленина. Здесь он поразил всех своей неукротимой энергией. Он организовал студенческий педагогический отряд, члены которого даже на лекции ходили в пионерской форме, добился проведения инструктивного лагеря для подготовки студентов к работе с пионерами. Одновременно с учебой в институте, сам он работал пионервожатым и учителем математики, физики в школах № 168 и 35 г. Москвы.

В июле 1966 года Александр Александрович переезжает с семьей на постоянное местожительство в Сыктывкар. В течение года он

работает учителем и организатором внеклассной работы в школе № 1, затем на протяжении шести лет директором Сыктывкарского Дворца пионеров.

Бессменное служение на посту директора школы-интерната № 1 для детей-сирот началось у него в июне 1973 года и продолжалось до смерти в июне 1996 года.

Все эти годы были связаны с непрерывным строительством, расширением, укреплением, ремонтированием многочисленных городских зданий интерната, превратившегося в громадный и комфортабельный дом для обиженных судьбой детей-сирот.

Главным педагогическим детищем А.А.Католикова было трудовое воспитание и обучение детей. Вслед за А.С.Макаренко, он видел смысл трудового воспитания в приобретении навыков и привычек трудовой деятельности, отчего в итоге зависит счастье в будущей жизни каждого его воспитанника. «Мы детей приучаем к труду, - говорил он в одном из последних выступлений, - ибо труд - основа счастья, а без него - дискомфорт в душе».

А.А.Католиков понимал, что нельзя воспитать привычку и потребность в труде на городском трудовом поприще. Нельзя воплотить трудовое воспитание, работая лишь в школьной мастерской, расчищая снег во дворе и подметая дорожки.

Еще до прихода А.А.Католикова в интернат его предшественниками был получен участок земли под лагерь на реке Малая Визинга с тремя барачными зданиями. Более двадцати лет Александр Александрович обустраивал этот лагерь, превратив его в мощное учебно-опытное хозяйство "Межадорское". Чтобы представить объем этого объекта трудового воспитания, следует привести некоторые цифры. Хозяйство располагает 750 гектарами государственного заказника, сам лагерь раскинулся на 30 гектарах, под сенокосными лугами - 75 га. В лагере 34 корпуса, оснащенных водопроводом и отоплением. Машинный парк состоит из 25 тракторов, а также культиваторов, сажалок, сеялок, сенокосилок, мини-

тракторов и другой техники. Построены гаражи, два финских ангара, несколько овощехранилищ, теплиц, помещения для скота. На конец 1996 года в хозяйстве насчитывалось 44 головы крупного рогатого скота, 4 лошади, 120 свиней, 65 голов овец, несколько десятков кроликов, 300 голов птиц.

Осенью 1996 года дети собрали богатый урожай: 236 тонн картофеля и овощей, заготовили 160 тонн силоса, 96 тонн сена, сварили 4,5 тонн варенья, законсервировали 3600 литров овощей и ягод. Они полностью обеспечены картофелем, овощами и молоком, и в немалой степени - мясом и яйцами.

В учебно-опытном хозяйстве "Межадорское" и осуществляется широкое трудовое воспитание воспитанников интерната. Малыши возятся на грядках и кормят кроликов в колхозе "Малышок". Подростки выращивают цветы (на 2 га), овощи, ухаживают за животными, птицами, выполняют опытные задания, полученные на уроках биологии. Старшеклассники - на строительстве, на ремонте, они же по заданию института биологии выполняют ряд научно-исследовательских заданий. Все работы по механизации ведут тоже старшеклассники под руководством инструктора.

В январе 1993 года интернат был преобразован в агрошколу-интернат. Новый статус потребовал новых усилий по профессиональной сельскохозяйственной подготовке учащихся. Ведь у выпускника-сироты нет больших возможностей для поисков себя на рынке профессий, а навыки сельскохозяйственной деятельности могут пригодиться каждому. Были составлены специальные программы, учебный план дополнен рядом специальных предметов, а биология, химия, экономика были интегрированы с основами сельского хозяйства. В течение учебного года дети занимаются в кружках и факультативах сельскохозяйственной направленности под руководством института биологии Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. А.А.Католиков добился, чтобы по окончании агрошколы воспитанники получали удостовере-

ния на право владения специальностями мастера животноводства, мастера растениеводства, тракториста категории А.В. В профессиональном определении А.А.Католиков видел главный путь обеспечения социальной защищенности своих воспитанников. Кстати, на каждого воспитанника заведены банковские лицевые счета от 125 до 500 тысяч рублей.

Несмотря на болезни, Александр Александрович умел жить играючи и дарить людям радость. Об этом знают все, кто путешествовал с ним по Украине, Крыму, по Волге, Финляндии. Даже изготовление пельменей в лагере он превращал во всеобщее игрище. Как-то в Межадоре на Первомай выпал толстый слой снега. Ребята приуныли, а Сан Саныч, как звали его дети, раскопал в снегу крошечный белый подснежник, доказав, что весна наступила . ..

Он был озабочен состоянием общего развития своих детей. Ведь они, родившись в порочных семьях, не могли получить должного развития в раннем детстве. Восстановить же утраченное в первые годы чрезвычайно сложно. Пятый год в агрошколе идет эксперимент по нахождению педагогических путей управления развитием детей. Этой проблемой увлечены все учителя и воспитатели. Недавно они опубликовали научный сборник, в котором рассказали, как диагностируют уровень развития каждого воспитанника, как осуществляют индивидуальный подход, составляют план коррекционной работы, проводят интегрированные уроки и занятия, формирующие мировоззрение учащихся.

Католиков сумел сплотить и вырастить необычайно работоспособный педагогический коллектив. В агрошколе-интернате с 240 воспитанниками трудятся 62 педагога. Трое из них удостоены орденов и медалей, 18 имеют почетный знак отличников образования, двое - звание "Заслуженного учителя Республики Коми", трое – "Заслуженного учителя Российской Федерации", пятеро – кандидаты наук. Школа является экспериментальной площадкой

Российской Академии образования. В 1994 году интернат был удостоен Международной премии Дж.Сороса I степени.

А.А.Католиковым опубликовано более 30 научных работ, книга "Моя семья" выдержала два издания. В центральной и местной прессе им опубликовано более 100 статей.

Указом Главы Республики Коми от 14 июня 1996 года "Об увековечении памяти А.А.Католикова" агрошколе-интернату было присвоено имя Александра Александровича Католикова.

Плаксина Л.В.,
кандидат педагогических наук

Учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колена

Ушел из жизни замечательный и добрый человек – директор Сыктывкарской агрошколы-интерната, член редколлегии нашего журнала Александр Александрович Католиков. Немногим ребятишкам, обделенным судьбой, так везет, как повезло ребятам, чья коротенькая пока жизнь пересеклась с жизнью Александра Александровича Католикова. Многие годы он был директором Сыктывкарской школы-интерната для детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения. Не так давно интернат был им преобразован в агрошколу-интернат: сельское хозяйство школы со временем обрело производственный характер. Ребята получают здесь сельские профессии, хотя интернат находится в городе, и десятки других — слесаря, механика, столяра — которые, как известно, сопровождают любое серьезное хозяйствование. Я бывал в Межадоре — деревенской гордости Католикова, восхищался линейкой весенней готовности сельской техники — десятки тракторов, всякого рода прицепных орудий, разнообразных, сияющих чистотой машин от мала до велика, и нутром чуял, как мое не шибко-то профессиональное восхищение елеем разливается в сердце Сан Саныча. Ведь это было для детей, детьми

развиваемое, обихаживаемое, но и детей поднимающее начинание.

Я помню выступление Сан Саныча по TV, когда телевидение устроило серию вечеров педагогов-новаторов в Останкино. С каким волнением, потрясающим интересом смотрели мы тогда на почти неизвестных дотоле людей, которые живут, вроде, рядом, но творят дела совершенно необыкновенные и сами по себе ужасно интересны — своими мыслями, умением говорить и действовать не по стандартам политических трясогузок.

Католиков говорил о сиротстве. Не очень-то он обобщал тогда, в той своей передаче, и не очень выходил за стены школы-интерната, лишь слегка задев печально-убогую часть всеобщего родительства, бросающего своих детей. Но то, как он рассказывал о своих детях, об их несовершенствах, которые одолевали он и его коллеги по тяжкому делу спасения детства, трогало до слез.

В словах этого высокого человека с палочкой было столько любви и столько доброты к его трем сотням покинутых родителями детей, что каждый понимал, какой это крайний грех – детоотступничество.

Католиков и раньше формулировал, и на той встрече в Останкино повторил: мечтаю остаться без работы, мечтаю, чтобы матери совсем перестали бросать детей...

Сиротские приюты всегда были на Руси, с самых стародавних времен – и не только, впрочем, на Руси, — но они предназначались для сирот и подкидышей, ныне же стало вовсе не в тягость для обезумевшей души отказаться от собственного ребенка. Впрочем, это другая тема, и сейчас, наверное, нет смысла углубляться в ее тягостный анализ. Скажу лишь, что покинутым детям он служил беззаветно и рыцарски. В отношениях с детьми он представлял государство и даже больше — ведь по закону, до совершеннолетия всех своих двух с половиной детей — он выступал их опекуном и попечителем как личность. Таковы обязательства директора детдома и школы-интерната. Он защищает их интересы во всем и вся, за каждого отве-

чает.

Католиков отвечал блестяще. На его столе, под плексиглазовым стеклом десятки фотографий: его дети-студенты, свадебные снимки вчерашних брошенных, которые никогда не бросят своих детей, потому что этому их не просто обучил, но к этому возвел Католиков.

Итак, он являл собой государство в судьбах детей – он и внешне не был заурядной личностью, а большим, сильным, духовно обозначенным человеком. И государство, как я понимаю, не было для него пустым звуком. Он понимал, сознавал, физически ощущал это поручение власти и общества – от их имени защищать и спасать детей.

При этом он был сильно больным человеком, износил сердце на своей изнурительной, требующей большой сердечной амортизации, работе. К тому же, только знающие его давно помнили, что до интерната он работал директором Дворца пионеров, и однажды автобус с детьми застрял на переезде. На автобус надвигался поезд, и Католиков – большой и сильный – повыкидывал всех ребятишек до одного, да сам не уберегся. Его смяло, сломало, и годы ушли, прежде чем он воспрял, выжил и уже после этого пошел директором интерната.

Наверное, за неделю до смерти он позвонил мне. Надо хорошо знать Александра Александровича — он никогда не звонил просто так, без дела. А тут позвонил. Мы сказали друг другу какие-то необязательные слова, пошутили, пожелали удач.

Поди знай, что мы, оказывается, прощались.

Такого скопления народа, как на похоронах Католикова, Сыктывкар, может, вообще никогда не видел. Прощались с учителем в его интернате, а хоронили на сельском кладбище, езды до которого не меньше часа.. Но и туда, на кладбище, добрались сотни.

Он был частью города и не только тогда, когда речь шла о детях. Нередко такие люди как бы становятся знаком. Он был знаком совести, и, говорят, власти здешние – все времена – как бы чуточку стыдились его суждений.

Не стало Католикова... Еще одна совестная звезда закатилась в России. Ушел символ защиты детства, знак народной чести.

Школа-интернат, которой он руководил, названа теперь его именем.

Но этого мало, мало...

Альберт Лиханов

Памяти А.А. Католикова

Указом Главы Республики Коми Ю. А. Спиридонова Сыктывкарской школе-интернату присвоено имя А. Католикова.

Портрет Александра Александровича Католикова – народного учителя, лауреата Золотой медали имени Льва Толстого Международной ассоциации детских фондов – висит ныне в здании Российского детского фонда в Москве, в Армянском переулке, почетным членом Правления которого он являлся. Увековечивая память этого выдающегося гуманиста и спасателя детства, Бюро Президиума Правления учредило именную стипендию Российского детского фонда имени А.А. Католикова для выпускников Сыктывкарской агрошколы-интерната. Первыми таким стипендиатами стали Виктория Гребнева – первокурсница медицинского факультета Московского университета Дружбы народов, Елена Торхова — пятикурсница экономического факультета Сыктывкарского государственного университета, Николай Панов – третьекурсник Тюменского юридического института МВД РФ, Сергей Воробьев и Виталий Писарев – второкурсники этого же института.

Ю. А. Спиридонов и председатель Правления Российского детского фонда А. А. Лиханов предложили Министерству образования РФ организовать Католиковские чтения, цель которых – объединение опыта всех сиротских учреждений России.

I.
«Буду изо всех сил помогать беззащитным детям»

Во имя счастья детей

1979 год объявлен Международным годом ребенка. В нашей стране много делается во имя счастья детей. И как еще одно свидетельство заботы о них – постановления правительства об улучшении материального обеспечения детей в школах-интернатах и детских домах. О том, как сегодня живет одна из таких школ, рассказывает заслуженный учитель школы Коми АССР, директор Сыктывкарской школы-интерната № 1 для детей-сирот А.А.Католиков.

Совсем недавно, когда по субботам «домашние» дети уходили из интерната в свои семьи, в глазах тех, кому идти было некуда, ясно читались грусть и глубокое недетское страдание. И хотя в тех домах, куда уходили их товарищи, порой царили грубость и пьянство, сиротам этот дом представлялся воплощением теплоты и заботы, радости, всем тем, что связано со словом «мама». Воспитателям интерната было немножко обидно: они столько сил вкладывают, так хотят, чтобы именно интернат стал родным домом для детей, но притягательность родительского очага оказалась сильней...

И вот год назад правительством было принято постановление об открытии специальных общеобразовательных школ-интернатов только для детей-сирот. Была преобразована и наша школа-интернат № 1. Грустно было расставаться с большой группой детей, хотя и имеющих родителей, но уже сроднившихся с нами. Вместо них мы приняли около ста новых ребятишек, живших в других детских домах и интернатах республики. Целым событием стало открытие дошкольной группы, в которую в основном приняли младших братишек и сестренок наших учащихся. И теперь в одном доме объединились многие ребячьи семьи, которые раньше были разбросаны по разным детским учре-

ждениям. Теперь этот дом стал для них, потерявших родителей, единственным домом, где они надеялись встретить и тепло, и заботу, и ласку. А потому среди массы педагогических проблем, вставших перед коллективом учителей и воспитателей после реорганизации интерната, главной была проблема семейного воспитания.

Братишки и сестренки, рано оставшиеся без родительского попечения, в условиях школы-интерната попадают в различные группы. И там, захваченные возрастными интересами, общественными и учебными делами, все реже встречаются между собой. Ослабевают, а потом и вовсе рушатся родственные связи. И случается, что, закончив школу и попадая в круговорот жизни, эти дети совсем теряют друг друга.

Как же не допустить этого?

В ноябре прошлого года во время Всесоюзного совещания по проблемам школ-интернатов для детей-сирот его участники побывали в Маринской школе-интернате Донецкой области, познакомились с опытом работы, бытовыми условиями воспитанников. Спальни на 20 человек (к сожалению, такие сейчас и у нас) там перепланированы в уютные 3-5 местные комнаты с гостиными, позволяющими жить отдельно целой детской семье, где старшие могут больше заботиться о младших. Старшие сёстры шьют им одежду, братья делают игрушки, дети вместе гуляют. В спальнях хранятся семейные реликвии, портреты родителей, родственников. Над поисками последних коллектив много работает, а найдя, привлекает к участию в воспитательном процессе. Пока в силу материальных условий этот прекрасный опыт, к сожалению, у себя мы применить не можем.

На совещании подтвердилась правильность нашей системы трудового воспитания и подготовки учащихся к жизни. Мы убеждены, что ни любви к Родине, ни доброты, ни мужества не воспитать через простое созерцание жизни. Необходимо действенное приближение к земле, к труду. Нельзя позволить ребятам замкнуться в своих возрастных интересах, нельзя отрывать их от общих забот и насущных дел города, республики, страны. Считая, что подлинное гражданское воспитание невозможно вне тру-

да, мы максимально поддерживаем дружеские связи с рабочими коллективами шефствующих предприятий «Сельхозтехники», производственно-технического управления связи, института биологии Коми филиала Академии наук и другими. Ежегодно в июле около 120 детей выезжают с шефами «Сельхозтехники» на мелиоративные работы. Поход дальний, за 200-300 километров. Живут ребята несколько дней в полевых условиях, а главное – совместный труд, вечерние беседы у костра, встречи с ветеранами труда. Результат – 35-40 гектаров очищенных от корней и сучьев полей. Мы всегда говорим детям, что слово «труд» произошло от слова "трудный", он никогда не бывает легким, но радостным его можно сделать всегда.

Уже пять лет школа является активным участником ВДНХ СССР, 15 учащихся награждены медалью «Юный участник ВДНХ СССР». Все трудоемкие сельскохозяйственные процессы механизированы ученической тракторной бригадой, которая ежегодно выращивает 80 сортов овощей и около 300 сортов цветов. Живым примером вдохновенного труда является совместная работа детей с директором сельскохозяйственных наук К.А.Моисеевым. Только из выпуска нынешнего года готовятся связать свою судьбу с сельским хозяйством родной республики около двадцати учащихся. Любовь к животным определила профессиональное призвание семи учениц восьмого класса во главе с главным нашим животноводом Таней Михайлюк.

Какой радостью и гордостью за результаты своего труда сияют глаза детей в дни работы выставки «Человек и природа». Подлинным праздником является традиционный «День урожая» после окончания всех сельхозработ, со своей выставкой, пирогами и, конечно, костюмированным балом «овощей», на котором всегда присутствуют цифры.

Одной из основных задач, определенных постановлениями Совета Министров СССР, является улучшение материального обеспечения детей-сирот. И в этом направлении сделано уже немало. Например, мы перешли на новые, увеличенные на 50 процентов, нормы питания и обеспечения одеждой детей, введены новые типовые штаты. На это потребовались значительные ас-

сигнования, а главное – внимание и забота, которые были проявлены руководителями республики и города.

Решен вопрос расширения интернатской летней дачи труда и отдыха «Межадор», где с помощью шефов пристроен новый зал к столовой на 140 мест, построены автогаражи и склады, два жилых дома, утеплены два спальных корпуса для малышей. С помощью шефов «Сельхозтехники» появились здесь пожарные водоводы, насосная станция. И уже летом этого года на даче «Межадор» будут отдыхать не180, а 300 детей.

А свою школу к началу нового учебного года ребята отремонтировали сами. Сейчас под руководством начальника управления связи Коми АССР В.А.Клаузера заканчивается монтаж учебного телецентра. Шефы – телеграфная станция – монтируют контрольно-обучающую систему в кабинете математики.

Жизнь нам постоянно подсказывает необходимость дальнейшего укрепления связей школ-интернатов с шефствующими предприятиями. И сегодня мы не мыслим себя без шефов, без их постоянной помощи в воспитании детей. Ярким примером активного участия в воспитательном и учебном процессе является связь с шефами института биологии Коми филиала АН: около ста лекций и бесед в классах за год, шесть кружков, активное участие в практических сельскохозяйственных опытных работах учащихся, экскурсии в природу и лаборатории института. Третий год ведет кружок «Умелые руки» в своем подшефном классе товаровед ЦУМа «Сыктывкар» Г.Павлова. Инженер управления связи В.Урнышев руководит стрелковой секцией. Материнской заботой окружили второклассников работницы базы «Росторгодежда».

С нетерпением ждут дети студентов КГПИ, членов педагогического кружка при кафедре педагогики, неистощимых на выдумки, организаторов интересных забав и затей. У нас много хороших настоящих друзей в городе и Сысольском районе, которые готовы откликнуться всегда на наши заботы. Среди них депутаты городского Совета народных депутатов В.Р.Кокоянин, Г.Н.Морозова, Г.Г.Набокин, начальник дирекции радиосети Е.Н. Серебренников, директор кинотеатра «Парма» Н.Д.Костин, директор совхоза «Межадорский» А.И.Томова и многие другие.

Прошло шесть месяцев после реорганизации интерната. В декабре совместно с Министерством просвещения Коми АССР мы провели педсовет по всем проблемам и наметили конкретные планы дальнейшей работы коллектива в новых условиях. Но ряд проблем требуют оказания дополнительной помощи со стороны Совета Министров Коми АССР, Госплана республики и Сыктывкарского горисполкома. Типовое жилое здание интерната оказалось тесным и не приспособленным для постоянной жизни 340 детей. Сегодня нас не устраивают огромные спальни, недостаток бытовых помещений, санитарных узлов, отсутствие хороших медицинских кабинетов. У школы-интерната совершенно отсутствуют территория в городе, нет детских игровых площадок, учебной теплицы, а созданный зооуголок на 120 животных находится в мало приспособленных сараях, выстроенных самими детьми. До сих пор мы не можем найти понимания у главного архитектора города В.И.Сенькина и заместителя председателя горисполкома А.Ф.Кобца по вопросу расширения территории школы-интерната. Хотя многим ясно, что для нормального физического развития детей и организации их трудовой деятельности это необходимо.

("Красное знамя",1979.-10 января)

Доброе дело

Директора школы-интерната № 1 города Сыктывкара Александра Александровича Католикова («Смена», кстати, рассказывала о судьбе этого мужественного человека) мы прежде всего поздравили с наградой: по итогам всесоюзного смотра детских домов и школ-интернатов сыктывкарской школе-интернату присуждено первое место. Поблагодарив за поздравление, Католиков сказал:

– Прекрасную идею вы подали, напечатав эскизы детской и подростковой одежды. Они понравились не только мне, но и ребятам, и воспитателям. Но почему предлагаются модели лишь из хлопчатобумажных тканей, фланели и плащевки? Мы считаем, что часть одежды необходима и в шерстяном варианте. Причем

двух-трехцветном, особенно для девочек. Пусть у ребят будет одежда для учебы и для загородной поездки, для праздников и будней. Хорошо бы для парадного варианта предусмотреть парням галстуки, а девочкам изящную отделку... Еще раз огромное спасибо редакции за поднятую проблему.

У нас в интернате уже три года работает штатный библиотекарь. Знаю, прочитав эти строки, многие директора-коллеги грустно вздохнут: не положено детдому иметь такую единицу. А она нужна! За три года работы наша Галина Тимофеевна Попова приохотила к чтению всех воспитанников. Мы теперь не просим литературу в магазинах. Книготорг стараниями Галины Тимофеевны откладывает нужную нам литературу в первую очередь. В каждом классе введены обязательные библиотечные часы – по два в неделю. Да ребята просто не вылезают теперь из библиотеки! Зачитывают книги, как говорится, до дыр, но – спасибо переплетному кружку! – за последние три года мы не списали ни одного тома художественной литературы.

"Смена", 1981

135383

Что такое хорошая школа

Мы не случайно назовем сейчас все заслуги и титулы этого человека. Одни открыто восхищаются им и его удивительной школой, про которую мы не раз писали, другие просто не понимают: пропадает на работе с утра до вечера, окруженный ребятней... Он успевает выполнить все, что задумал, и успевает думать, как следует думать, прежде чем начать дело. И может быть, его школа – как раз прообраз той самой будущей... Итак, о том, что такое хорошая школа, размышляет заслуженный учитель школы РСФСР и Коми АССР, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, депутат, почетный гражданин города Сыктывкара, директор школы-интерната № 1 Александр Александрович Католиков.

Школа начинается с учителя. Меня можно обвинить в максимализме, но к учителю хорошей, настоящей школы я предъявляю требования очень строгие. Если он еще молод – объясню,

позову за собой: стань таким! Знать свой предмет – это естественно, об этом даже нечего говорить. Но надо знать его с научной точки зрения. Для меня ленинградский словесник Е.Н.Ильин – как раз образ такого преподавателя, который все знает и все умеет. Он говорит: «Обезличенное знание не может быть нравственным». Он умеет утверждать новые знания в споре. Но сегодня одно лишь «вещание» учителя на уроке – мало. Пусть будет дополнительная литература, записи магнитофонные, пластинки, всевозможные технические средства. Я бы даже так сказал: современный урок должен быть «представлен» лучше, чем телевизионная передача. Все силы – для того, чтобы ученик любил предмет. Если интерес теряется, это не просто плохо – это беда! И когда мы говорим об учителе как человеке, проникнутом самыми передовыми идеями, на уровне требований XXYII съезда нашей партии, мы должны помнить еще, что он должен быть мастером.

Фундамент всей школы – начальное обучение. Все троечники, все неуспевающие ученики – оттуда, из начальной школы, где не смогли их увлечь, заинтересовать. Когда-то эти ребята с радостью шли в школу, и вот радость угасла. И это в то время, когда в педагогике существуют прекрасные, научно обоснованные системы развития каждого ребенка (Ш. Амонашвили, С.Лысенкова)!

Учебный год мы начинаем с двадцатью пятью детьми в первом классе. Уже полегче, можно говорить об индивидуальной работе. И – как по В. Шаталову – на каждом уроке ученик должен знать оценку своей деятельности. Да, пожалуй, начальное и среднее звенья – самое больное в современной школе. Масса ребят учится на тройку. Посмотрим при этом на учителя. Разве он должен ограничиваться только уроком? Пусть он сегодня потащит учеников на экскурсию, а завтра сидит с ними на крыше и смотрит звезды или едет с ними на сенокос и там, между делом, влюбляет их в свой предмет. В школе нельзя быть одинарной личностью. И это очень хорошо проверяется общением с детьми.

Тревожно и то, что сегодня, покидая школу, ученики хорошо знают свои потребности, но плохо знают свои возможности. Год назад в одной из сельских школ республики проводили анкетиро-

вание: если бы у вас было много денег, чего бы вы хотели? Девчонки «приобретали» золотые кулоны, сережки, дорогие вещи, парни – машины, мотоциклы… А сколько их родители зарабатывают? Никто не знает. Вот и перейдем теперь к трудовому воспитанию. Раньше как было? Стучит молотком – хорошо, пилит пилой – еще лучше, что-то вскапывает – вообще изумительно! Но мы же за сознательный, полезный для государства труд! Ребята должны знать, что такое производительность труда, себестоимость продукции, должны уметь вести экономический расчет. Мы у себя в школе попробовали этим летом: берите ценники, расчеты, измеряйте все площади нашего хозяйства и получайте заработную плату по выполненным работам. И оказалось, что хотели они получить по 70 рублей в месяц, а работ было выполнено на 19 рублей. Иллюзии «дешевой жизни» должны постепенно исчезать. Мы только начинаем внедрять в своей школе хозрасчет. Но он был у нас в стране в 20-е годы, у Макаренко! Почему же это так трудно сдвинуть с места сейчас? Почему мы не можем назвать ни одной школы, в которой был бы хозрасчет?

Дальше. Стучимся в закрытую дверь. Мы с директором средней школы № 1 Игорем Федоровичем Бушуевым мечтаем: открыть бы в городе школы с профильными классами. У него сейчас физика и математика – значит, одна такая школа есть. А можно еще подключить химию и биологию, гуманитарные предметы. Или совсем здорово: в столице нашей республики открывается, к примеру, коми школа, и ее выпускники станут специалистами-финно-угроведами, поступают на отделение коми языка и литературы СГУ! Определять «профильность» следует на уровне 8-9 класса, когда начинают преобладать устойчивые интересы. Но мечты эти совершенно повисают в воздухе.

Так какой же должна быть сегодня хорошая школа и хорошие педагоги в ней? Я не говорю о требуемой школьной реформой перестройке сознания учителя, как это сейчас модно называть. Просто каждый учитель должен работать по-новому, по-другому. И тот, кто не хочет и не может этого, пусть просто уйдет из школы. Ведь до обидного медленно идем мы вперед. Школьная реформа раскрыла всем учителям возможность рабо-

тать творчески. Именно так я понимаю, а не просто: давайте заменим Марию Ивановну на Степана Петровича, и все будет прекрасно… Руководители народного образования, в свою очередь, должны создавать такую обстановку для педагога, чтобы он начал творить. Вот это и будет человеческим фактором в нашем деле. Пусть учитель идет в кабинет директора, требует то, что ему нужно. А директор с радостью подхватит добрый замысел.

«Обезличенное знание не может быть нравственным…» Так вот, хорошая школа должна быть нравственной, знать ребенка, каждого. Пусть будет побольше таких учителей.

Своим единомышленникам я сегодня говорю: с новым учебным годом!

«Молодежь севера», 1986.- 31 августа

Не рядом, а вместе с детьми

Помните фильм «Чучело»? Передо мной так и стоит самоуспокоенное лицо директора. Это не просто лицо, это стиль работы нашей дореформенной школы: все у нас хорошо, все у нас просто замечательно. И вот теперь, когда после съезда партии во всех сферах началась такая мощная перестройка, и у нас, в народном образовании, нужны во имя улучшения конечного результата новые идеи, новые методики, новые подходы к обучению и воспитанию. Вот Л.Колегова пишет, что учитель должен идти в школу с радостью. А еще было бы лучше, если бы с радостью шел в школу и ученик. Посмотрите, как рвутся они в «подвалы», переоборудованные в клубы. Рвутся, потому что в этом подвале есть дядя Коля, который не просто учит его мастерить, а еще и понимает. А в школе учитель с высшим педагогическим образованием не хочет, не может его понять.

* * *

Вот был у нас такой случай. Пришли к нам с углубленной проверкой инспектора Минпроса, ИУУ, роно и т.д. Человек тридцать. Я спрашиваю: «Хотите по-настоящему работу школы проверить?» И предлагаю. У каждого из нас набралась масса отгу-

лов. Я ухожу, пусть мое место займет один инспектор Минпроса, завуча – другой, старшего воспитателя – заведующий гороно, остальных воспитателей и учителей – инспектора гороно и роно. Поживите, посмотрите. «Нет, – сказали проверяющие. – Мы такой методики проверок не знаем. Давайте лучше папки с бумагами». Обложились ими, так три дня и просидели.

А ведь возможны иные формы проверок. Была у нас и другая авторитетная комиссия. Мы по привычке бумаги нужные приписали, сидим, ждем, когда нас «инспектировать» начнут. А проверяющие – вот чудо! – никаких бумаг не просят, ходят по школе, с ребятами разговаривают… Это ведь тоже элементы педагогики сотрудничества.

* * *

У нас практикуются опережающие уроки, когда учитель, зная слабости ученика, заранее изучает с ним какую-то тему. И он, слабый, приходит на урок сильным. Он освобождается от страха не понять, оконфузиться перед классом. Ему радостно! Вот есть у нас в школе биолог – Л.М.Дымова. Все, что будет изучаться на будущий год, она предусматривает в опытнической работе, которую ведут дети летом. Чего они только не заготавливают – пестики, тычинки, гербарии... Приходишь к ней на урок и не знаешь, кто его ведет – Дымова или ребята…

Мне как депутату приходится встречаться с руководителями различного ранга. Всё призываю: давайте подумаем, обсудим все новое, что помогает реализации реформы. Но зачастую наталкиваюсь на удивительное непонимание. У меня такое чувство, что многие их тех, кому это по должности положено, не знают педагогику сотрудничества. А ведь это сегодня – корень всей нашей работы. Вот все пытаюсь осмыслить встречу учителей, организованную Октябрьским райкомом партии. Мне показалось, что собрали людей случайных, они не были готовы к разговору. Педагогике сотрудничества нужна партийная поддержка, потому что это самая партийная педагогика. Мы говорим о дальнейшей демократизации общества, а идеи учителей-новаторов – демократизация школы сегодня. С чего-то массовое освоение их надо начинать! Можно для этого использовать трибуны январских учи-

тельских конференций. Надо, чтобы люди поняли – вот он, свежий ветер перемен. Он дует. Так распахните же окна!

«Красное знамя», 1987.- 6 января

Я пришел дать вам дело

Сегодня в детских домах и школах-интернатах воспитывается около миллиона ребятишек, у которого нет родителей. Не будем закрывать глаза на наши проблемы, их много.

Много лет эта тема была полуправдой. О ней было не принято говорить прямо, чтобы не травмировать наше общественное сознание.

Однажды к нам в детский дом приехали норвежцы и финны. Они у нас в Сыктывкаре в хоккей играли. Вышестоящие товарищи решили показать им наш детский дом, но предупредили:

– Александр Александрович, вы не говорите, что ваши дети – сироты. Скажите – дети полярников и оленеводов.

Наши дети, жизнерадостные и веселые, играли с гостями, разговаривали, и вдруг один хоккеист спрашивает у Лешки, у нас маленький, рыжий паренек такой был:

– Где у тебя мама и папа?

Через переводчика. А он и говорит:

– Мамка спилась, где-то с другими дядьками живет, а отца уж давно в тюрьму посадили. Смотрю, у переводчика глаза расширяются, он ко мне: «А что переводить?» Я говорю:

– Как что переводить? «Папа – полярник, а мама полетела к нему в командировку».

* * *

У нас в интернате триста два ребенка. Начиная с первого класса и кончая уже юношами семнадцати лет в десятом классе. Из них 150 связаны родственными узами. Это значит, что пятьдесят девять семей воспитывают у нас от двух до пяти своих детей. А были случаи, когда привозили и по семь и по девять детей из одной семьи. Семьи у нас большие бывают.

И было так: привезут из детприемника милиционеры ребят, начинаем их делить. Старших – нам, а малышей – надо дальше везти, в дошкольные детские дома. Слезы горькие. Малыши в старших вцепятся, старшие ревут, и я не знаю, самому, что ли, реветь. Милиционер уже слезы вытирает.

Сейчас мы строим дошкольное отделение, где будут детишки с трех лет, не надо будет разрывать семью.

Была бы возможность, мы под свое крыло взяли бы и дом ребенка. Уж больно там несчастные дети, много они теряют от года до трех лет. Я никогда не могу просто так зайти в дом ребенка и смотреть на ребят, у которого главная игрушка – большой палец ноги. Вместо соски. И лежат они одни, и поговорить им не с кем.

И вот тот голод, та тоска по общению, по разговорам, по ласке с самого рождения калечит ребенка. В семье уже с года малыш понимает все, о чем говорят. А в дошкольном детском доме и в доме ребенка дети безнадежно отстают в развитии.

* * *

Мы считаем, что если будем иметь такой дом, в котором будут ребятишки воспитываться с раннего возраста и до совершеннолетия, то это будет настоящий Детский дом, теплый дом.

Наши дети живут в мажорном стиле, в котором жили воспитанники Антона Семеновича Макаренко. И нам не нужна жалость, мы против жалости.

Живем мы в нашем доме давно, в прошлом году интернату исполнилось тридцать лет. Живем большими семьями. Сделали небольшие перестройки и получились квартиры. Отдельно спальни девочек, отдельно – мальчиков. Бытовые помещения, большая игровая комната, гостиная с телевизорами, играми для малышей.

Никак не забуду день, когда мне пришлось принимать интернат. Тогда было так – этаж мальчиков, этаж девочек. Обоюдный интерес был сверхъестественным… Двери у нас постоянно были выломаны, стекла выбиты, и все смотрели друг на друга, никак не могли насмотреться.

Сейчас, когда стали жить семьями, этого нет.

Я много занимался с дошкольниками, с младшими ребятишками, и меня всегда удивляла их тяга к школе. Они с большой радостью идут в первый класс, и страшно тоскливо видеть их в третьем классе, где у ребят уже никакого интереса к учебе нет. В чем дело? В чем причина угасания интереса?

* * *

Я считаю, что успех в учебе должен быть каждый день. А к сожалению, наши детишки, имеющие большое отставание в развитии, сразу же теряются из-за интенсивной программы первого класса. Мы самовольно, потихонечку в этом году в первом классе сократили уроки до тридцати пяти минут. После занятий они довольны, жизнерадостны, прыгают, когда идут в столовую, а ведь раньше понурив головенки шли, до того уставали.

После обеда надо идти на какой-то кружок, а они спать ложились.

Когда мне пришлось принимать школу, у нас рухнуло все, бывает так. Момент был очень тяжелый, и весь коллектив, педагогический и ребячий, сплотился тогда. Всех малышей отдали в другие детские дома, а сами, разбившись на бригады, два месяца готовили школу и открыли ее после ноябрьских праздников.

Очень был тяжелый труд. Жили в одном месте, учились в другом, а работали и утром, и днем, и вечером на ремонте. Но зато с тех пор у нас принцип организации трудовых дел по трудовым бригадам – основной.

* * *

Я всегда считал, что труд все-таки от слова трудно! И когда меня спрашивают: «Как вы прививаете любовь к труду?», я говорю: «Мы не любовь к труду воспитываем, а воспитываем потребность к труду и обязательно привычку к работе, как основу будущего счастья нашего ребенка».

А работу стараемся придумать интересную, труд должен быть увлекательный, украшающий нашу жизнь.

Начали мы с того, что открыли огромное учебное хозяйство. У нас 750 гектаров земли заказника, тридцать гектаров пропашных, тридцать гектаров центральной территории, где находится наша дача (я не люблю слово лагерь, у вас ведь дома дача, и у нас

дача), добрых два гектара заняты цветами, там идет опытническая работа. Для своих малышей мы организовали колхоз «Малышок». У них есть свои животные, отдельно грядки, где они возятся.

В шесть утра идешь по территории, директорский подъем ведь раньше детского, смотришь – вот такой малышок тащит ведерко.

– Ты что, куда идешь? Все спят еще.

– А я должен ослика покормить… А я должен курочек покормить.

Значит, набрал уже пищевые отходы, идет кормить. Воспитатель спит, вожатый спит, а он уже всех животных покормил, приласкал и хлев убирает до подъема.

Дача у нас на песчаном месте на реке Малая Визинга. Внизу флотилия, пристань. Одиннадцать тракторов, и каждое утро на совете бригадиров идет самая настоящая драка за тракторы, их у нас не хватает. Кому-то рассаду везти, кому-то поле дисковать, кому-то что-то надо все время делать.

Озлобленный комочек, который мы получили из дошкольного детского дома, надо оттаивать. Как? Постоянным общением с землей, с животными. Мы устраиваем для школьников праздник, который называется «Первая морковка». Когда на поле вырастает первая тоненькая, еще дохленькая, морковка, ее надо прореживать. В этот день старшие ребята везут на поле ведра с водой, ставят между грядок. Наши малыши вырывают первую морковку, моют и едят.

Есть у нас помидорная теплица. Пять лет назад мы решили целиком обеспечить себя овощами и картофелем. И вот уже три года мы не только себя обеспечиваем, но и излишки продаем нашему городу. Наш урожай идет нарасхват. Уже в августе везем раннюю картошку. Мы ее выкапываем рано, в шесть часов утра. Помоем, в красивые ящички уложим и первую проходящую мимо машину останавливаем – попутный груз до Сыктывкара.

И любой магазин согласен взять наш картофель, у них очередь стоит, люди ждут, когда из интерната привезут картофель. И продаем сорок тонн картофеля за год. Мы же видим, как в тор-

говле продают – все немытое, полугнилое. Ну почему нам не сделать иначе – по-советски? Мы же детей воспитываем! Как мы можем грязную картошку с поля отправлять в магазин? Они же потом вырастут и скажут «халтурщики».

Рассаду помидоров (около тридцати сортов) мы сначала решили на рынке продавать, договорились, киоск отдельный взяли, вывеску повесили. А люди узнали о том, что мы будем продавать, и не успела машина к школе подойти, появились первые покупатели, и через полчаса мы все продали. Так на рынок в этом году и не выехали.

Как мы деньги тратим? У нас был такой случай. Паренек наш Саша Сажин отслужил армию, вернулся на первый курс Тюменского медицинского института. Приехал к нам сразу после демобилизации в солдатской форме. Надежды на помощь от родственников у него нет. Что делать, ведь студент института? Х/б штанишки и ботинки за пять рублей ему не дашь, как первокласснику. Одели парня на 870 рублей. Правда, не совсем законно.

* * *

Какой бы интернат ни был, будь у нас хоть сто лодок и двести тракторов, каждому ребенку по трактору, но … нужна ласка, нужна семейная ласка, надо вечером каждого ребенка погладить.

А в условиях интерната даже при самых хороших нянечках никак она сто сорок детей (ведь каждая нянечка на четыре группы работает) всех не погладит. Сядь к одному на постель, глядишь, у другого на подушке слезы…

А чего ревет, не ответит. Но и так ясно: обидно, что не к нему на кровать сели. Поэтому я считаю, что школа будущего – это хорошая общеобразовательная школа со всеми возможностями всестороннего и гармонического развития наших ребятишек. Только надо очень хорошо продумать деятельность. Вспомните, у Антона Семеновича Макаренко была главная деятельность, перспектива ближняя, средняя, дальняя. Надо же этим жить: «Вот, ребята, мы сэкономим на этом, на этом, на этом, чтобы летом дом построить. Дом стоит сорок тысяч, а мы его хозспособом

построим за 22 тысячи». Мы эти деньги к лету готовим, собираем по крохам, отовсюду – металлолом сдаем, макулатуру.

Нельзя все время строить воспитательную политику на гуманности государства, надо уметь работать самим и научиться хозяйствовать. Ведь если убрать все трудности, сделать масляную жизнь, кого мы будем воспитывать из ребят?

Не дадут соврать наши товарищи: в этом году у них со мной был трудный разговор. Пришли педагоги начальных классов и требуют, чтобы я разрешил списать парадные костюмы, которые одиннадцать лет дети носили. Целые парадные костюмы, но они надоели детям. Я спрашиваю:

– Что значит надоели детям? Ведь за счет того, что мы не покупаем одежду малышам, бережем ее, экономно относимся к ней, мы старшим покупаем полушубки за 170 рублей, а девочкам, которые в этом году поступают в институт, купили шубы за 210 рублей. Это же надо сбалансировать как-то.

Но уговорили меня. Отдали мы эти костюмы в пионерский лагерь, чтобы дети там их по праздникам носили, купили новые костюмы. Но старые-то мы одиннадцать лет носили! Нам на шубу, на зимнее пальто дается срок два-три года, а ведь мы носим пять-шесть лет! Мы уже давно имеем два вида одежды – одно пальто для улицы, у нас малыши ее зовут «гуленная» одежда, с горки в ней катаются, на катке, а второй вид одежды мы держим для города.

* * *

Еще об одном хочу сказать. С инспекцией по делам несовершеннолетних мы никогда дел не имеем. И никаких убеганий у нас нет. Ну кто из нас, даже при самых тяжелых отношениях в семье, всякое бывает, кто из нас звонит по 02 и говорит: «Пришлите ко мне капитана домой, надо разобраться с моим сыном». Разве такое бывает? Нет!

Почему же мы интернаты превратили сейчас в придаток к инспекции по делам несовершеннолетних. По любому поводу инспектор идет в интернат. А разве он сильнее нашего педколлектива? Я считаю, если бы у нас меньше было инспекций, меньше было бы спецшкол, у нас было бы больше порядка.

Вы знаете, когда педагогика сотрудничества 18 октября была опубликована в «Учительской газете», мы пришли в школу, как на праздник. Новаторы выросли на классической педагогике, но их идеи сегодня сопричастны с решением XXYII съезда, с январским Пленумом, с апрельским Пленумом. Вообще идея демократизации нам сегодня помогает жить. Новаторов не отрицать надо: в школу вдохнулся свежий ветер, как это хорошо, как они нам нужны.

Мы без особого шума все применяем, лишь бы хорошо было детям. Недавно у нас учитель математики давала урок, на котором показывала коллективные формы работы ребят. И элементы шаталовского опыта, и Лысенковой, и Палтышева – все собрала. Молодая учительница, всего шесть лет работает, а как класс ее слушал! В первом классе мы сейчас с удовольствием занимаемся по опыту Е.Потаповой. Два раза ездили в Москву, набрали материал. Готовимся сейчас к будущему первому классу.

Но очень нам не хватает комплексной программы развития и обучения детей-сирот с рождения до восемнадцати лет. Когда мы ее получим от Академии педагогических наук? Сколько можно ждать?

* * *

Меня часто спрашивают, как побороть вороватость в детях? Это психологический вопрос, потому что встречаются ребятишки, особенно маленькие, которые то ли не надеются, то ли им просто хочется все своровать. Тяжелое это дело. У нас как-то стали телефоны воровать, я поехал на телефонную станцию, набрал их полмешка, привез, собрал всех на линейку. Открыл мешок:

– Ребята, кому надо, берите, кто сейчас не возьмет, мешок стоит около моего кабинета, возьмете, сколько будет надо.

Все. Прекратилось воровство. Пробовали конфеты воровать. Договорились, что у меня всегда будет ящик с конфетами, хочешь – приходи бери. Мало ли что, захотел ребенок конфету, я должен ему дать.

И вообще, когда надо ругать ребенка, мы не спешим (отсроченное наказание, как было у Антона Семеновича). Пройдет время, вдруг неожиданно ему – бах, конфету в руки и говорим:

– Вот тебе конфета и веди себя так, чтобы тебе было приятно.

Он с такими глазами уходит!

У нас железный закон: чтобы старшие ничего не брали у малышей. За это мы со старшими воюем крепко. У наших малышей все игрушки в сохранности, и они у старших ничего не берут, свободно к ним ходят во все спальни. Мне кажется, просто добрым отношением можно добиться, чтобы ребенок не воровал, чтобы у него не было никакой тяги к воровству.

* * *

Бывает ли нашим детям плохо? Они скучают по родителям. Вот мать пишет из тюрьмы письма: «Заберу тебя, родной сыночек, как только выйду!».

Вышла – и мимо интерната пролетела.

Парень – на дыбы! Нам его надо приводить в порядок. Это у нас самый трудный вопрос. Мы больше за него переживаем, чем он за свою мать.

Если наши выпускники выходят замуж или женятся, мы им готовим подарок. Туда входят и одеяла, и матрацы, в общем все, что надо, и главное – книги. На свадьбу у нас обязательно идут представители от комсомольской организации, пусть посмотрят, как в загсе расписываются, пусть посмотрят, что такое свадьба, жених и невеста.

Почему при Советской власти плохо? Ну почему? Почему только на общественность мы должны опираться?

Разве не Ленин подписал декрет о детях? Разве не Дзержинский помогал детям? Разве у нас сейчас нет таких людей? Не можешь – поможем, не способен – уйди. Но как же из неспособного десять лет делать способного, а при этом как дети будут жить?

Должны все-таки люди опомниться. Почему, имея собственную машину, дачу, персональную машину, какой-нибудь начальник не видит, что у детей-сирот такой дачи нет.

Но еще раз повторю: если мы детей привезем на все готовое – погибнем. Наши дети должны воспитываться в деятельности, должны своим трудом всего добиться.

«Учительская газета», 1987.-30 июля

Две тысячи писем – Две тысячи судеб

I

Говорят, нынче человек становится жестче, рационалистичнее. Не могу я в это поверить после того, как прочитал письма, преисполненные сострадания к детям. Сотни людей хотят стать дедушками и бабушками для сирот, посылают им письма, посылки, беспокоятся об их здоровье, зовут в гости. Лидия Павловна Зюбан живет на пенсию в 40 рублей. Зовет ребят в гости в Крымскую область в море покупаться, фруктов всласть поесть. Раим Рахманович Отаджаков из Таджикистана имеет трех сыновей, и он готов удочерять, усыновлять любое количество людей. Зовут детей в Москву, чуть ли не во все города Советского Союза, в маленькие селения, на озеро Байкал.

Я сделал объявление по школьному радио: «Кто хочет переписываться с добрыми людьми, обрести себе бабушек и дедушек, зайдите ко мне в кабинет». Думал, сейчас набегут малыши. Гляжу, весь интернат у моих дверей, все – от мала до велика – тянут ручонки за письмами. Сейчас уже все переписываются со своими новыми бабушками и дедушками. А в зимние каникулы ездили к ним в гости: в Москву, в Ленинград, в Киев. И, похоже, счастливы обе стороны – и дети, и взрослые.

А сколько людей беспокоятся о дальнейшей судьбе наших выпускников, показанных по телевидению! Могу сообщить: у них все в порядке. Лариса Шаповалова стала студенткой сельскохозяйственной академии. Настя Сивергина, Радик Хайруллин, Коля Бабенко со старанием учатся в тех институтах, которые выбрали по собственному желанию. Саша Шабалин служит в рядах Советской Армии.

Многие авторы писем предлагают свои силы и знания для работы с детьми-сиротами. Они хотят трудиться вместе с педагогическим коллективом нашей школы-интерната. Цитирую строки из писем: «Поставьте только коечку в углу», «дайте только раскладушку», «разрешите только устроиться в чуланчике вашего интерната, и я согласна работать у вас кем угодно».

Мы крайне нуждаемся в музыкальных работниках, руководителях кружков, хореографах, медицинских сестрах, но проблема – жильё. Ведь не поместишь же классного специалиста в интернатский чуланчик. В нашем городе 25 тысяч семей стоят в очереди на улучшение жилищных условий. И мало вероятно, что в ближайшее время работники школы-интерната получат много квартир.

И все-таки с помощью переписки мы получили одного интересного работника – Володю Дмитриева. Он, долго не раздумывая, приехал сам и ни в какую не захотел возвращаться к себе в Ивановскую область. Работает столяром, сразу стал близок детям. В нем столько искренности, которая завораживает ребят!

Меня трогает неравнодушие людей к педагогическим проблемам нашего коллектива. Одна из главных – трудовое воспитание. Мы создали обширную и многофакторную трудовую базу, управлять которой оказывается достаточно сложно. Но в труде детей для себя и для общества мы видим главное средство их нравственного развития.

Скоро будет сдана огромная пристройка к нашей школе. В связи с этим возникнет ряд новых проблем. Как приживутся ребята в микроспальнях на двух-трех человек? Как изменить и сделать более тонким индивидуальный подход к детям? Как обеспечить им одновременно и полноценное общение со взрослыми и сверстниками и вполне оправданное в юности желание побыть одному? К нам придут новые воспитанники, самые маленькие, детишки трех-пяти лет. Надо будет думать о целесообразных педагогических контактах старших с младшими. Этот опыт у нас уже есть, и, думается, приход малышей-дошколят в еще большей степени будет содействовать становлению чувств отцовства и материнства у наших старшеклассников.

Теперь остановлюсь на отдельных проблемах, затронутых в наибольшем количестве писем.

По крайней мере половина писем – это просьба усыновить или удочерить сироту. Читать некоторые невозможно без сердечной боли: «потеряла мужа и сына», «дочка умерла у меня на руках», «погиб наш сынок в Афганистане», «не могу больше жить в одиночестве!..»

Невозможно не отозваться на горе и боль этих людей. Иной раз думаешь: закрыл бы интернат и отдал им всех детей. Но не так-то просто это делается. Пенсионерка П.М.Терешина из Мукачева считает женсоветы наилучшим органом, способным разумно распределить детей по семьям. Это неплохой вариант, но думается, что без психолого-педагогической помощи здесь не обойтись. Много супружеских пар пишут о непреодолимых трудностях у тех, кто хочет взять в семью ребенка из детского дома. Вместе с тем старший воспитатель Орского приемника-распределителя Ольга Андреевна Дубровская сообщает, что живет там четырехлетний мальчик-казах, ласковый, трудолюбивый, самостоятельный. Ей жаль отдавать его в детский дом, а желающих усыновить ребенка найти не может.

Особым предметом разговора являются причины усыновления. Я бы тут выделил определенную категорию писем. Вот девушка 18 лет горячо просит дать ей ребенка, так как ее сердце полно сострадания. Спасибо ей за доброе сердце, но зачем ей ребенок? Разве она не выйдет замуж и не родит своего?

Пожилые бабушки, многие из которых имеют собственных детей и внуков, просят удочерить девушек лет по 15-16, чтобы ухаживали за ними, а они, в свою очередь, не обидят – оставят имущество. Знаете, есть что-то унизительное в таком желании осчастливить сироту. Мол, мои внуки не хотят за мной ухаживать, так пускай бедная сирота позарится на мое добро. Ошибаются эти бабушки, представляя интернатских девушек этакими обездоленными Золушками. У интернатских девочек – чувство собственного достоинства, они самостоятельны и горды. Да и гардероб их таков, что едва ли польстятся на сомнительные богатства.

Мечтая об усыновлении, многие товарищи надеются обрести ласку, веселье от взятых из интерната детей. «Она передо мной попляшет, споет – вот мне и радость!» – пишет одна из женщин – претенденток на удочерение.

Прошу меня извинить за откровенность, но таким усыновителям не доверил бы ребенка. Я не против того, чтобы приемные дети приносили радость своим родителям. Но ведь слишком дорогую цену надо заплатить, прежде чем ощутим такую радость. Это не каждому по силам.

Я больше понимаю тех товарищей, которые просят детей во имя самих детей, которые мечтают о радости не для себя, а для детей, познавших беду. Поэтому мне очень дорого письмо Л.И.Паймаковой, которая рассказала о неимоверных трудностях, с которыми она столкнулась, воспитывая двух неродных детей.

«В 1972 году, – пишет Людмила Ивановна, – мы с мужем поженились, а через три года взяли на воспитание сына. Мальчик рос непослушным, самовольным, немало слез было пролито, чтобы научить его читать и писать. Многие учителя советовали сдать его во вспомогательную школу. Мы не сделали этого. Ребенок стал учиться на «4» и «5». Теперь мальчик наш – студент лесотехнического техникума, приносит домой стипендию. Добрый и великодушный, никогда в беде не оставит, мимо не пройдет. Второй ребенок, родная дочь, на будущий год закончит художественную школу.

Казалось бы, все в нашей семье складывалось нормально. Но вот два года назад я случайно увидела девочку, сидящую под кустиком на самой дороге. Она горько плакала, звала маму. Увидела я ее полные слез глазенки и вдруг неожиданно назвалась ее мамой. Было ей лет девять. Определили мы ее в детский дом, а потом не выдержали – забрали домой.

Муж мой не возражал против удочерения, хотя оба мы не очень здоровые люди. А ребенок наш оказался умственно отсталым. Это было ужасно! Постепенно мы привязались к девочке, она – к нам. Потребовались три месяца, чтобы девочка отвыкла от гримас, ругани. Вскоре мы решились на эксперимент: по договоренности гороно перевели ее из вспомогательной школы в об-

щеобразовательную. Вспомнить страшно, чего это нам стоило. У Аллочки обнаружились провалы в памяти, полное отсутствие внимания, умения сосредоточиться. Но мы не отступали, учились вместе с ней. Теперь она догоняет своих сверстников по классу.

Только душой взрослого можно спасти больного ребенка…»

Хочется низко поклониться этой поистине героической женщине, которая к тому же просит удочерить еще одну девочку.

Но никак нельзя забывать о многочисленных усыновителях, которым оказалось не по силам выполнить свой долг по отношению к детям, которых так искренне обещали сделать счастливыми. Почему? Вот характерное письмо:

«Судьба моя сложилась так, что мы с мужем усыновили двух деток. Было Юленьке и Владику по 19 дней. Поначалу испытывали трудности и физические, и материально. Но дети росли здоровыми, развивались нормально. Первая беда пришла, когда они стали учиться. Владик оказался не способным к учебе в общеобразовательной школе. Осталось покориться судьбе. И стала я одной из мамаш, которые ходят на собрания во вспомогательную школу. Но Владик очень прилежный, добрый, хороший мальчик. Мы с ним очень дружим. Сейчас уже думаем о его трудоустройстве, ведь в этом году он закончит восемь классов. За него уже душа не болит. Вторая душа погубила меня.

Это моя дочь Юлия. С большим трудом окончила пятый класс, в шестой ходить не хочет, Другие интересы – гулять, красить лицо, курить, пить. Мы с мужем, школа, родственники, друзья боролись, как могли, но безуспешно. Пришлось согласиться на спецшколу. Седьмой и восьмой класс Юля закончила там. Писала мне очень хорошие письма. Но вот приехала домой, и все мои надежды рассеялись. Опять – побеги, курение, разврат. Я стала инвалидом второй группы, муж не выдержал, оставил нас. Куда я только не обращалась, все только руками разводят. Всем смыслом моей жизни были только дети. И вот результат: ни семьи, ни здоровья, ни детей!»

Страшное письмо. Оно заставляет нас задуматься о том, как необходимо психиатрическое обследование каждого ребенка-сироты, чтобы будущие родители знали всю правду о его здоро-

вье, а тем, кто не дрогнет, – специальные методики-рекомендации по воспитанию, обучению ребятишек с нервными расстройствами. И тут наука – генетика, педагогика, медицина – в неоплатном долгу перед обществом за отсутствие системы такой помощи.

Напомню еще такой важный момент: нельзя усыновлять ребенка без согласия его родственников. Многие из читателей возмущаются таким положением, и мне их эмоции понятны. Родственники подчас годами не вспоминают своих близких по крови детей, пряника, конфетки им не принесут, открытки к празднику не пришлют. Но стоит только поставить вопрос о том, как в них просыпаются «родственные» чувства и они горой стоят за право воспитания ребенка в общественном учреждении.

Не раз случалось, что родственники изымали детей из вновь обретенных семей, как это случилось с Лидией Ивановной Шлямовой из города Тольятти. Они с мужем потеряли сына. Пытались взять ребенка из интерната. Наташу никто никогда не навещал в интернате. Но только начала Наташа привыкать к своим новым родителям, как пришло письмо из Иванова от неожиданно объявившейся матери. Хотели удочерить Ларису. и тоже ничего не получилось: объявился родственник.

Я должен честно сказать, что нет в нашем интернате детей, которых можно было бы на основе юридических и генетических правил передать на усыновление и удочерение. Знаю и то, что во многих семьях, о которых рассказали письма, детям было бы лучше и теплее. Но, к сожалению, возможностей для этого нет, и тут, на мой взгляд, надо подумать юристам над совершенствованием законодательства: что-то не продумано, коли горе-родители прекрасно себя чувствуют в роли «собаки на сене».

В почте немало писем и с противоположной просьбой: забрать детей из семей в интернат. Можно было бы ответить просто: интернат переполнен, обращайтесь в ближайший детский дом или школу-интернат. Однако, так просто не получается.

Вот пишет мать, лишившаяся на производстве обеих ног: «Мне часто приходится лежать в больнице, тогда мой мальчик живет по соседям, то у одних, то у других. Но кому нужен ребе-

нок из чужой семьи? Мне советовали оформить его в наш местный интернат».

«Меня с двумя детьми бросил муж. Мне 33 года, образование высшее. У меня больное сердце, нет сил жить на свете, и боюсь, что не выживу. Что станет с моими детьми?» – в отчаянии другая женщина.

Читаешь такие письма и не можешь понять, как получается, что сотни людей за тысячи километров протягивают руку помощи детям-сиротам и не видят горя человеческого рядом с собой? Почему же этим женщинам, беда которых видна и без их слез и мольбы, никто не протянет руки?

Хочется кричать: посмотрите вокруг себя, будьте милосердны к человеческому горю! Помогите беззащитным детям, помогите семье, которой живется трудно!

II

Есть в письмах, полученных мною после выступлений по телевидению, социальный мотив, на основании которого авторы-матери просят забрать сыновей в интернат. Это неблагополучная среда, развращающая и уродующая их детей. Вот рассказ о городе Балхаш Казахской ССР:

«Город небольшой, но неспокойный, в нем много преступности. Сыну моему 12 лет. В последнее время стала замечать, что к нему стали липнуть подростки постарше, уводят его с уроков. А как увидел сын вашу передачу по телевизору, закричал: «Мама, я поеду в этот интернат, я тоже буду там работать!»

Еще один адрес – цитирую письмо: «Я со своей бедой – одна. Рядом люди, занятые собой, своими делами, и нет никому дела до чужой беды. Пока сын был меньше, горя не знала, но сейчас... Наш город, наводненный иностранцами, отрицательно влияет на нашу молодежь. Еще не оперились, а толкутся, как отпетые фарцовщики, около иностранных машин, скупая, перепродавая тряпки и всякое другое барахло с иностранными наклейками. Город захлестнут вещизмом, особенно это заметно среди школьников. Погоня за легкими деньгами создала у нас экстремальные условия для появления группировок подростков, которые скатились

до садизма, до бесчеловечности ради наживы. Доходило до того, что горком партии поднимал всю общественность города на борьбу с этими группировками, но большинство детей занимаются всем чем угодно, только не учебой и не трудом».

Разумеется, не иностранцы виноваты в создавшейся проблеме. Мы привыкли отыскивать корни зла прежде во внешних условиях. Ведь вот в том же Балхаше, наверное, мало зарубежных гостей, а обстановка неспокойная. И тут, видимо, виноваты комсомольские руководители, которые не сумели объединить молодежь общественно полезными делами.

Сложную проблему не решить изъятием отдельных детей из неблагополучной среды. Речь должна идти о коренной перестройке самой среды, порождающей уродливые явления в жизни подрастающего поколения. Значит, необходимо принимать самые срочные меры для защиты детей из неполной, неблагополучной семьи.

Невероятно трудно растить сыновей многим матерям-одиночкам. Они тоже просят забрать их в интернат. Только один пример. «У меня сын. Ему 13 лет. Отца он не знает. Спасла его от семи смертей. Пошел в школу. С четвертого класса начал воровать. В шестом классе поставили на учет в детской комнате милиции. Грозила ему колония, но спасибо добрым людям – помогли. В седьмом классе опять не захотел учиться. Я пошла на крайность: не хочешь учиться, уходи из дома. И он ушел… в компанию себе подобных. Вырыли они в лесу землянку и живут в ней. Прошу вас не как директора, а как человека – возьмите мальчика к себе!»

В стране 10 миллионов матерей-одиночек. Помню, в одном из выступлений писатель Леонид Жуховицкий назвал печальную статистику: именно большинство женщин являются инициаторами разводов. Не хватило терпения, мудрости, взял верх эгоизм. Не снимая с женщин вины за разоренные семьи, тем не менее хочу сказать и о нашей социальной апатии. В стране миллионы членов родительских комитетов, других общественных организаций, созданных для помощи семьям. Однако они не развернули систематическую педагогическую помощь матерям-одиночкам в

воспитании детей, робко используют свои полномочия для защиты семьи от скоропалительных разводов.

Возвращаясь к письмам авторов, которые просят забрать их детей в интернат, хочу их серьезно предупредить о том, что они могут потерять детей навсегда. Воспитанники детских домов быстро утрачивают родственные связи, отвыкают жалеть своих родных и близких, теряют желание видеться с ними. К сожалению, именно школы-интернаты нередко порождают «людей без корней», не помнящих родства, людей без роду и племени. О таких трагедиях тоже рассказывают многочисленные письма. Приведу только одно:

«С мужем я разошлась, когда Ларисе было два года. В Воронеже рядом с моим домом оказался интернат. Туда и устроила свою дочь. В выходные она приходила домой, каникулы проводили вместе.

Мне уже 50 лет, а я никак не могу понять, где и как я ее потеряла, упустила навсегда. С шестого класса она перестала называть меня мамой. Пыталась притянуть ее к себе, но все время наталкивалась, как на шипы. Лариса грубила и, как дикий зверек, зло глядела исподлобья.

Окончив школу, дочь уехала в Тамбов. Она всю жизнь грезила авиацией, и там ее приняли в клуб ДОСААФ. Жилось ей очень трудно, но она отказывалась принимать мои деньги. Работала днем маляром, ночами – в общежитии. Затем переехала в Кременчуг, окончила летное училище и получила диплом летчика-штурмана.

Уже два года я не получаю от неё ни строчки. Последним посланием была открытка со словами: «Если я кому должна, то не тебе, а государству, это оно поставило меня на ноги и воспитало...»

Вот такой жестокий жизненный урок...

Да, не от хорошей жизни молят матери о помощи. Жаль мне их, но, поверьте, помочь не могу, есть же предел даже добрым намерениям.

Меня поразило письмо восемнадцатилетней Марины Черноскутовой из Кемеровской области: «Сама я – безотцовщина. У

мамы нас трое. Сейчас мы хорошо живем, а детство наше прошло впроголодь. Да, в нашем двадцатом веке мы тянули от получки до получки. Я преклоняюсь перед моей мамой. Пройти через это все и не запить, не сдать нас в детский дом! Она очень сильная, моя мама…»

Добавлю несколько слов об авторе. С пятого класса Марина начала писать стихи, из них – о детях-сиротах, брошенных родителями.

Говорят, рядом с добром живет гнев. Какие только кары в письмах не посылают на головы тех женщин, которые отреклись от рожденных ими детей. Позорить их на товарищеских судах, взимать огромные алименты, не предоставлять очередных отпусков, лишать премий и даже ставить клеймо на паспорте и расстреливать. Страшно становится от такого человеческого гнева, предающего проклятию матерей, не способных осознать свое бесчестье. «Вы, Александр Александрович, в передаче сказали, что даже грязная, ободранная кошка не бросит своего котенка, – пишет молодой человек из Магнитогорска, назвавшийся Артуром.– Сколько их обещают исправиться и встать на путь истинный! Не способны они исправиться: на некоторое время берутся за ум, а потом все начинается сначала».

Я бы не стал столь категорично осуждать всех оступившихся. С педагогической точки зрения трудно заведомо отрицать возможность нравственного возрождения матерей, бросивших свое дитя. Трудно поверить, что рано или поздно не проснется в ней материнский инстинкт женщины, родившей в муках ребенка, страдающего по ее вине. Об этом красноречиво свидетельствует и письмо Лидии Макаровны Лаптандер, которую лишили родительских прав за аморальный образ жизни. Семеро ее детей учатся в школе-интернате Нарьян-Мара. «Теперь, – пишет женщина, – я не пью ни грамма, дома у меня уютно, работаю хорошо, недавно колхоз дал мне хорошую характеристику. Если меня не восстановят в родительских правах, я не смогу жить без детей».

Действительно, родители, лишенные отцовских и материнских прав, не могут неограниченно пользоваться свиданиями со своими детьми, хотя такая возможность существует, если не воз-

ражают соответствующие органы опеки. Мы всегда внимательно следим, как такие родители влияют на своих детей. Бывает, приходят в интернат навеселе, грязные, неряшливые. Это нервирует детей, они начинают стыдиться своих родителей. Да и другим ребятишкам становится не по себе. В то же время мы учитываем и влияние детей на своих заблудших матерей. Связь с ребенком может помочь нравственному возрождению матери, осознавшей свою вину.. Если же женщина окончательно утратила материнские чувства, то ребенок не поможет ей обрести ту точку опоры, которая даст подняться на ноги.

Читая письма, статьи о безнравственности женщин, покидающих детей, невольно задумываешься: а чем лучше мужчины, бросающие детей вместе с матерями? Разве не наносят они ребенку такую же непоправимую боль, разве их предательство оставляет меньшую рану в сердце ни в чем не повинного ребенка? Но лучше предоставлю слово этой страдающей стороне: «Скоро три года, как нас бросил папа, ушел к другой женщине. Сколько раз я, Оля и мама со слезами просили его вернуться домой. Он сначала обещал, а сейчас даже не звонит нам и к школе даже тетрадь за три копейки не купил.

Я знаю, что женщин, которые бросают детей, называют кукушками. А как нам звать своего папу? Предатель, алиментщик, просто плохой?! Почему сейчас, когда уже больше сорока лет нет войны, мы, дети, должны при живом отце жить без папы?»

Девочка права. Не может быть никаких социальных оснований, чтобы, как сказано было на учредительной конференции Советского детского фонда, 700 тысяч детей ежегодно оставались без одного из родителей. Укрепление семьи как основной ячейки нашего общества составляет ныне нашу общенародную заботу. Всякий развод антисоциален по своему существу, ибо несет несчастье детям. Не меньшую беду несут разоренные семьи и обществу, ибо именно такие семьи нередко служат поставщиками несовершеннолетних правонарушителей, потом матерых преступников.

«Я не знаю, где находятся могилы моих родителей. Родился я в 1949 году. Когда пошел в первый класс, отец бросил нас. Мать

тоже потом бросила нас, троих братьев. Она работала в три смены. Жили вчетвером в двенадцатиметровой комнате. Дом этот до сих пор зовут казармой, потому что построен он фабрикантом Гучковым в 1903 году. Я – пьяница, средний брат – тоже пьяница. А младший не вылезает на свободу…»

Читая такие исповеди, я не могу быть снисходительным ни к горе-матерям, ни к горе-отцам.

Эти письма я сложил в особую пачку. Они – о разительных контрастах в жизни детских домов, которые произошли на глазах нескольких поколений.

Холодное и голодное детство было у ребят в довоенных детских домах. Но с какой теплотой, благодарностью вспоминают бывшие воспитанники, ныне пенсионеры, свое детство! Потому что рядом были самоотверженные и великодушные люди, их учителя и воспитатели.

«Наш детский дом был в 18 километрах от Ташкента, – рассказывает Валентина Яковлевна Бабина. – Там раньше помещался кадетский корпус, разрушенный во время революции. Остались только стены да крыши, а внутри все разрушено и сожжено. Вот в эти развалины и привозили детей. Здесь директор Всеволод Федорович Лубинцов воспитывал 200 детей дошкольного возраста и 500 школьников. Мы вместе с ним полностью восстановили заброшенное здание и построили одноэтажный корпус. Сами делали кирпичи для домов. У нас были столярные и слесарные мастерские, переплетный цех, свои лошади, коровы, гуси, куры, утки, бараны и даже пасека. Мы создали и открыли музей своего детского дома, где своими руками нарисовали картины, сделали чеканку по железу, резьбу по дереву. Сеяли пшеницу, мололи на мельнице муку, пекли хлеб. У нас были два стадиона, лазарет, где нас лечили два врача.

Из беспризорников выходили замечательные люди, грамотные, честные труженики. Такими стали и мои девять братьев, только всех их унесла война…»

Спасибо вам, Валентина Яковлевна, за ваше доброе письмо. Ведь судьбы послереволюционных детских домов бесконечно дороги нам, как истоки нашего национального достояния. С та-

кой же теплотой повествуют о послевоенном детском доме Анна Степановна Рогачева, Раиса Николаевна Бобрик. Но вот что удивительно: чем ближе к нашему времени, тем мрачнее впечатление моих корреспондентов.

«Мне очень понравилось, что вы приучаете детей к самостоятельности и разговариваете с ними, как со взрослыми, – пишет Лидия Юрьевна Коломыцева из Мурманской области.– Когда мой папа попал в тюрьму, то три года, проведенные в интернате, показались мне столь ужасными, что думала, не переживу всего этого. Это был кошмарный сон! До сих пор боюсь смотреть в глаза детям из интернатов и детских домов».

Лидия Михайловна Калугина, которая живет в Заполярье, посетила в качестве председателя профсоюзного комитета ОРСа п/о «Ноябрьскнефтегаз» Боровский детский дом Тюменской области. Коллектив, где она трудится, решил взять шефство над сиротами. Что же она увидела в этом детском доме? Учебный корпус разваливается на глазах. Нет игровых комнат. Дети предоставлены самим себе. Невольно хочется спросить: куда деваются огромные деньги, которые отпускает нынче государство на содержание детских домов? Почему Лидия Михайловна вынуждена собирать деньги со своих сотрудников, чтобы купить одежду детям, живущих на Севере?

Зоя Александровна Жданова, бывшая воспитанница Котельничского детского дома, что в Кировской области, побывала там в сентябре прошлого года. Что увидела там бывшая воспитанница? Висячие замки на игровых комнатах. В раздевалке для пятилетних детей – холодный пол, на котором даже нет половичка. Зато в кабинете завуча на полу – теплый, толстый ковер. Дети в школу ходят без дневников. С горечью и обидой покинула Зоя Александровна спустя тридцать лет свой ранее благополучный детский дом.

Читаешь такие письма и диву даешься: то ли дети стали другими, нерадивыми, то ли воспитатели разучились работать, не умеют вовлечь детей в разумную трудовую и внешкольную деятельность, формирующую личность активную и самостоятельную. Скорее, все-таки последнее.

А теперь о самых радостных письмах, которые мы получили от наших выпускников. В каждом письме отголосок той поры, когда автор жил в нашем доме, огорчал нас своими шалостями, получал отметки, дружил с ребятами. Держишь в руках письмо и тревожишься: как-то сложилась его жизнь, как отслужил, счастлив ли, состоялся ли как гражданин?

Пришло письмо от Бори Нефедова из Ленинграда. Женился, семья у него хорошая, дочка родилась. Жену любит и ее родственников тоже.

Прислали письма из армии Миша Мальцев, наш лучший тракторист, Роман Исаев. Обрадовались мы весточке от Миши Фомина. Ушел в армию и будто пропал. И вот прислал письмо – передача помогла. Служит на флоте на Дальнем Востоке.

Закончил нашу школу более десяти лет назад девочка по имени Лена. Очень хотела стать врачом. Однажды в последний момент удержали ее: раздобыла где-то шприц, наполнила водой и намеревалась делать малышам уколы. Теперь пишет Елена Анатольевна Матвеева: «Смотрела в июле передачу из Останкино, и слезы на глазах наворачивались! Я замужем, муж – мастер на ГРЭС, дочь во втором классе учится. Сама работаю сменным мастером в банно-прачечном комбинате. Живем хорошо, а самое главное, что я человек трудолюбивый, и научили меня этому в школе-интернате. Все вспоминаю, как вы учили нас красить стены и двери.

Спасибо всем воспитателям за ребят, которых они отстояли от беды. Спасибо, что не оставили нас в дурных семьях. Теперь я член родительского комитета, и мы все вместе боремся за каждую семью, за то, чтобы дети оставались в семье при живых родителях, чтобы у них была ласка и доброта матери, чего не было у нас».

Пишут нам из Алма-Аты, Норильска, Архангельска, Удмуртии, с Дальнего Востока, из Хабаровска. Даже удивительно: маленькая школа в Коми АССР, а ее выпускники живут и служат по всей огромной стране. Правильно говорят, что дети – наше будущее. И если им хорошо, нам больше ничего не надо.

«Семья», 1988.-№ №15,16

И в сердце каждом отзовется

Дети, лишенные семьи, растущие сиротами при живых родителях, – об этом тревожном, горьком явлении размышляют и спорят сегодня ученые, педагоги, писатели и журналисты. Как вы знаете, ЦК КПСС рассмотрел вопрос о мерах по устранению серьезных недостатков в работе с детьми-сиротами.

Итак, сегодня мы выносим на обсуждение предложения реорганизации жизни для воспитанников детских домов и школ-интернатов. Их авторы – директора детских учреждений. Просим высказать свое мнение работников органов народного образования, комитетов комсомола и всех, кого волнуют проблемы детства.

Александр Александрович Католиков, директор школы-интерната № 1 г. Сыктывкара Коми АССР:

– Подобные сцены знакомы, наверное, всем моим коллегам. Привозят в интернат детей из одной семьи – братьев и сестер. Они, естественно, жили вместе, привязаны друг другу. Но … мы вынуждены оставлять у себя только старших. Младших увозят в дошкольный детский дом или в Дом ребенка. У ребятишек слезы льются рекой, да и мы, педагоги, готовы заплакать.

Я считаю, что давно настала пора решить эту проблему. Нельзя разрывать родственные связи (ведь наши дети и без того лишены родительского внимания и заботы), недопустимо, чтобы они страдали, без конца переезжая с места на место.

Со следующего года мы планируем в свой интернат брать детей, начиная с трех лет. А если бы позволили, мы бы и Дом ребенка взяли под свое крыло. Но дома ребенка, где малыши воспитываются до трехлетнего возраста, относятся к Министерству здравоохранения, а детские дома и школы-интернаты – к Минпросу. Вот и получается, что малыши практически изолированы от внешнего мира. Теряются самые важные, самые благодатные для развития психики ребенка годы. И наверстать потерянное потом, как бы мы ни старались, очень трудно.

Итак, я предлагаю объединить под одной крышей всех детей, оставшихся без родительской опеки. Такой детский дом (обяза-

тельно – небольшой, на 120-150 человек) и должен стать настоящим Домом, в котором старшие будут заботиться о малышах, а те – расти, чувствуя семейное тепло и уют, зная, что не придется им никуда внезапно уезжать, срываться с насиженного места. И развиваться, кстати, в таком доме дети будут лучше.

Здание такого детского дома должно быть совершенно особым. Небольшие, уютные спальни, большие игровые помещения, комнаты отдыха, где ребенок мог бы хоть ненадолго остаться один, подумать о чем-то, почитать. И территории для детского дома необходимо выделить побольше…

Комсомольская правда, 1987.- 5 сентября

Принципы нашего дома

Об Александре Александровиче Католикове, директоре 1-й сыктывкарской школы-интерната, народном учителе СССР, многие наши читатели, конечно, знают. Он выступал на телевизионной встрече в Останкине, о его педагогике не раз писала «Учительская газета». И вот этот прославленный на всю страну учитель в Новосибирске. Он – наш земляк, закончил 10-ю школу, был на ее недавно отмечавшемся юбилее, встречался с новосибирскими коллегами, выступал в педагогическом институте. Дел у него оказалось множество, но все-таки для встречи с корреспондентом газеты наш гость выбрал время.

– Начну с того, что мне в моей работе никто не мешал, никогда я не чувствовал никакого давления. Повезло? Может быть! Только с первых же шагов в Сыктывкаре, когда мы с женой приехали из Москвы, нас окружили заботой, вниманием, терпеливо растили из самолюбивых столичных пижонов людей деятельных, самостоятельно мыслящих, умеющих отвечать за порученное дело. Я шесть лет проработал директором дворца пионеров. Что за прекрасное было время! Сколько всего мы сумели настроить, напридумывать, осуществить! Свой пароход заимели, плавали аж до Архангельска. Вот тут-то я и прошел педагогику сотрудничества, о которой сейчас столько пишут. Разве бы я смог зажечь ребят, только командуя, отдавая приказы? Мне требова-

лись помощники, единомышленники, а не послушные исполнители начальственной воли. Мы шли навстречу друг другу, вместе делали ошибки и открытия, вместе праздновали победы, оплакивали неудачи.

– *А вам не казалось, что ваше призвание в чем-то больше, чем дворец пионеров, что есть комплекс недооткрытости своих педагогических возможностей?*

– Да, нет, все шло естественно, мне надо было пройти марши и речные путешествия, чтобы потом прийти в школу-интернат. Эти годы меня закалили, открыли какие-то, самому мне не видимые внутренние резервы, раскрепостили. Став директором, я долго помнил первые свои педагогические опыты, грелся у костра дорогих этих воспоминаний. Оттуда вынес твердое убеждение: один учитель, даже очень талантливый, не сдвинет эту гору из проблем, которая надвинулась на нас задолго до школьной реформы. Штурмовать ее надо сообща. Значит, обзаводись, директор, соратниками, расти их, формируй. В школе-интернате, кстати, другой род отношений, теснее связи, чем в обычной школе. Здесь больше объединяющих начал – общая судьба свела детей под одной крышей, у них общий быт, и мы, взрослые, – это их семья на время, пока они растут. Мы вроде бы обречены быть друг с другом, но в этой обреченности не должно быть трагедии. ***Наш вынужденный союз необходимо сделать счастливым*** – вот какая стояла у меня задача.

– *Когда пишут о вашей школе-интернате, то прежде всего выделяют принципы самоуправления. Именно на них и держится ваш большой и дружный дом, они в числе нравственных законов, по которым живет коллектив. Но ведь не с неба свалились эти принципы, готовые «к употреблению»? Вы своими руками их ковали?*

– Конечно, сами на себя «цепи» надели, – смеется Католиков. – Я имею в виду суровость наших моральных устоев. Мы, надо отметить, начинали с оптимальных условий для организации самоуправления. Как пятнадцать лет назад начали строить, так все не можем остановиться. Загородный круглогодичный лагерь труда и отдыха, мастерские, автогородок, теплицы, сауна, опытная и

полеводческая станции, оранжерея, фермы для кроликов и многое другое – все своими руками, все хозспособом. Как же тут разленишься? Мастеровые у меня ребята растут, умельцы! У них вкус к хорошей, добротной работе. И к самостоятельности. Учатся сами принимать решения, сами отвечать за них. Не сразу, но появляется интерес: а что могу я сам, какой у меня характер, хватит ли терпения, не отступлюсь ли?

Начиная с четвертого, все классы разбиваем на бригады по четыре-шесть человек в каждой. Кому быть бригадиром, решают сообща. В самом центре этой системы самоуправления – штаб труда. Это верховный орган. Очень авторитетный. В штаб входят старшие бригадиры. Есть, конечно, председатель – член комитета комсомола, заместитель – член совета пионерской дружины. Стараемся незаформализовать все эти органы, не даем своим «начальникам» зазнаваться. Учимся демократии, гласности, как и вся наша страна. Чувствуем, что кто-то нос задрал, – вежливо так поправим. Без окриков, все доброжелательно.

Раз в месяц совет бригадиров – рабочий орган самоуправления – распределяет бригады по участкам. Это может быть срочная снегоуборка, работа в оранжерее, столярной мастерской, на ферме. Если где-то прорыв – туда срочный вызов. Этот делает ударная бригада. Отвечает за ее деятельность зампред штаба труда. Человека туда выбираем ответственного, надежного, чтобы не волноваться.

– Система поощрений, наказаний – как вы тут распределяете силы?

– У нас существуют трудовые паспорта. И вид работы, и полученная за нее оценка записываются в этот паспорт. По пятибалльной шкале выставляется коэффициент трудового участия всех членов бригады. В конце месяца бригадир, опираясь на этот самый КТУ, выставляет среднемесячный балл каждому. Отмечаем по-разному. Но я не сторонник только моральных форм поощрения. А почему, отлично потрудившись, парень не может получить честно заработанные рубли? А потом поедут все, например, на экскурсию в Киров. Совет бригадиров решит сообща, кому выдать на личные расходы три рубля, а кому можно и пятна-

дцать. Кто как поработал – столько и получи. Справедливо? Я считаю, что да, справедливо.

Ну, а наказывать я, признаться, не люблю. Всячески избегаю этого. Но уж когда вынудят, разражаюсь «местью». Ну, например, был как-то дежурным по столовой Саша Череповский. Вечером ребята пришли из кино, поели – и бегом спать. А столы остались неубранными. Наутро я их не пустил завтракать, пока не наведут порядок. Они – к Саше, он – в столовую, и завелся, ругается, (не вслух, конечно, про себя), злой, нервный. Убрал все, но завтракать не стал. Я его разыскал, посоветовал в комнате отдыха полежать – есть у нас такой зеленый оазис, где про все обиды забудешь. А вечером пообещал взять в лагерь, я туда очередного гостя возил. К вечеру мой буян отошел, а в лагере уже был просто золотым парнем.

Люблю с ребятами в сауну ходить. Сидим, завернувшись в простыни, попиваем ароматный, на травах, чаек и про жизнь беседуем. Тут я им никакой не директор, а свой, кореш, они меня не стесняются, говорят откровенно. Эти «банные» часы я очень ценю, там часто куда больше педагогических открытий делаю, чем за долгие месяцы официального общения. Вообще очень важна для доверительного разговора ситуация, обстановка. Нет ее – и разговор не состоялся. И в классе, на уроке, без организации особой ситуации нет успеха.

Вот пришел я как-то на урок литературы. Проходят старшеклассники поэзию Сергея Есенина. Полно всяких пособий, пейзажей лирических, а вот как-то неуютно, казенно. Ребята только начнут читать стихи, учительница их обрывает: объясни, что это за эпитет, что за сравнение. И вся музыка стиха исчезает, скучно делается. Я ушел огорченный. Урок-то не состоялся – у кого в душе останется такой вот обрывочный, публично поданный Есенин? Потом я ее вызвал, сказал о своих впечатлениях и посоветовал:

– А ты попробуй вечером, при свечах, где-нибудь в гостиной просто почитать Есенина. Пусть они почувствуют мелодию стиха, проникнутся настроением.

Попробовала, пришла радостная – получилось! А я вспомнил тогда, как приучала к настоящей поэзии, музыке, как развивала наши черствые души моя школьная учительница, прекрасный словесник Эльвира Николаевна Горюхина. Помню, пришла както в класс с пластинкой Ленинградской симфонии Дмитрия Шостаковича, завела, сама наслаждается, а нам хоть бы что. Никаких эмоций!

– Поняли?

– Нет!

Рассердилась, но не бросила нас, темных, а прямо с ожесточением взялась поворачивать нас к искусству. Таскала в театры, кино, водила за кулисы, познакомила с интересными актерами и режиссерами. И мы, убежденные технари, до сих пор признававшие только точные науки, прямо на глазах превратились в «утонченных» интеллигентов. Пели в школьном хоре, зачастили на симфонические концерты, переписывались с Константином Симоновым. Вот что может талантливый педагог! Она тогда, двадцать пять лет назад, работала как сегодняшние новаторы Ильин, Шаталов. Ярко, самобытно!

– Значит, вы исповедуете принципы сотрудничества? Верите в них?

– Конечно. А иначе у нас и нельзя, мы же дом, семья. Особенно это наше единство стало заметно, когда появились девяти- и десятиклассники. Мы отстояли право воспитывать наших ребят до окончания средней школы. А то «выбрасывали» их за порог к чужому дяде в пятнадцать лет, в самый трудный возраст. Они, такие тепличные, домашние, вдруг попадали в суровую, совсем им не ведомую жизнь. Тут поневоле испугаешься. В ПТУ у нас, чего глаза закрывать, много беспорядков – там и курят, и пьют. Долго ли наших-то соблазнить? Не у всех ведь стойкий иммунитет! А вот стали мы их держать эти два года при себе – и нет педагогического брака! Мы можем теперь скорректировать их поведение, за два года они меняются неузнаваемо. Уходят от нас уже взрослые люди, и мы спокойны – не собьются, не опозорят. Да, и вообще, что это за предел – восемь классов и ПТУ? А если у

человека способности, если он по-настоящему одаренная личность?

Я верю в возможности Советского детского фонда, верю в резкое улучшение отношения к детской проблеме. Слова «милосердие», «сердечность» стали более конкретными, осязаемыми за ними стоят живые Пети и Тани. Вот и у вас в Новосибирске на учредительной конференции областного отделения Детского фонда я познакомился с людьми неравнодушными, с гражданским темпераментом, социально активными, готовыми решительно встать на защиту обиженного детства.

Беседу записывала ***М.Королева***

"Советская Сибирь", 1988.- 17 апреля

Что может учитель

Сегодня на торжественных линейках в школах, училищах, техникумах и вузах республики с добрыми словами напутствия ко всем, кто пришел учиться – первоклассникам и выпускникам, учащимся профтехучилищ, студентам вузов, – обратятся учителя, родители, партийные и советские работники. Каким будет предстоящий учебный год – загадывать не станем. Убеждены в одном: завтрашний день школы зависит от тех, кто учит. Им в этот праздничный день адресует свой «открытый урок» Александр Александрович Католиков, народный учитель СССР.

Снова ребячьи ручейки стекаются к школе. Взволнованные первоклассники, суетливые подростки, горделиво-снисходительные старшеклассники. Каждое первое сентября встречаю с новым волнением, глядя на это шествие ребятишек, утопающих в белых бантах и охапках осенних цветов. Поистине – всесоюзная демонстрация детей, идущих за знаниями. Думается, что нынче их ждет проект «Положения о средней общеобразовательной школе». В нем представляется особо важной идея о том, что «школа призвана удовлетворить потребности учащихся в знаниях».

Великолепно звучит – потребность учащихся в знаниях! Но как вызвать к жизни эту потребность, как развить истинное желание детей учиться – беда нашей школы, застарелая болезнь и для учителей. Часто спрашиваю педагогов, хотят ли учиться дети, которых они обучают, и меня поражает то обстоятельство, что учителя привыкли учить детей, не желающих получать знания по их предмету. Будто бы учителя и не представляют, что может быть иначе, не понимают, сколь трагично годами вбивать знания в головы детей, которые тебя не воспринимают, которые не хотят с тобой сотрудничать.

Давайте вдумаемся в столь разнообразный опыт современных учителей-новаторов. Несмотря на многоплановость, есть в нем одно общее звено: усилия педагога направлены на развитие и становление у детей желания учиться, и учиться хорошо. Это и есть наш учительский «конечный результат», который мы стараемся достигнуть как можно раньше, постоянно поддерживать, культивируя в ребенке благословенную потребность в приобретении новых знаний. Приходится порой ждать долгие годы, когда дети повернут к нам озаренные радостью глаза. Но ради этого и стоит жить учителю. Нынче как никогда раскрепощается личность педагога, он обретает крылья для творческого полета – ищи, пробуй, дерзай! Это ли не счастье? Только не ленись, не гаси в себе «божью искру», заложенную в каждом истинном учителе. Уроки-аукционы, уроки-поиски, уроки-праздники… Да мало ли интересных путей обучения детей? Мы еще не разобрались как следует в опыте учителей-новаторов страны, еще не подняли на щит наших коми учителей-новаторов, не сделали общедоступным их опыт. Побольше бы нам таких учителей, которые начали образовываться в нашей республике. Это движение – залог педагогической перестройки.

Перестройка обещает особо ощутимые изменения в области отношений учителей и учащихся. Рухнет, наконец, та незримая стена, которая отделяла обучающих от обучающихся.

В нашем интернате волею судеб дети и взрослые спаяны воедино – у нас нет жизни, отдельной от жизни детей. Поэтому со стороны удивительным казалось отчуждение детей от учителей в

общеобразовательной школе. Вот из школы дети мчатся с неуемной радостью, чтобы избавиться от нудной опеки некоторых воспитателей… А как бы хотелось видеть счастливую улыбку на лицах детей, идущих в школу!

Я учился в 10-ой школе Новосибирска. В то время это была знаменитая на всю страну школа. До поздней ночи мы возились в школьных мастерских, сами построили спорткомплекс, теплицы, работали на современных станках, и во всех наших ребячьих делах рядом были не просто учителя, а наши единомышленники, которым было интересно вместе с нами. В девятом классе к нам пришла учительница литературы Эльвира Николаевна Горюхина (теперь ее знают по многочисленным брошюрам и статьям в «Правде»). Казалось, вместе с ней шквал искусства ворвался в нашу жизнь. Мы будто бы ежечасно обновлялись под напором прекрасного, вторгавшегося в наши души… Седьмая симфония Д.Шостаковича. Разве забудешь такое? Такое может сделать только Учитель… Недавно я виделся с Эльвирой Николаевной, был рад той окрыленности, с которой живет она в преддверии творческого преобразования школы.

Наверное, напрасно боятся некоторые учителя происходящей в школе демократизации. Нельзя допустить, чтобы дети оставались инертными созданиями, способными лишь восторженно глядеть нам в рот. Сам же учитель поднимается на качественно новый нравственный уровень, когда обретет радость от общения с учениками, которые с ним спорят, не соглашаются, задают массу замысловатых вопросов. Пусть будет подчас трудно, зато нас ждет истинное удовлетворение от свободного общения с теми, кто составляет подлинный смысл нашей учительской деятельности.

Очевидно, не следует опасаться и того, что демократизм в отношениях с детьми расшатает устои привычной школьной дисциплины. Только раскрепощенные дети способны сами встать на стражу сознательной коллективной дисциплины. В противном случае остается по-прежнему тщетно уповать на грозные записи в дневнике. Между тем, никого еще не сделали лучше и воспитаннее извечные учительские жалобы: «Вертелся на уроке», «Иг-

рал с зеркалом», «Опять опоздал на урок…» Настоящее ученическое самоуправление, когда школьник становится хозяином школы не на словах учителя, а на самом деле, превращает дисциплину в результат совместных коллективных усилий педагогов и ученического актива. Демократизм – не вседозволенность, он не исключает высочайшей требовательности учителя, предполагая совместную ответственность педагогов и учащихся за судьбу и становление школы.

Мы давно затвердили определение А.С.Макаренко о том, что воспитание – есть организация деятельности. В то же время не всегда представляем, как организовать эту самую деятельность. Изматывающие душу педагогические назидания лишь на формирование сознания, да и оно оказывается нередко искаженным тем сопротивлением и досадой, которые испытывает ребенок, оказавшийся в сфере учительского морализирования. Правильный поступок, здоровое самочувствие школьника порождаются лишь его участием в различных видах деятельности. Активная деятельность создает правильный стиль отношений в школе, ставит учителей и школьников в позицию сотворчества, где нет «начальников» и «подчиненных», а есть единомышленники, спаянные достижением успеха.

Проект «Положения о средней общеобразовательной школе» дает право каждой школе иметь свой Устав. Думается, в нем необходимо записать, что школа живет на основе принципа непрерывности. Как магнит тянет к себе школа, где вечерами работают кружки, спортивные секции, технические общества. Тогда школу любят, в ней интересно. Тогда, возможно, школа победит в столь необходимом противоборстве с неформальными объединениями подростков.

Я не разделяю сомнительного оптимизма некоторых товарищей, усматривающих в неформальных объединениях подростков проявление лишь юношеского максимализма и поиска путей самовыражения. Социальная опасность неформальных объединений, на мой взгляд, состоит в нравственной капитуляции школы, неспособный поднять уровень общественной деятельности до соответствия с возрастающей социальной зрелостью подростков.

Нынешние старшеклассники-акселераты, отличающиеся развитой мускулатурой, физической энергией, не всегда могут найти приложение силам. В то же время по полдня пустуют оснащенные мастерские в ПТУ, республика не справляется с планом сенозаготовок... а мы продолжаем утверждать, что растим «достойных граждан своей страны», хотя эти граждане не понимают, «почем стоит рубль» и как достается хлеб.

Речь идет о социальной зрелости выпускников. Поэтому школе пора задуматься об организации не только интересной, но и социально значимой деятельности, которая будет способствовать формированию социально зрелых людей. Не оттого ли дети не испытывают уважения к своему городу, селу, что не участвуют в их благоустройстве? Их мало заботят материальные трудности, переживаемые республикой. Привыкнув быть потребителями, они не участвуют в подлинном производительности труда. Убежден, что школьники могут внести, например, немалый вклад в решение Продовольственной программы республики.

Итак, мальчишки и девчонки снова садятся за парты. От нас зависит обновление школы, общая устремленность учащихся к занятиям. Не можем и не должны мы, учителя, отстать, затеряться на задворках обновляющейся жизни.

"Красное знамя", 1988.-1 сентября

Три заявления,

или о том, как школа отторгает детей от родных и близких

Тяжелым нравственным грузом ложится на нашу социальную совесть возрастающий поток сиротства при живых родителях. Это горе понятно мне как директору школы-интерната. И, думается, во многом оно проистекает от неблагополучно складывающихся взаимоотношений между школой и учащимися.

Как влияют учителя на своих учеников? Нередко лишь с помощью устрашения: “Плохо учишься, плохо себя ведешь – определим в школу-интернат” Пользуясь этим испытанным

"методом" угрозы, учителя не отдают себе отчет о том, какой нравственный урон тем самым наносят психике ребенка.

Существование такого "канала педагогической утечки", как школа-интернат, заставляет некоторых из них жить в ожидании того счастливого часа, когда документы ребенка будут переправлены в соответствующий интернат. Тем временем кандидат на удаление из школы в ожидании своей участи оказывается вообще вне всякого воспитывающего влияния. Школа, отстраняясь от своих социальных функций, не выполняет своего прямого назначения – быть носительницей нравственного совершенствования личности. Мало того, обязанная крепить нерасторжимый союз с семьей, она порой отторгает ребенка от родных и близких. Помещает его в интернат, пополняя таким образом ряды сирот. О том, как это происходит, рассказывают истории трех семей, где родители, любящие своих детей и не имеющие ни малейшего желания расстаться с ними, были вынуждены это сделать.

Что же стоит за их заявлениями о приеме детей в школу-интернат?

Заявление первое

Третьеклассник Сережа – живой мальчик с ясными глазами. Он бегает, суетится, не способен усидеть на одном месте. Рядом – его мать, молодая, миловидная женщина. У нее парализованы ноги. Вот уже несколько лет она сидит в большой квартире, обложенная подушками и книжками.

– Почему вы решили отдать Сережу в интернат для сирот? – спрашиваю маму.

Её голос начинает дрожать:

– Да разве я когда-нибудь хотела этого? Ведь я без него совершенно беспомощна. Бабушка у нас старенькая. А он и в магазин сбегает, и умоет, и оденет меня. Ведь он делает все...

– Так как же вы будете без сына?

– Я просто не смогу жить без него! Но ведь уже целый год меня мучает классный руководитель угрозами отдать мальчика в интернат. А тут целая делегация ко мне явилась: директор, завуч и председатель родительского комитета. Уж так они меня жалели

и расписывали, как мне хорошо без Сережи будет. Он-де чересчур реактивен, а я его без контроля оставляю, да и мужское влияние ему необходимо...

Мужа своего я не осуждаю. Он ушел от нас. Теперь у него другая семья, здоровая жена. Но алименты платит аккуратно.

Как же я могла заявление не написать, если они меня предупредили: если немедленно не отдам в Сыктывкарский интернат, то отвезут в Печору или Ухту...

При разговоре присутствует брат Нины Ивановны, приехавший погостить. "У меня в голове не укладывается,– поражается он, – как ты, мать, на такое могла решиться?! Разве ты не понимаешь, что Сережа вырастет и не простит тебе твоего предательства? Я уже три дня у вас живу, а ты мне не рассказываешь, что затеяла..."

– Да я не затеяла, уговорили меня уважаемые люди...

Бабушка плачет.

Подбегает Сережа. Спрашивает его:

– Ты в интернат хочешь?

– Нет, дома лучше.

Беру дневник мальчика. Сплошные красные чернила: "Не выучил стихотворение", "Не хочет учиться", "Не писал, играл со спичками" и даже без зазрения совести: "Не вижу контроля со стороны мамы", а на правом поле дневника – двойки, двойки...

Заявление второе

Этот мальчик-первоклассник уже принят в интернат, почти освоился, ему там нравится. Но как он туда попал?

Жил вместе с бабушкой в трехкомнатной квартире. Бабушка его любит, жалеет. Когда его родители утратили свои родительские права, она тут же оформила опекунство и не помышляла расставаться с внуком. Все изменилось, когда он пошел в школу.

С первого же дня мальчик посещал группу продленного дня. Иначе нельзя было: ведь бабушка неграмотная, помочь внуку не может. Потому и просила быть учителей к нему повнимательней да присматривать за ним построже. А внук каждый день приходил домой с не выученными уроками да с замечаниями в дневни-

ке: “Бегал по школе, мешал заниматься второй смене”. Неграмотная бабушка удивляется: “Никак в толк не возьму, зачем мне учительница про это пишет? Ведь учительница-то в школе, а я дома”.

Отпустит бабушка внука отмытого, в чистой одежде, а встречает в грязи с носа до пят да еще с разорванными штанами. Говорит, возле школы на досках по лужам плавали. Опять бабушка не поймет, что учительница в это время делала. Ну и, конечно, сплошные двойки пошли. За месяц до окончания учебного года на родительском собрании бабушку строго предупредили: если за оставшееся время мальчик не подтянет (это безграмотная-то бабушка!), то быть ему второгодником. Интернатом грозили. Мол, сами не отдадите, через комиссию по делам несовершеннолетних отправим.

Опять бабушка не может понять, за что такого простодушного ребенка на комиссию посылать. Между тем год кончился, в дневнике запись: “Оставлен на второй год”. Плача, бабушка кинулась в школу. Там решили над мальчиком сжалиться: дали бабушке список задач и книг для работы летом. Но кто же летом будет с ребенком заниматься? Если с учителем не научился, то как без него осилит? Так и остался на второй год. Школу свою невзлюбил и в интернат пошел с удовольствием. С бабушкой теперь по воскресеньям встречается.

Кто-нибудь может подумать: Зачем же разговор вести, если мальчику в интернате хорошо, а бабушка поскучает да перестанет? Нет, повод для беспокойства есть. Определяя судьбу ребенка, следует думать не только о дне сегодняшнем, но и будущем. Опыт воспитания детей в интернате подтверждает, что они быстро утрачивают родственные связи. Достигнув шестого-седьмого класса, ребята отвыкают от своих родных. У них пропадает желание встречаться с ними, ухаживать за ними, жалеть их. А разве общество заинтересовано в разрушении семьи, в воспитании людей, не помнящих родства, без роду и племени? А именно такими “людьми без корней” нередко становятся те, кто воспитывается в интернатах и детских домах.

Заявление третье
(не отправленное)

Митя, ученик пятого класса, готовит с мамой уроки. при этом все время крутится и не может сосредоточиться на задаче:

– Уравнение: 14 – скобка... Мамулечка, дай другой карандаш. В скобках 35- "икс"... Ой, а историю-то я еще не учил. Теперь дальше равняется 12... Мамулечка, посмотри, у меня зуб качается. Плюс "икс", равняется 12... Ты не знаешь, где мой транспортир?..

Во второй четверти у Мити ожидаются четыре "двойки". Может, современная психология не знает путей преодоления невнимательности, неумения сосредоточиться? Психология-то знает, а вот учителя, похоже, нет. Чем только они не грозят Мите: комиссией по делам несовершеннолетних, колонией, психиатрической больницей, интернатом. и до чего же популярен этот "метод испуга"! С малых лет чем только не пугаем детей: и серым волком, и бабой ягой, и стариком с мешком, и милиционером. Но где, скажите, такой ребенок, который стал высоконравственным под воздействием "метода испуга"? Я, во всяком случае, ни одного такого не знаю, а вот "сломленных" – сколько угодно.

В школе знают, что мама Мити инвалид второй группы. Ей бы помочь! Директор и "помог" – объявил матери, когда первая четверть еще не закончилась, что может считать сына второгодником. Классная же руководительница высказалась еще категоричней: "Сами упустили ребенка, сами и исправляйте!" и это после того, как мать два месяца пролежала в больнице! Вот тут-то они вдвоем с Митей загоревали. Пришел мальчик однажды из школы – и к матери: "В школе говорят, что я тебя замучил. Давай я и вправду в интернат пойду..."

Пошла мама в интернат, но вовремя спохватилась: "Разве можно мальчика сиротой делать?!"

Что-то медленно, но хронически надламывалось в нашей школе последние годы. Уж казалось бы, из каких критериев исходить, решая любые школьные дела, как не из интересов ребенка, заботы о нем. Так нет же! Исходим из соображений собствен-

ной амбиции, собственного благополучия и безмятежного спокойствия. Почему же школа утрачивает трепетное волнение за судьбу каждого незадачливого ребенка? Почему наши женщины-учительницы, известные всему свету, как самые сердечные, перестают чувствовать боль ребенка?

Когда же, наконец, школа станет матерью милосердия для тех, ради кого эта школа создана?

Семья, 1988.-№ 37

Школа – моя гордость

Под началом директора известной на всю страну школы-интерната, народного учителя СССР Александра Александровича Католикова триста детей. Поверьте, на каждого у него хватает душевного тепла, которым обделила этих детей судьба. Да, все триста – его дети.

– Александр Александрович, что руководит вашим стремлениям сделать детей счастливее: чувство долга, вины, сострадания?

– Чаще всего человек делает свое дело, не вдаваясь в оценки. Определяет мотивы поступка другие. Если в человеке заложено что-то доброе, то рано или поздно оно обнаружит себя. Вспоминаю двадцатилетней давности случай. Наш автобус с детьми застрял на железнодорожном переезде. Прямо на нас мчался поезд. Не знаю, право, что двигало мной, когда кинулся спасать детей. Действовал автоматически, не раздумывая. Знал одно: иначе не могу. А вы уж сами определяйте это качество. И теперь не сострадание ведет к детям. Что им сострадать? Они одеты, накормлены, учатся. Скорее дети – мои партнеры и товарищи в жизни, в работе. Трудно четко сформулировать свои чувства, но что не сострадание, я знаю. Как на том переезде – делаю свое дело, как умею, как совесть велит. Вот вчера с ребятами ледяную гору заливал. Никакие высокие мысли меня не посещали. Просто хотел, чтобы хорошо моим детям было кататься.

– Недавно я узнал ужасающую цифру: из детских домов и интернатов страны в прошлом году бежало 17 тысяч детей. Как полагаете, каковы причины горькой этой статистики?

– Мы, наверно, избалованы тем, что от нас дети не бегают. Хотя никого не держим. Помню, в первый год моей работы бывало – убегали. И не на поиск романтики. Бежали оттого, что было плохо. Теперь мы создали в школе детям дом, в котором у каждого есть какое-то любимое дело. Это и создает чувство дома. Оно ведь не только во вкусной и обильной еде. Может, мама или бабушка и повкусней накормят, да еще приласкают. А вот такого дела, как у нас, в семьях, как правило, нет. Так что чувство дома – это еще и чувство дела. А если дети бегут, значит, что-то не так, бегут, когда плохо. Я бы мог долго рассказывать, сколько подлинной заботы вкладывает коллектив школы в обустройство жизни детей. От внимания не бегают.

– Простите, Александр Александрович, но я хотел бы все же добраться до истока вашего отношения к детям. Был же какой-то «внутренний голос», позвавший вас к детям?

– Человек – всегда творец. Вот ты сделал машину, построил дом – видишь результат. Но как это ни радостно, а вырабатывается автоматизм в мастерстве. У педагога же автоматизм, привычка – всегда со знаком минус, потому что одинаковых детей нет. Стараешься увидеть будущее этих детей, его можно даже попытаться смоделировать. И оно больше меня влечет, чем сиюминутный результат. Ко мне идут и идут выпускники, пишут письма, рассказывают о себе, советуются. Причастность к их судьбе мне дороже всего.

– А вы не опасаетесь, что к трудностям самостоятельной жизни ваши дети окажутся не готовыми?

– Боюсь, но не этого. Боюсь, чтобы они не стали иждивенцами у государства. А жизни чего бояться? Возьмите средний уровень достатка домашних детей. Мы ведь только-только приближаемся к тому, хотя кое в чем и обгоняем. У наших детей и мотоциклы есть, и лодки, и свой пионерский лагерь – дача с сауной и многое другое. Мы стремимся растить полноценных граждан, а не ущербных, второго сорта. Конечно, в жизни нашим выпускни-

кам ничего не подадут на блюдечке. Мы учим их умению идти к поставленной цели, воспитывать в себе волю и доброжелательность, совестливость и снова доброжелательность. В прошлом году выпускница Лариса Шаповалова поступила в «Тимирязевку». А добиться, чтобы ее обеспечивали всем необходимым, как положено по новому постановлению, никак не удавалось. Другая бы давно крылья сложила, отчаялась, ушла бы из академии. Но Лариса выдержала нелегкое испытание, думаю, потому, что росла в нашем доме, окруженная доброжелательством, и знала, что добро одолеет бюрократов. Мы добились положенного, девушка продолжает учиться. А к трудностям детей приучаем, часто создаем поводы для проявления характера.

– Скажите, превратив интернат в дом родной для детей, удается ли залечивать травмы сиротам при живых родителях?

– Когда у нас была восьмилетка, трудно было преодолевать эту беду. А теперь к девятому и десятому классам у ребят складывается довольно верное отношение к жизни, понимание ее сложностей. Саша воспитывался у нас с первого по седьмой класс. Отец его вернулся из заключения и решил забрать сына. Парень уехал, а теперь пишет: возьмите меня обратно в интернат. Обсудили мы его письмо в классе, и решили ребята выслать деньги, пусть приезжает Саша домой, к нам. Другой наш воспитанник Юра две ночи не спал, размышлял: возвращаться ли к родителям, восстановившим свои права? Потом пришел ко мне и сказал: «Останусь у вас, я родителям не доверяю». Понимаю, жесток его выбор для родителей, не простил пока их. А мы к Юре были всегда более строги из-за его характера. Понял, не обиделся. Дети взрослеют, и мы стараемся не давить на их решения. Важно, чтобы умели поступать самостоятельно с первых шагов. Получаю из армии письма от своих ребят. Рассудительные, полные достоинства. Мне их письма помогают, если хотите, уверенностью питают. И мне ведь не меньше, чем ребятам, нужна уверенность в моей нужности им. На всю жизнь!

– У вас воочию видишь, как много можно сделать, если отдать детям душу. Но взглянем на проблему пошире: почему все-таки у нас в обществе так много детей, которым плохо?

– А почему надо предаваться иллюзиям, будто у нас всем детям будет хорошо? Дети – барометр того, что происходит в обществе. В годы застоя пьянство стало массовым. Мы это чувствовали: пополнение к нам в дом все возрастало. А в последние два года сирот стало меньше. Если раньше в родительских правах восстанавливались единицы граждан, то теперь счет идет уже на десятки. Социальные беды напрямую связаны с судьбами детей. Раньше об этом мы молчали. С созданием Всесоюзного детского фонда беды сиротства стали известны. А знание этих бед будит совесть, повелевает защитить, уберечь, согреть. Уже надежда: будут права и у ребенка. Нашему обществу очень нужен закон об охране детства, о защите прав ребенка. Недавно об этом шла речь в Институте государства и права АН СССР. Правоведы сомневаются в такой необходимости, а напрасно. У нас охрана детства роздана как бы по ведомствам, а нужен единый закон. Он должен защищать больного ребенка, осужденного, талантливого, гениального и самого обыкновенного. А растущий деспотизм родителей по отношению к своим детям? Это же факт, замалчивать который опасно. Такой закон принят во многих странах, нужен он и нам.

– Хотели бы вы стать еще кем-то, кроме учителя, воспитателя детей?

– Директором совхоза. Пошел бы в отстающий. Взял бы под шефство местную школу. Нет, не такое, как принято, настоящее. Дневал бы там и ночевал, пока не вырастил бы таких рабочих, с которыми все дела стали бы по плечу. Не понимаю, почему упускают такой резерв руководители многих отстающих хозяйств, и не только сельских. Трудолюбивых, добросовестных людей надо растить самим у себя дома.

– Сравним интернат с обычной школой. Недостатки первого предсказуемы. А есть ли преимущества?

– Есть. Хотя, конечно, в отличие от обычной школы специфика у нас огромная. В чем-то мы хуже: отстают в развитии дети младшего возраста, например. Знакомый директор школы как-то заявил: «Вы – интернатовцы, воспитываете рабочую кость!» Не считаю даже нужным с таким уничижением спорить. Младшие

дети потом выравниваются в развитии. А по жизненной стойкости они всегда превосходят домашних. Так что требования к интернатам надо предъявлять такие же, как и к обычным школам.

– Вы член оргкомитета предстоящего Всесоюзного съезда работников народного образования. Если придется выступать, что скажете с высокой трибуны?

– Многие проблемы школы мы уже обсуждали на заседаниях оргкомитета. Кое-что проводится в жизнь. Особенно меня волнует отставание в дошкольном воспитании. Пора нам говорить не о подготовке ребенка к школе, а о его развитии. Все недостатки школы, мне думается, – производное от этого. Другая серьезная проблема – начальное обучение и его цель, убежден, – научить ребенка искать варианты решений в конкретных ситуациях и положениях. И находить лучшие. Мы же надели на него шоры – конкретную программу, не позволяющую искать свой путь, проявлять индивидуальный интеллект и способности. У нас, увы, усредненный подход, а дети-то, слава богу, разные. И наша задача – помочь им стать личностями. Заботит и положение дел в ПТУ. Мы превратили их в пристанище для слабых и недисциплинированных. Предлагаю наоборот: пусть в девятый класс идет тот, кто не мог поступить в ... ПТУ. Спорно? Согласен. Но ведь завтра интеллектуалы потребуются в цехах для управления сложнейшим оборудованием. И еще – тревожит проблема гуманизации школы. Учитель и ученик – равноправные партнеры, иначе личность не воспитать. Но для этого нужен новый учитель – высококультурный, демократичный. А откуда ему взяться, если наши педагогические вузы за редчайшим исключением не работают со школами, набирая студентов? Эту дурную традицию надо сломать. Полагаю, такие проблемы не обойдет предстоящий съезд.

Беседу вел ***В.Круковский***

«Социалистическая индустрия», 1988.-18 декабря

По обе стороны высокого забора

Растут дети, которым не хватает педагогического внимания

Недавно в «Известиях» был помещен фоторепортаж из колонии для несовершеннолетних преступников. Непостижимая боль и тоска в глазах пятнадцатилетних мальчишек. Эта боль отдается и в моем сердце профессионального педагога, вызывает ощущение невольной вины, заставляет искать выход и думать о том, как должны работать учреждения, которым поручено перевоспитание подростков, чьи преступления психологически не идут ни в какое сравнение с преступлениями взрослых.

Одно из первых слов, произносимых ребенком, слово «сам». Он хочет сам познать окружающую его жизнь, сам утвердиться в ней, сам определять свои поступки. Удовлетворяем ли мы эту нормальную потребность? Мы, родители, учителя, убиваем ее. Но никакие наши запреты и наказы не способны подавить свойственное ребенку стремление к саморазвитию, к обретению своего места в жизни, пусть даже методом опасных проб и ошибок.

Нам же, как правило, недосуг разбираться в том, что и от чего происходит. Вечно занятые родители, задерганные учителя, все спешат, опаздывают, а потому легче и быстрее сказать «нельзя!», «запрещаю!», чем вникнуть в побуждения подростка, которому надо куда-то девать накопившуюся энергию. А он начинает действовать вслепую, наугад. Отсюда и сомнительные компании, и рискованные поиски путей взросления, а главное, общения с теми, кто тебя понимает, говорит на том же языке.

И вот порог, отделявший то, что можно, от того, что нельзя, позади. И преступивший его попадает в колонию для несовершеннолетних преступников, которая мало чем отличается от колоний для взрослых: тот же строгий режим, та же одежда, те же трудовые обязанности, та же отъединенность от нормальной жизни. Разница в том, что подросток острее взрослого ощущает свою изоляцию и нравственную ущербность.

А ведь в нашем педагогическом опыте есть иные примеры. Среди воспитанников Антона Семеновича Макаренко были на-

сильники, бандиты, воры, но их педагоги не позволяли себе и на миг усомниться в возможности исправления отступившихся детей.

Мы сочувствуем Антону Семеновичу, когда он с огромным человеческим отчаянием спрашивал, почему никого не заставляют делать паровозы из консервных банок, а он должен делать человека – из чего? (не кого?) – из Ужиков? Но когда Антон Семенович скончался, и его тело было выставлено в доме Союза писателей, возле гроба стоял подтянутый человек с орденом на груди. Хрипло и тяжко он говорил, как нелегко ему хоронить отца, который никогда не сказал ему ни одного доброго слова, но веру которого он чувствовал всегда, и она помогла ему стать личностью. Человек этот получил орден в боях на озере Хасан. Он геройски погиб в первые дни Великой Отечественной войны. Тот самый, кого Антон Семенович назвал Ужиковым.

Сегодня хорошо известен опыт исправительного учреждения Г.П.Сологуба. Герой Социалистического Труда, директор Очерской спецшколы Пермской области, Г.П.Сологуб воспитывал трудных подростков на основе доверия, уважения к человеческому достоинству. К сожалению, Г.П.Сологуб ушел на пенсию, и трудно предсказать, как сложится судьба его колонии, повторившей опыт А.С.Макаренко.

Хотелось бы, чтобы ранее запретная тема детской преступности перестала быть закрытой для общественности. Надо, чтобы ее обсуждали педагоги, психологи, социологи, подходя к любому вопросу с одной позиции: что мы можем сделать для детей, которых запрятали за колючую проволоку? Какими они выйдут на свободу? Сумеют ли справиться с ней?

Недавно Советский детский фонд имени В.И.Ленина предложил разработать проект Закона о защите прав детства. Его предложение одобрено Всесоюзным съездом учителей, но закон станет преобразующей силой лишь тогда, когда его поддержит общественность: педагоги, родители, и в первую очередь, воспитатели исправительных учреждений, призванных возвращать обществу исправленного человека.

У меня такое впечатление, что сегодня школа видит в этих учреждениях своего рода отстойник. Не справились с учеником, не хочет учиться ребенок, не знаем, что с ним делать, отправляем его на исправление. Сбыли с рук, и слава богу. И это вместо того, чтобы самоотверженно ковать, лепить каждого ребенка, каким бы он ни был, как бы он ни портил нашу нервную систему, не забывая, что в руках воспитателей его судьба и его жизнь. Но не только его – наша общая тоже. Мы напрасно думаем, что спасем своего ребенка от плохого мальчика таким вот образом. Ничуть не бывало, плохой мальчик станет в местах не столь отдаленных не лучше, а хуже и вернется на нашу же общую улицу в более опасном состоянии, чем был, когда мы от него избавлялись.

К сожалению, вечное клеймо бывшего преступника нередко определяет судьбу человека до самой его смерти, вызывая повторные преступления одно за другим. Насколько трудно зачеркнуть прошлое, видно из такого примера. Недавно у нас в Сыктывкаре выдвигали кандидатом в народные депутаты СССР хорошего рабочего, порядочного человека. Кто-то сообщил, что лет двадцать назад, попав в случайную драку, он был осужден. Пришлось через республиканскую газету «Красное знамя» давать пространное разъяснение, какой он поистине достойный человек, хотя в детстве совершил немалую ошибку. Не помогло, не был он выдвинут.

Мы часто забываем, что, отнимая у ребенка веру в себя, мы освобождаем его от ответственности за собственное поведение. Вот почему надо десять раз подумать, прежде чем определить меру наказания, и главное, спросить свою педагогическую совесть, все ли сделано, чтобы предупредить падение ребенка.

Сегодня, в преддверии разработки Советским детским фондом проекта нового законодательства о защите прав детства, надо думать и думать о том, не передать ли детские исправительные учреждения органам народного образования. Видимо, есть нужда специализировать эти учреждения по степени совершенных проступков: нельзя содержать в одном месте уголовника-рецидивиста и мальчика, который убегает из дому. Переориентация уже назрела. Исправительные учреждения пора превращать в

реабилитационные. Не обойтись в них без наркологической и психологической службы, способной подобрать свою методику к каждому характеру, прокорректировать каждую судьбу. Слишком многое сейчас в работе с трудными подростками мы перекладываем на милицию. Между тем как ребятами, возвращающимися после их социального выздоровления, заниматься должны, по моему глубокому убеждению, подразделения психолого-педагогического профиля. Необходимо создать законодательную систему предупредительных мер, ограждающих детей от правовых преступлений. Нельзя губить их жизнь из-за того, что мы не умеем организовать полезную деятельность, соответствующую возрастным потребностям. Детям не место за колючей проволокой.

«Известия», 1989.-26 апреля

Дело вместо назидания

(заметки директора школы-интерната)

До сих пор не могу забыть, как во время записи моего выступления на Центральном телевидении в студии Останкино один из директоров интерната задал мне вопрос: “Вот вы все о деятельности толкуете. А какая может быть деятельность, если мы все силы бросаем на дисциплинирование учащихся?”

От такого вопроса можно оцепенеть, забыв, что каждая твоя эмоция запечатлевается на пленке. Не нужно быть теоретиком, достаточно быть просто практиком воспитания детей, чтобы осознать ту азбучную истину, что всестороннее воспитание личности, а в том числе и ее дисциплинирование немыслимо и невозможно вне деятельности, При всем напряжении мысли я не могу представить, какими путями дисциплинируют педагоги своих воспитанников, находящихся вне общественно-полезной деятельности. Очевидно, что им не на что уповать, кроме “спасительных” словесных назиданий, на которые у детей давно сформировался устойчивый стереотип противодействия. Единственное, чего можно добиться в результате систематического нуд-

ного морализирования,– это слепое послушание, лишающее ребенка активности и инициативы. К сожалению, подобная форма воспитания достаточно прочно внедрилась в сознание учительства.

Между тем Антон Семенович Макаренко писал, что воспитание есть организация деятельности. Из этого высказывания следуют действия двух направлений: во-первых, вызвать к жизни широкую, многообразную деятельность и, во-вторых, придать ей продуманные организационные формы.

Перестройка воспитательного процесса в нашей школе-интернате № 1 началась полтора десятилетия назад с организации многоплановой и непрерывной деятельности детей, которая, расширяясь из года в год, развивается и поныне. И она не есть нечто искусственно привнесенное в нашу жизнь, Нет, она базируется на ней, это сама наша жизнь, ее смысл и стратегия. Поэтому мне нравится появившееся в педагогической литературе слово "жизнедеятельность", которое сливает воедино сущность воспитания и жизни детей.

Пятнадцать лет назад, отправив малышей в лагерь, мы начали со старшими ребятами ремонт нашего городского дома, пришедшего в ветхость и не соответствовавшего всякому представлению об эстетичности жилья для детей. Казалось бы, закончив капитальный ремонт, можно было отдохнуть. Но куда там! Бригадиры и бригады только вошли во вкус труда. В деятельности не должно быть остановки. "Остановка – смерть коллектива",– писал Антон Семенович Макаренко. Мы принялись за строительство своего загородного лагеря. Теперь это просторный детский городок. Там, где когда-то был пустырь, стоят нарядные корпуса, благоухают цветники, раскинулись интернатовские поля... Затем взялись за экологическую работу в Межадорском заповеднике...

Незачем перечислять все объекты, важно то, что каждый год появляется что-то новое, "свежая идея" – авторы их, как правило, сами ребята,– которая вызывает новый взрыв коллективного интереса и новый всплеск действий. Так, несколько лет назад мы оживили деятельность лагеря организацией зоопарка, в прошлом году сооружали танцевальный павильон. В этом году решили за-

няться прививкой кедра на наши северные сосны, и ребята уже мечтают о том времени, когда они будут собирать урожай кедровых орехов.

Строительство лагеря не закончено. Там хватит дел еще на много лет вперед. А одновременно в городе мы сооружаем большую пристройку к интернату. Надобность в ней возникла в связи с тем, что теперь к нам будут поступать и малыши 3-5 лет. За это мы очень долго воевали, чтобы воссоединить братьев и сестер разрозненных семей. Забота о младших, трудовое воспитание оказывают прямое воздействие на нравственный климат в нашем коллективе, эстетическое и физическое развитие ребят, их социальную активность и приспособленность к жизни.

По Центральному телевидению не так давно был показан фильм режиссера Сперанской "Без оркестра". С болью и некоторым недоумением увидели мы выпускников интерната, которые оказались совершенно беспомощными в организации собственной жизни, в установлении социальных контактов. Мои ребята справедливо отметили, что среди выпускников нашего интерната таких беспомощных никогда не было и нет.

Социальная деятельность складывается из больших и совсем, казалось бы, незначительных дел. Не скрою, было время, когда я крепко возмущался тем, что воспитатели интерната посылают детей в магазин за продуктами. Потом мне пришлось извиниться перед ними: ведь в этих посещениях магазинов у детей формируются необходимые социальные навыки. Они узнают, что сколько стоит, как нужно вести себя в магазине самообслуживания, как распорядиться деньгами. Сегодня ребята отправляют телеграммы и посылки нашим выпускникам, служащим в рядах Советской Армии. Они содержат в чистоте улицу и автобусную остановку, прилежащие к интернату, белят стволы деревьев (нынче даже березы побелили!), сажают цветы. Жители близлежащих частных домов хорошо знают наших воспитанников. Они старикам и огороды вскопают, и продукты принесут, и печь истопят, и пищу приготовят. Мы не употребляем слов "милосердие", "доброта", но поступки ребят и есть настоящее

проявление и воспитание этих качеств. А многие ли "домашние" дети способны на такое?...

Помощь шефам и совхозу – особая статья наших забот. В труде вместе со взрослыми наряду с осознанием общественной пользы и пользы для себя (а часть продукции совхоз отдает нам) обязательно рождается чувство бескорыстного служения людям, ответственности. Как-то убирали ребята картошку на полях совхоза "Межадорский". И вдруг тракторист на тракторе явился. Кричит ребятам: "Разойдись, запахивать поле буду!" Ребята, не сговариваясь, бросились к трактористу, начали кричать, что не дадут поле запахивать, пока все до последнего клубня из земли не достанут. Тракторист взялся их уговаривать: "Да что вы, ребята! Крохи тут остались. Да и замерзли уже, идите по домам, погрейтесь!" Нет, не ушли ребята с поля, пока всю картошку не подобрали.

Для социального становления коллектива необходимо приучать детей к самостоятельности, к самоуправлению. О некоторых элементах самоорганизации в нашем коллективе читатели "Агитатора", видимо, знают по предыдущей моей публикации в журнале (см. "Слово об учителе" в № 5 за 1988 г.). Добавлю к тому еще несколько форм самоуправления. Мы создали совет чести. Он состоит из избранных ребятами четверых воспитанников и троих учителей. Этому общественному институту надлежит разбирать все нравственные конфликты в интернате. Такое право означает довольно высокий уровень социального и педагогического развития коллектива.

К социальной деятельности мы относим и подготовку к будущей семейной жизни. Малыши играют в куклы, составляющие семейный "комплект": папа, мама и дети. В каждом классе есть полный набор сервизов, самовар, чайные наборы. Здесь нередко устраиваются "семейные чаепития" вместе с представителями шефствующих предприятий. Девочки увлеченно занимаются в кружках домоводства, все они умеют шить, вязать, стряпать. И мальчики стараются не отстать от девочек, не хуже их шьют и готовят пищу. Проводим мы и уроки семейного этикета для старшеклассников, Это деловые игры, касающиеся отношений в

семье, умений ладить с близкими, уступать им, расходовать семейный бюджет. Подготовку к семейной жизни мы видим также в установлении доверительных, дружеских отношений между мальчиками и девочками, между детьми и взрослыми.

Не могу не высказать здесь и одну все более беспокоящую меня мысль. Я давно замечаю возникающую именно в восьмых классах возрастающую тревожность и непредсказуемость в поступках. У восьмиклассников резко обостряется чувство собственного достоинства, они настороженны, бурно реагируют на обнаженные попытки воспитателей их перевоспитывать. Бравируют своей взрослостью, а в то же время пытаются поглубже спрятать внутреннюю растерянность и неуверенность.

На днях я собрал восьмиклассников и рассказал им, что нам подарил совхоз трех лошадей. “Кто хочет за ними ухаживать?” – спросил я их. Мальчишки недоуменно хохотнули; “Что, вы из нас конюхов хотите сделать?” “Ну, не хотите, не надо, предложу семиклассникам”.

Прихожу на следующий день в интернат. В дверях кабинета меня ждет Сашка Кузьвасев, восьмиклассник. “Ты что тут стоишь?”– спрашиваю. “Вас дожидаюсь, хочу за лошадьми ухаживать, а со мной еще Доронин и Пшенный...”

Этот эпизод воочию подтвердил ту мысль, что восьмиклассники, воспитывающиеся в интернатах, находятся в состоянии тревожности перед вступлением в самостоятельную жизнь.

Размышляя над их первоначальным отказом, я понял, кажется, логику мысли ребят – скоро им вступать в мир автоматики, техники, в сложный мир профессий, а тут предлагают уход за лошадьми. Безусловно, в конечном счете в их решении сыграло, видимо, здоровое чувство соперничества, самолюбия, желание первенствовать. Но проблема выбора профессии, привыкания к совершенно новым условиям жизни после выпуска из интерната при всей их подготовленности (по крайней мере в нашем интернате) все же остается. Поэтому я думаю, что целесообразно оставлять восьмиклассников в интернате для получения законченного среднего образования. Одновременно усиливать профессиональную ориентацию и другие виды социальной деятельности.

Но это – дело будущего и не от нашего желания лишь зависит, а от государственных институтов. А пока же нас особо волнуют ответы на вопросы: как организовать деятельность, чтобы она постоянно развивала ребенка? Вела его от простых умений к более сложным? Закрепляла полезные навыки, воспитывала радостное мироощущение, потребность в труде и учении? Выявляла бы способности и дарования детей?

Наша школа особая. Дети наши лишены главного –семейного тепла и ухода. Одни из них круглые сироты, другие – сироты при живых родителях. Сколько такта, терпения и любви требуется, чтобы зажечь в их глазах и душах живой блеск, вернуть им радость, не обидеть недобрым словом, приучить к труду. Мы исходим в организации деятельности из принципа постепенности. Дети вовлекаются в труд с самого раннего возраста, и при этом мы следим за последовательным усложнением заданий. Малыши собирают ягоды, грибы, лекарственные травы. У учащихся начальных классов есть свой октябрятский "колхоз". Подростки ставят опыты в теплицах и парниках, ведут исследовательскую работу с овощами и цветами. А старшеклассники переходят на производственные участки, где труд фактически полностью механизирован.

Особо остановлюсь на экспериментаторских делах ребят. Опытничество оказывается исключительно важным фактором воспитания и развития ребенка. Задания мы получаем от сотрудников института биологии Коми научного центра и Сысольской семенной станции защиты растений. Распределяя задания. учитель биологии учитывает возраст детей и изучаемый ими и в будущем году учебный материал. Кажется, несложное задание: определить влияние светового дня на рост редиски. А для малыша это настоящее открытие. Ведь он видит, что на соседней грядке, где световой день не соблюдался, редис весь "вышел в стрелку". Зримый результат порождает и интерес к сельскохозяйственным профессиям.

Подростки делают опыты по интродукции растений, исследуют посевной материал. В последнее время ребятишки занимаются изучением роста урожайности помидоров и огурцов под

влиянием радиоактивного облучения семян. Зайдешь в теплицу с помидорами, а там, рядом с кустами стоят таблички – "100 радиан", "200 радиан", юннаты в блокноты свои наблюдения записывают. Нашими ребятами получено более 50 медалей ВДНХ СССР. А школьный биолог Л. М. Дымова награждена бронзовой и серебряной медалями за развитие опытнической работы. Кстати, на ее уроке трудно понять, кто его ведет: она или ученики, которые летом провели эксперименты, потом прочитали по учебнику соответствующую теорию, а теперь самостоятельно дают практические рекомендации, подтвержденные их исследованиями.

Исключительно богатыми возможностями для развития детей обладает экологическая деятельность. Она наглядно связана с современными проблемами страны и поэтому особенно притягательна для детей. Мы занимаемся охраной природы в Межадорском заказнике в 750 гектаров. Проводим здесь санитарную рубку леса. У нас есть отряды голубого и зеленого патруля. Следим за разведением рыб в реке, зимой долбим лунки от заморов.

Третий год строим экологическую тропу, которая имеет очень большое значение в воспитании детей. Приехала к нам в лагерь в этом году испанская делегация. Повел ее по экологической тропе Вася Стогов, ученик пятого класса. И сколько же в нем было достоинства, когда он вел гостей: "Посмотрите налево, здесь заповедная зона, Посмотрите направо, здесь растения, занесенные в Красную книгу, их *рвать* нельзя. Обратите внимание на разрез почв... Здесь вы можете отдохнуть и полюбоваться пейзажем..." Такой стиль общения с незнакомыми людьми просто поразил гостей. Ведь Вася – сирота, вырос в интернате, но как раскрепощен, как свободен в общении! А почему? Потому что он сам вместе с другими делал эту тропу и на основе этого труда сложились его гордость, достоинство, желание познавать.

Все больше убеждаюсь: любой деятельности можно и нужно придавать максимально развивающий характер. Например, туристский поход. Я не встречал детей, которые не любили бы походы. Казалось бы какое тут развитие? Шагай себе да отмеряй километры. Ну покупались, наелись ягод, насобирали грибов, ис-

пекли картошку, порыбачили. А сколько полезных дел, оказывается, можно решить в походе! Очистили берег реки, кусок леса. Аккуратно обращались с деревьями, не обрубив ни одного свежего сучка. Не оставили после себя ни одной бумажки, Вот тут-то ребята заслушаются рассказом учителя об истории лекарственных трав, цветов, узнают, как спасать лес от многочисленных врагов, как помочь росту деревьев, А если во время похода еще и помогли людям – то это совсем хорошо.

Все мы, учителя, обеспокоены дальнейшей судьбой школы, судьбой перестройки. Эта обеспокоенность сквозила во многих выступлениях с трибуны Всесоюзного съезда работников народного образования, делегатом которого мне довелось быть. В жадном интересе к передовому, многочисленных вопросах, которые задавали мне мои коллеги, когда я рассказывал на одной из секций в дни работы съезда о делах и планах нашего коллектива. Суть этих вопросов сводилась к следующему: как сделать учебу радостной для учащихся? Как сформировать социально активных, высоконравственных будущих граждан общества? Как поднять авторитет, раскрыть творческий потенциал учения? Глубоко убежден в том, что магистральный путь к новой школе лежит через организацию многообразной, общественно полезной деятельности детей, сплачивающей педагогов и учащихся, сообщающей импульсы творчества. Истина вроде известная. Но многие, к сожалению, это лишь провозглашают, а у нас это – повседневное дело, практика.

"Агитатор",1989.-№ 11.

К сердцу вашему взываю

Никого нынче не надо уверять, что живется нам тяжело. Тяжело и нравственно, и экономически, и социально. И еще тяжелей оттого, что тяжело нашим детям.

Я уже много лет живу в окружении сирот. И столько же лет живет во мне их боль, боль детей, которые не знали вкуса материнского молока, которые тоскуют по родителям, которые нико-

гда не видели и не увидят их. Ни один человек на свете не может быть счастлив, если рядом нет другого человека, который любит только его одного, как никого другого. Как же тоскуют они по ласке матери, по теплой мозолистой руке отца. И как же это несправедливо, что через несколько десятилетий после окончания войны у нас в стране миллион детей воспитывается в детских домах и школах-интернатах, и при этом большая их часть – при живых родителях.

Беда не только в том, что болит детское сердце, оторванное от родительской плоти. Беда в том, что охваченные коллективными интересами, они забывают о своих родителях, которые забыли их. А ведь проходит время, и мать спохватывается: «Где же ты, мой родимый сынок?» Поздно. Сынок уже забыл свою мать и не в силах простить ее предательства.

Недавно две семьи восстановили свои родительские права и затребовали сыновей из нашей школы-интерната в отчий дом. Ребята уже большие, в девятом классе учатся. задумались оба. Один сказал: «Не пойду я к ним. Они меня один раз за бутылку водки продали и опять продадут». А другой решил вернуться в семью. «У меня, – говорит, – три брата маленьких. Их воспитывать надо…»

Вот такая общая боль: боль детей и боль утративших их родителей.

Да и как не утратить любовь к таким матерям, как … эта женщина. Узнал мальчишечка, что у него мать жива (кто-то из соседей в интернат сообщил, что живет она в их деревне). Бросился к ней ребенок, как на крыльях, полетел. Подбегает к избе, весь счастьем светится. А она открывает дверь: «Тебе кого, мальчик?»

Борис тоже случайно узнал, где его мать живет. Позвонили мы ей. Приехала она в интернат с подарками, в гости сына позвала. В какую-то из суббот нарядили мы его и к матери проводили. Он все беспокоился, можно ли ему в понедельник вернуться, чтобы с мамой подольше побыть. Разрешили, ведь как-никак – мать нашлась. Гляжу – в ту же субботу, как побитый щенок, крадется

Боря к двери интерната. Не стал его ни о чем расспрашивать. Через несколько дней сам пришел:

– Приехал я к матери. В доме все вверх дном, грязь, вонища. За столом два мужика сидят, водку хлещут. Мать, чуть прикрытая, в беспамятстве на кровати лежит. Тронул я ее за плечо, потормошил – ничего не понимает, пьяная до невменяемости. Посидел я, посидел на табуретке… и ушел. Видно, не было у меня матери и не будет…

Как-то обнаружили мы, что идут к нам в интернат бесконечные счета за междугородные телефонные переговоры. В чем дело, понять не можем. Оказывается, взялись мои ребята по телефонной книге своим однофамильцам звонить. Вдруг родственники найдутся! И случилось чудо: одна девочка бабушку нашла.

Только редко родственник наших детей своих сирот-племянников да внучат вниманием жалуют. Было раньше принято у коми народа – осиротел ребенок, его родные в свою семью берут. Не по закону, а по доброте сердца. Теперь же – нет, у родственников своих забот хватает. Пусть государство детей воспитывает.

С особым волнением читал я письмо Альбины Егоровны Артеевой. У нее своих четверо детей, да еще взяла троих осиротевших племянниц. Сама сирота с 11 лет, теперь решила отогреть девочек, оставшихся без родителей. И вот живут вдевятером на 47 квадратных метрах. «Очень мне тяжело, – пишет Альбина Егоровна, – женщина я неграмотная, всю жизнь работаю в доме-интернате, а детей никому не сдам». Как же можно не помочь этому благородному человеку!

Общество наше, к сожалению, не всегда милосердно по отношению к сиротам, ставшим взрослыми. По закону советские органы должны в первую очередь обеспечивать сирот жильем. А что получается на деле? Отслужил мой воспитанник в армии. приехал в Сыктывкар и сразу попал в больницу. Вылечился, а деваться некуда: ни жилья, ни работы, ни денег. Живет в больнице, и никому до него дела нет.

Пришлось крепко потрудиться, чтобы получила жилье Лена Сивко. Окончила она СПТУ, оставили ее работать в городе, а жи-

лья нет. Пошла она в горисполком, говорят, откуда приехала, туда и возвращайся! А откуда она приехала? Ниоткуда! Началась ее жизнь в Доме ребенка, а потом переходила из одного детского дома в другой. Что же ей теперь ехать из родного города куда глаза глядят?

Один такой бедолага поехал куда глаза глядят. А потом пишет мне из села Брыкаланск Ижемского района: «У меня нет родителей и надеяться не на кого. Со службы я вернулся к дальним родственникам. а вы представляете, какая жизнь с дальними родственниками? Мне уже 22 года, а я не пойму, кто я есть. нет у меня профессии и нет у меня жилья. Я обращался в райисполком, и никто даже не протянул руку помощи. Не могу же я полететь на Луну, если негде мне жить!»

Дорогие матери! Я взываю к вашему милосердию: не бросайте детей! Будет время, когда вы горько поплатитесь за свое легкомыслие. Не хватит вам слез, чтобы оплакать свою вину. Никто не подаст вам последнего стакана воды, никто не заплачет на вашей могиле. Опомнитесь!

«Красное знамя»,1989. -31 декабря

Все дети наши, и мы за них в ответе

Мотор автобуса с детьми заглох на железнодорожном переезде. Ребята в белых рубашках и пионерских галстуках еще пели бодрую песню, но она оборвалась. В наступившей тишине боролись два звука: стартер и стук колес приближающегося поезда. Католиков вскочил, распахнул дверцу, закричал: “Вылезайте все!” Ребята выпрыгивали из застрявшего автобуса, а он выталкивал, выбрасывал на полотно тех, кто, растерявшись, мешкал. Никто не кричал и не плакал, даже если больно ударялся голыми коленками о рельсы. Потом наступило мгновение, безнадежно короткое, но достаточное, чтобы все тридцать поняли: там, в автобусе, остался единственный взрослый человек, спасший всем им жизни, – директор Дворца пионеров Александр Александрович Католиков...

Его накрыло автобусом, перевернуло, потащило между шпалами. Нашли его без сознания, почерневшего, заваленного бревнами, выпавшими из вагона. Увезли в' больницу без особой надежды. Через несколько дней он пришел в себя... Гипс оковывал все тело. В палату входили сотрудники Дворца пионеров. Католиков не отвечал на их вопросы о здоровье. Он спрашивал, прижился ли новый руководитель кружка, готов ли ансамбль песни и пляски к поездке, все ли машины в гараже исправны. Когда выяснялось, что-то не в порядке, он повышал голос, чем вызывал беспокойство медсестер, писал записки, кого-то вызывал в палату, словно в свой кабинет.

Потом больного перевели домой. Он лежал в постели. На груди у него стоял телефон, рука лежала на трубке.

Восемь месяцев пролежал в гипсе. Ноги перебиты, собраны кое-как. Руки поломаны. Инвалидность. Казалось бы, никакого просвета впереди. Но Католиков не только поднялся, а еще нашел в себе силы взвалить на свои плечи тяжелейшую ношу – заботы об интернате.

Спросите, какова жизненная позиция коммуниста, гражданина, человека Католикова? Активно защищать детство. Это он доказал своими поступками: однажды спас тридцать человек на железнодорожном переезде, потом создал для сирот и детей, оказавшихся сиротами при живых родителях, теплый дом, а теперь добивается введения Закона о детстве.

...Один человек, приехавший на Север за длинным рублем, написал на Католикова жалобу. Возмутило его, что в каком-то интернате машин побольше, чем на иной автобазе.

– Да, - подтвердил Католиков при разборе жалобы.– У нас есть машины на все случаи жизни: автобусы, пожарная, техническая, бортовая, фургон, “бочка”, самосвал, “скорая помощь”... Мы даже отказались от услуг ГАИ. Когда наша колонна идет по городу, не берем их машину сопровождения – впереди идет своя машина с маячком.

Завистники у Католикова имеются. Завидуют, глядя на главный корпус и пристройки, на отделку спален, спортзала, коридоров, на летние помещения дачи, где палаты рассчитаны на двух

человек, на бассейн и финскую баню, куда, разреши Католиков, поехал бы любой за тридевять земель...

Настоящий хозяин. Целеустремленный и твердый человек, всегда знает, чего хочет и что надо делать в первую очередь. И так много делает для детей!

Макаренко и Сухомлинский – его любимые педагоги, лучшее из их педагогического наследия он активно использует в своей практике. Опыт и школа великих предшественников, конечно, большое подспорье, но призвание, любовь к детям –это индивидуальное. При всей занятости держит в памяти множество деталей. Под Новый год ходит с женой по магазинам, выбирает подарки, чтобы 31 декабря каждому положить под подушку.

С 1973 года А. А. Католиков – директор школы-интерната № 1. За шестнадцать лет интернат преобразился. Его называют семейным, а еще теплым домом.

– Александр Александрович, ваш интернат напоминает большую дружную семью. Не случайно любимая песня воспитанников "Живем дружно, как зернышки в гранате". И, видимо, подготовка к будущей семейной жизни начинается в стенах интерната?

– Подготовку к будущей семейной жизни мы относим к социальной деятельности. Малыши играют в куклы, составляющие семейный комплект: папа, мама и дети. В каждом классе есть полный набор сервизов, самовар, чайные наборы. Девочки увлеченно занимаются в кружках домоводства, все они умеют шить, вязать, стряпать. И мальчики стараются не отстать от девочек, не хуже их шьют и готовят пищу. Проводим мы уроки семейной этики для старшеклассников. Это деловые игры, касающиеся отношений в семье, умения ладить с близкими, уступать им, расходовать семейный бюджет.

– Я заметила, что ваши ребята с детства привыкают не только к хорошим манерам, но и хорошим вещам.

— Однажды я приехал из командировки и удивился: табуретки заменены на красивые стулья. А наш шеф Владимир Александрович Клаузер – начальник производственно-технического управления связи – устыдил меня: "Выйдут твои дети из интер-

ната и не смогут сидеть на стульях – попросят табуретки".

В качестве комментария. Я побывала на даче, расположенной в семидесяти километрах от Сыктывкара. Песчаная возвышенность. На берегу Малой Визинги своя пристань и малая флотилия, семнадцать моторных лодок. Каждое лето воспитанники ходят в походы по Сысоле и Вычегде.

Страсть к путешествиям появляется с детства. В нынешнее лето пятьдесят ребят отправились в автопробег по маршруту. Сыктывкар – Суздаль – Владимир – Киров – Горький – Сыктывкар.

Еще на даче есть одиннадцать тракторов. Мальчишки лет тринадцати водят их аккуратно. Рядом в кабинах сидят те, кто поменьше,– не просто развлекаются, а присматриваются что к чему. С малых лет дети учатся ухаживать за лошадьми (их семь), мечтают стать конюхами и становятся ими. Есть на даче кролики, козы, гуси, куры и даже ишак. Недавно жила там пара презабавных медвежат, добытых знакомым охотником...

Поспели овощи в поле, на грядках, в теплицах. Обеспечив себя полностью овощами и картошкой, излишки продают городу. Продукция идет нарасхват, особенно свежий картофель. Выкапывают его сами ребята, не ленятся встать в шесть утра, моют, укладывают в красивые ящички и везут свой груз в Сыктывкар.

Любой магазин соглашается взять их продукцию – за ней заранее выстраивается очередь, ждут, когда из интерната привезут.

А. А. Католиков рассказывает:

– Мы продаем каждый год по сорок тонн картофеля. Видим, как в торговле продают – все немытое, гнилое. Ну почему не сделать по-другому, как должно быть! Мы же детей воспитываем! Как мы можем грязную картошку с поля отправлять в магазин? Они же потом вырастут халтурщиками.

– Александр Александрович, в одном из выступлений по радио вы коснулись проблемы, как разумно, а главное, по-человечески позаботиться об устройстве воспитанника в самостоятельной жизни. Нельзя ли развить эту тему?

– У нас живут сироты при живых родителях. Отцы и матери их платят определенную сумму на содержание своих детей. Эти

деньги попадают в бюджет района, а надо, чтобы они перечислялись непосредственно нам, в интернаты.

Имея свои средства, мы приглашали бы на каникулы своих студентов, покупали бы им одежду и обувь, оказывали бы помощь.

Я и в Госкомитете СССР по народному образованию предлагал, что бы средства, полученные от родителей на содержание детей, передавали в интернаты. А мне возразили: ты будешь заботиться, а других директоров не заставишь. А я так не думаю...

– Имея в бюджете интерната средства, взимаемые с родителей ваших воспитанников, можно бы разумнее их тратить и на питание?

– Вот именно! Смотрите, что получается. В условиях Севера, а значит, и в нашем интернате, содержание ребенка в месяц обходится в 450-500 рублей. В этой системе не все продумано. Безобразные, несбалансированные нормы питания. На первоклассника и десятиклассника планируется одинаковая сумма. Причем нормы продуктов неоправданно велики: хлеб – 350, мука – 400, макароны – 0,75, масло сливочное 0,25 – все в граммах. К примеру, в меню 110 граммов рыбы. Хорошей нет, а невкусную ребята не едят. Зато сколько всякой ненужной документации!..

– От кого это зависит? Кто конкретно сдерживает вашу инициативу?

– Минздрав СССР и Санэпидемстанция не дают интернату "воли". Необходимо эту систему пересмотреть и средства, взимаемые с родителей на содержание детей, брошенных ими, передать в школы-интернаты.

– Интересно, как бы вы тратили деньги?

– Был у нас такой случай. Паренек отслужил в армии, вернулся на первый курс Тюменского медицинского института. Приехал к нам после демобилизации в солдатской форме. Надежды на помощь никакой, родственников нет. Что делать? Ведь не дашь студенту института хлопчатобумажные штанишки и ботинки за пять рублей, как первокласснику. Одели парня на 870 рублей.

Имея свои деньги, уж мы сумели бы ими распорядиться. К

примеру, парень женился, а мы бы ему выделили пять тысяч на однокомнатную квартиру. Когда он окрепнет, сможет нам вернуть процентов двадцать.

– Пока ребята живут в школе-интернате, вы за них спокойны. Однако дальнейшая судьба их складывается сложнее –зависит от разных людей и от многих обстоятельств. Не секрет, на скамью подсудимых чаще попадают бывшие воспитанники детских домов и школ-интернатов. Почему так происходит? И как можно предотвратить такое несчастье?"

– Меня часто обвиняют в том, что в интернате дети ни в чем не нуждаются – создаем хорошие условия. Но вот парень после восьмого класса пошел в ПТУ, оттуда попал в колонию. Я виню ПТУ, но и свою вину сознаю. А вывод такой: рано выталкивать детей из интернатов (и детских домов) после восьмого класса. Надо их задерживать в интернате до десятого класса, тогда ума прибавится и бока жестче будут. После десятого класса, как правило, лучше устраиваются. Парни сразу в армию уходят.

– Александр Александрович, возьмем конкретно ваш интернат. Вы с педколлективом готовите детей в самостоятельную жизнь. А дальше что? Молодые люди попадают в пучину житейского моря, из которого не все выплывают... Нередко повинны в том разного рода чиновники и бюрократы.

– В том-то и дело. Государство бросает этих детей, как на волну. Существует постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР "О мерах по коренному улучшению воспитания, обучения и материального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей" от 31 июля 1987 года № 872, подтверждающее, что, выпускники школ-интернатов имеют право на внеочередное получение жилья. Увы, данный пункт этого постановления не выполняется.

– Приведите, пожалуйста, конкретные примеры.

– Сколько угодно. Недавно получили письмо от одного бюрократа из исполкома. Он спрашивает, какую жилую площадь до пребывания в интернате имел наш воспитанник. Если он не имел жилплощади – не имеет права на жилье в Сыктывкаре. А какую площадь он мог иметь, если жил вначале в доме ребенка, потом в

дошкольном детдоме, теперь в интернате...

Одна наша воспитанница закончила ПТУ, стала швеей. В горисполкоме ей отказали в жилье, сказали: "Езжай туда, откуда приехала". Она поехала на родину, в Ижму. Там никого не оказалось. Вернулась в интернат. С большим трудом удалось добиться места в общежитии.

– Среди ваших воспитанников есть студенты московских, ленинградских и других вузов. Мне назвали с десяток фамилий...

– Надо бы больше...

– Что же мешает?

— К сожалению, в вузах не хотят возиться с нашими воспитанниками, не выполняют указанного постановления, существующего для них лишь на бумаге. Судите сами. Студенту, круглому сироте, государство обязано платить ежемесячно сто пятьдесят рублей. Я забеспокоился, почему молчит один наш первокурсник. Встретился с ним, спрашиваю: "Сколько тебе дают на содержание?" Предложили, говорит, такой вариант: стипендия 80 рублей плюс 80 копеек в день на питание. Получилось 104 рубля в месяц, а положено-то – 150 рублей! Разница большая.

– А что сам студент?

– Просить парню стыдно. Отказаться от предложенного постеснялся, доверился взрослым. Ему известно одно: закон существует, чтобы его выполнять, а просить парень не привык.

– Александр Александрович, по статистике двадцать процентов выпускников школ-интернатов и детских домов попадают в места лишения свободы. Конечно, вы анализируете каждый случай...

– Из памяти не выходит тридцатилетний мужчина. Вся его жизнь проходит по колониям. Денег нет. Квартиры нет. Озлобился, ожесточился, потерял веру в людей. Я дал ему пятьдесят рублей, чтобы снял комнату. А его снова забрали: побил кого-то.

Душа болит за двоих братьев. Мать у них умерла, отца нет. Сыновей отдали в наш интернат, а квартиру забрало государство. Выросли парни, ушли из интерната. Старший закончил ПТУ, выучился на тракториста. Жить негде. С большим трудом добились для него места в общежитии. А там пьянки, драки. Хулиганил,

подрался. Теперь в колонии второй раз. Скоро освободится. Одновременно с ним вернется домой из армии младший брат. А дома-то нет...

– *Как вы смотрите на такой факт: в некоторых, если не сказать во многих, интернатах появилась тенденция передавать воспитанников во вспомогательные школы?*

– Надо ли с этим спешить? Ведь в семьях за ребенка бьются до конца. Мы провели у себя несколько экспериментов и убедились в том, какая большая разница между детьми, выросшими в семьях, и теми, кто попал к нам. Каждый ребенок индивидуален: один все схватывает быстро, другой – медленно, третий вообще тугодум. Сколько мы знаем примеров, когда из тугодумов вырастали хорошие специалисты, руководители, администраторы. А у нас еще как бывает: плохо соображает парнишка – собираем медико-педагогическую комиссию и отдаем во вспомогательную школу.

А кто постоит за сироту?! По инициативе Советского детского фонда имени В. И. Ленина решено направить в детские дома и школы-интернаты врачей-психиатров, чтобы они в случае чего защитили детей.

– *Александр Александрович, наша беседа идет, если можно так выразиться, в русле защиты детства. Вы, конечно, острее других чувствуете правовую незащищенность детей...*

– Мы "растащили" ребенка по ведомствам. Свежий пример. С 1 января 1990 года в Ярославле будет открыта школа-интернат для сирот железнодорожников, которых свезут со всей Северной железной дороги. К чему это делать? Ведь не война теперь. Тем более что у железнодорожников нет подсобных хозяйств. Директора железнодорожных школ жалуются, что у них даже мебели не хватает. Лучше бы сразу отдали сирот государству! В Венгрии, Чехословакии, Югославии действуют конвенции о правах детей. А почему у нас нет? Существует международная конвенция о защите детства, которую СССР не подписал. Ребенок не может никуда обратиться за помощью.

– *Александр Александрович, ваш интернат называют, не иначе как семейный или теплый дом. На даче, в лесу, встретился*

мне такой крепенький, некрасовский "мужичок с ноготок", поздоровался, назвал свое имя, спросил: "Конфеты есть?" Подбежала ватага его сверстников, приняли угощение. Мальчики охотно рассказали, что они из нулевого класса – им по шесть лет. Значит, интернат омолаживается. Что это, эксперимент?

– Можно сказать, эксперимент. Долго не давала покоя такая мысль: многое можно исправить в ребенке, если его взять в интернат с года, даже с полугода. Объясню, почему. К домам ребенка Минздрава у меня предубеждение. Уж больно там несчастные дети, уж очень они много теряют от года до трех лет. Никогда не могу зайти в дом ребенка и просто так смотреть на ребятишек, у которых главная игрушка – сосать большой палец ноги. Вместо соски. Лежат они одни, и поговорить не с кем.

И вот этот голод, эта тоска по общению, по разговорам, по ласке с самого рождения калечат ребенка. В семье уже с года малыш понимает, о чем говорят. А в дошкольном детдоме и доме ребенка дети безнадежно отстают в развитии.

Большинство домов ребенка по стране специализированные. У сотрудников надбавка к зарплате сорок процентов. На них не распространяются правила, касающиеся других лечебных заведений. Воспитателей там нет. До трех лет нормальные и тяжелые дети воспитываются вместе.

Подобные наблюдения и подтолкнули меня к мысли пристроить в нашем интернате первый в стране детсад, вернее, яслисад. Подберем дополнительный персонал, летом будем вывозить детей на дачу.

В школе-интернате № 1 привыкли к гостям. Приехали директора с подмосковных интернатов, ходили, смотрели. Одна коллега мимоходом спросила:

– Когда у вас отпуск, Александр Александрович?

– Я уже тринадцать лет без отпуска работаю.

Его директорский кабинет пришлось расширить от маленькой, в одно окно, комнатки до просторного зала, поставили шкафы с книгами, игрушками, постелили ковер. В открытую дверь набивается полно ребятишек. Они общаются между собой, чита-

ют, спорят, спокойно играют на ковре. Не замечают, как серые сумерки окутывают их теплый дом, как на столе любимого Сан Саныча загорается лампа. Обстановка домашняя: дети спокойны, потому что видят – "отец" дома занят очень важным делом, а потому не отвлекают.

Александр Александрович тоже вроде не замечает ребятишек, хотя уверена, что чувствует их каждой клеточкой своего тела.

Но вот убрано со стола все до последней бумажки. Пора... Он поднимается берется за палку. С ковра мгновенно, разом поднимаются дети. И такая тоска в их глазах, такая мольба в голосе:

– Александр Александрович, куда же вы так рано? Еще даже не закончилась телевизионная программа "Время"...

Это ли не награда за долгий, трудный рабочий день!

Беседу вела ***Клара Хромова,***
"Человек и закон".-№ 1, 1990.

Наш общий дом

С волнением приступаю я к проблеме отношений взрослых с детьми и детей между собой. А. С. Макаренко писал, что именно отношение составляет истинный объект нашей педагогической работы. Но как установить гуманные отношения, если даже дома, в своей семье не всегда удается этого достичь? А тут 300 детей – 300 характеров. И нужно, чтобы было хорошо в школе-интернате и скромному, и упрямому, и неугомонному, и тихому, и драчливому, и застенчивому. Где найти меру доброты? Сколько должно быть в доброте жалости и сколько требовательности? Как, жалея ребенка, не превратиться в добренького дядю? Как найти нужную дозу в требованиях, чтобы не стать деспотом, угнетающим ребенка?

До школы-интерната я 6 лет проработал директором Дворца пионеров в г. Сыктывкаре. Что за прекрасное было время! Сколько всего работники этого внешкольного учреждения вместе с ребятами сумели построить, придумать, осуществить! Свой паро-

ход приобрели, плавали аж до Архангельска, до Соловецких островов. Вот тут-то я и познал педагогику сотрудничества, о которой сейчас столько пишут. Разве я смог бы зажечь ребят, только командуя, отдавая приказы? И всегда рядом были помощники, единомышленники, а не чиновники, покорные начальственной воле. Мы вместе делали ошибки и открытия, вместе праздновали победы, переживали неудачи. Именно тогда я понял: один учитель, даже очень талантливый, не сдвинет гору проблем, которые были и есть в нашей жизни и школе. Штурмовать ее надо сообща, крепко держась за руки.

В школе-интернате, кстати, между взрослыми и детьми теснее связи, чем в обычной школе. Здесь больше объединяющих начал: общая судьба свела детей под одной крышей, у них общий быт, и мы, взрослые,– это их семья. Особенно наше единство стало заметно, когда у нас появились девяти- и десятиклассники. Мы отстояли право воспитывать детей до окончания средней школы. А раньше в 15 лет, в самом критическом для становления личности возрасте, они вдруг попадали в суровую, не всегда ласковую к человеку жизнь. В ПТУ у нас, чего глаза закрывать, порой и курят, и пьют. Долго ли наших-то соблазнить? Не у всех ведь стойкий иммунитет к плохому. А вот теперь стали мы их держать два года “при себе”. Мы можем скорректировать их поведение – за два года они меняются просто неузнаваемо. Уходят от нас уже взрослыми, и мы спокойны – не собьются на кривую дорожку, не опозорят. Да и вообще, почему уготовай для всех живущих в интернате один удел – восемь классов и ПТУ? А если у человека способности, если он по-настоящему одаренная личность?

Как-то попалась мне очень печальная статистика: за последние 3 года в институты приняли только 7 выпускников школ-интернатов Москвы. А у нас из одной маленькой школы-интерната в 1987 г. поступили в институты 6 выпускников, а в 1988 г. – 9. И чему я особенно рад – трое поступили в педагогический институт. Я уверен, что в создании новой школы, в формировании учителя будущего большую роль должны сыграть выпускники школ-интернатов. Ведь они с малых лет воспитате-

ли: нянчат малышей, защищают их в ссорах, утирают им носы, играют в разные игры. Как же им не стать хорошими учителями?

Самоуправление родилось у нас в деле: когда производили капитальный ремонт интерната, потребовался штаб труда. Это очень авторитетный орган. В штаб входят старшие бригад: его председатель – член комитета комсомола; заместитель председателя – член совета пионерской дружины. Постоянно действующий орган самоуправления – совет бригадиров. Раз в месяц он дает бригадам трудовые задания. Это может быть работа в оранжерее, столярной мастерской, на ферме, уборка снега и т. д. Если где-то необходима срочная помощь, туда направляется ударная бригада. Отвечает за ее деятельность заместитель председателя штаба труда. Человека на эту должность выбираем ответственного, надежного, чтобы не волноваться. Председатель же лично отвечает за все и за всех. В 1987 г. был им Коля Бабенко, нынешний студент Архангельского лесотехнического института.

Попробуй он недогляди за какой мелочью – сразу:

– Николай! Да что же такое?! Опять снег у гаражей забыли убрать?

– Ну чего вы шумите. Сан Саныч,– притворно -сокрушенно качает он головой,– только нервы зря себе и мне переводите. Бригада же сейчас в бане. Уберут, знаете же...

Лет пять назад пришли к такому выводу: бригада сама решает, какое время удобно ей для работы. Если, например, комсомольское собрание, проводимое после уроков, затянулось, ребята просят нянечку разбудить их пораньше. Или, наоборот, планируется работа на вечер.

Раз в неделю Коля Бабенко собирал совет бригадиров. Бригадиры докладывали о состоянии дел в бригадах, прикидывали, какую оценку по пятибалльной системе поставить каждой бригаде, выводили коэффициент трудового участия членов бригад. Нередко спорили, шумели, но добивались справедливости и объективности, которые порой бывают и суровыми.

Как-то летом пятиклассники решили отправиться на теплоходе по реке Вычегде. Каждому были выданы деньги со спецсчета на карманные расходы. Совет бригадиров определил, кому вы-

дать пять рублей, а кому двадцать – в зависимости от того, как поработал в году. Эта традиция живет и сейчас в нашем интернате.

Я не раз убеждался в том, что доверительные, уважительные отношения с теми, кого ребята избрали в органы самоуправления, положительно влияют на создание нравственной атмосферы в коллективе.

Общение с детьми — непростая наука. Когда слышишь, как иная учительница долбит мальчишке; “Как тебе не стыдно! Сколько раз тебе говорить?..” – становится обидно за обоих. С детства не выношу словесного занудства. Беседуя с ребенком, надо уметь удивить его необычной мыслью, неожиданным словесным оборотом. Я глубоко верю В. А. Сухомлинскому, который утверждал, что удивление служит особым методом воспитания и обучения.

Вот на даче сидит на скамеечке мальчонка и неутешно плачет: его слишком коротко постригли.

– Зачем ты плачешь? Ведь у тебя теперь прическа “под директора”.

– Не хочу я “под директора”! — продолжает он реветь, но уже без натуги.

– Ну, тогда придется отправить тебя в школу-интернат в Воркуту, там у директора длинные волосы.

– Не хочу я в Воркуту. Лучше здесь “под директора”,–говорит он уже без слез.

Кажется, какой пустяк – мальчишеская прическа. Прикрикнуть на него, отправить заниматься делом. Но у нас недопустимы окрики и раздражение. У нас в коллективе заповедь: пусть не притупляются родительские чувства ко всем детям.

Старшеклассники у нас живут – по 2-3 человека в комнате. Но вот воспитатели стали замечать: там семечки валяются, там бумажки на полу, там постель небрежно заправлена. Собираю старших в своем новом кабинете.

“Убедился, что нет у нас порядка в комнатах, красоту не бережете. Придется для вас специального надсмотрщика взять. Только вот беда: нет такой должности в штатном расписании, и

надо вам самим содержать непредусмотренного опекуна. Поэтому будете мне ежемесячно сдавать по 3 рубля и я стану каждого из вас на три рубля дополнительно воспитывать".

Молчат ребята. Слегка растерялись от неожиданности. Потом заговорили: "Поняли, Сан Саныч. Наведем порядок". Вот и все. Конфликт исчерпан.

Наказывать детей я, признаться, не люблю и всячески избегаю этого. Дежурил как-то по столовой Саша Череповский. Вечером ребята пришли из кино, поели – и бегом спать. Остались столы неубранными. На утро я заявил ребятам, что не пущу завтракать, пока не будет наведен порядок в столовой. Те с претензиями к Саше, он "завелся", но в столовой все убрал. Сам же завтракать не стал. Я его разыскал, посоветовал полежать в комнате отдыха. А вечером взял его в Межадор – я туда гостя возил. За день мой буян остыл и в лагере был уже просто золотым парнем.

Был у нас Саша П. Приохотился он по чужим карманам шарить. Решили мы "эксперимент" провести: "украсть" у Саши то, чем он больше всего дорожит. Договорились об этом с одной студенткой из педагогического института (студенты у нас постоянно работают). Спрятали его коньки с ботинками: пусть почувствует, каково быть обворованным.

Всполошился Саша: нет коньков! Он – к воспитателю. Та ничего не знает. Стал ребят спрашивать, все шкафы облазил. Нет коньков. Такую истерику парень закатил, что уж хотели "эксперимент" прекратить. Но выдержали. Прошло несколько дней. Перестрадал парень, и воровать – как рукой сняло. Тогда мы и вернули ему коньки, рассказав про "эксперимент".

У нас железный закон: чтобы ни старшие, ни младшие без разрешения ничего не брали друг у друга. И спальни у нас открыты. Но если отношения в коллективе построены на доверии, то и тяги к воровству не возникает.

Я часто прибегаю к такому "воспитательному средству", как конфета. Не хотят малыши засыпать, разбалуются – положишь в ладонь каждому конфетку, сразу замолкают, зачмокают, успокоятся и уснут.

С инспекцией по делам несовершеннолетних мы никогда дел не имеем. И никаких побегов у нас давно нет. А ведь нередко интернаты становятся лишь придатком инспекции по делам несовершеннолетних. По любому поводу инспектор идет в интернат. А разве он сильнее нашего педагогического коллектива?

Мы с самого начала приняли для себя как аксиому: учителю жаловаться на невоспитанность ребенка некому, некого и в школу вызывать, разве что самого себя или директора. Воспитатель школы-интерната не может и подумать о том, что кто-то со стороны придет и решит за него его проблемы. Он и только он отвечает за свой класс, за знания детей, за их поведение, по существу, за всю их жизнь.

... Шестиклассники сорвали урок пения. Вызвал сначала весь класс, потом оставил у себя в кабинете заводилу – Лешу.

– Леша, ведь ты мне друг. И вот теперь учителя и ребята скажут: "Лучший друг Католикова срывает уроки". Как же мы будем дружить?

Мальчишка зарыдал. Я не ожидал этого, растерялся, не знал, как его успокоить. Достал из кармана брелок с футбольным мячом. Говорю; "На тебе за то... что урок сорвал".

Если определить главное чувство учителя, которое приводит его в интернат и оставляет в нем надолго, порой на всю жизнь, – это любовь к детям. Дети всегда безошибочно определяют, кто их любит, а кто просто исполняет обязанности. Обман здесь не проходит. Можно какое-то время продержаться на знании методик и педагогических приемов, но рано или поздно дети почувствуют безразличие учителя к их жизни, да и ему самому такой отстраненный подход вряд ли принесет удовлетворение в работе.

Любовь к детям. Удивительно сложное и необъяснимое состояние. Можно ли любить не своих, а чужих детей, да еще раненных горем, предательством, никогда не забывающих, что их бросили, и страдающих от этого? Они так жаждут доброты, внимания, сердечности и, боясь обмануться в своих надеждах, скрывают это под бравадой, равнодушием или грубостью. И только любовью можно спасти, отогреть их озябшие души, вернуть им веру в человека и справедливость. Если педагог не способен по-

любить таких детей, ему нельзя работать с сиротами. Его любовь – это не та ненормальная любовь, свойственная иным родителям, трепещущим над своим единственным дитятей, а строгая и требовательная. Если я от тебя требую, чтобы ты стал настоящим человеком, если я хочу, чтобы ты был лучше, не даю тебе покоя,– значит, я тебя люблю. И поразительно, порой ругаешь какую-нибудь Лену М. за плохую работу, а она улыбается: “Все равно я знаю, что вы меня любите...”

Мне стыдно смотреть на воспитательниц, которые тужатся изображать любовь к детям. Была у нас такая. Приедет в лагерь в первый день после пересменки умиротворенная, с добрым лицом, хорошо причесанная. Весь день говорит тихим, елейным голосом, а детей называет только Петенька, Феденька, Машенька. А на следующий день гляжу – взлохмаченная, разъяренная стоит в дверях спальни и зло кричит: “Не заводите меня! Не доводите до рукоприкладства!!!” Пришлось ее уволить, пока она не дошла до рукоприкладства. А вот совершенно другой человек.

Работала у нас в библиотеке Татьяна Владимировна Чугаева. Тоненькая, тихая, маленькая, как девочка. А дети ее любили безмерно, и она их понимала, как никто. Собрала она как-то второклассников и стала им рассказывать, какие новые книги поступили в библиотеку. Показала им красивую, с картинками книгу о животных. Не успела закончить обзор, как ребятишки в очередь встали, и всем книгу о животных подавай. А их всего15 штук.

Стоят ребята, волнуются – вдруг не достанется. Глядит Татьяна Владимировна: в конце очереди нервничает Лена Стрелкова, ногти от волнения грызет – так хочет получить книжку. Не выдержала, подошла: “Татьяна Владимировна, оставьте мне книжку...” А Татьяна Владимировна говорит строго: “Встань, Лена, в очередь. Если тебе хватит, ты получишь книжку”. И вот самая последняя книжка достается Лене. Она схватила ее, прижала к груди, запрыгала от радости: “Ура! Меня любят! Меня любят!”

Вот ведь как бывает! Оказывается, дело не в самой книге, а в том, что ребенка любят. И как же это важно!

А. С. Макаренко великолепно объяснил и иной характер детской любви к учителю: “Ребята не оправдывают интеллигентско-

го убеждения, будто дети могут любить и ценить только такого человека, который к ним относится любовно, который их ласкает. Я убедился давно, что наибольшее уважение и наибольшая любовь со стороны ребят... проявляются к другим типам людей. То, что мы называем высокой квалификацией,– уверенное и четкое знание, умение, искусство, золотые руки, немногословие и полное отсутствие фразы – вот что увлекает ребят в наибольшей степени.

Вы можете быть с ними сухи до последней степени, требовательны до придирчивости, вы можете не замечать их, если они торчат у вас под рукой, можете даже безразлично относиться к их симпатии, но если вы блещете работой, знанием, удачей, то не оглядывайтесь: они на вашей стороне".

Бывают ли у нас конфликты? Разумеется, бывают. Но вот разрешение их – вопрос особый. Раньше было так: чуть что случится – идут с ребенком к директору. Воспитатель шумит, я тоже начинаю возмущаться, провинившийся стоит и не знает, в какой стенке прислониться, А теперь у нас есть совет чести, он и разбирается. И главная забота воспитателя – чтобы здесь был доброжелательный разговор, а не судилище. А часто мы просто даем человеку время, чтобы успокоиться, прийти в себя – ведь он сам не хуже других понимает свою вину, если она есть.

В жизни подростков все не так просто, как многим кажется. Знаю это и по своему сыну. Однажды он поддался на уговоры друзей, выпил и пошел на школьный вечер и там, конечно, вел себя не лучшим, мягко говоря, образом. Я не стал его ругать, читать ему нотации. Видел, что он переживает случившееся, страдает, совесть его мучает. И я рад, что сдержался тогда. Больше подобного не повторялось. Хуже всего, если ребенок живет под страхом наказания. Он должен чувствовать, что, даже если он оступился, его поймут, поддержат, помогут найти выход из беды. Я очень ценю тех воспитателей, которые защищают детей. И когда кто-то из них подходит ко мне и говорит; "Александр Александрович, вы зря отругали Катю (Машу, Лешу...), надо было подождать. Лучше бы мы сами поговорили с ней на совете чести", я соглашаюсь: да, так было бы лучше.

Так что с наказанием не надо торопиться, а вот поощрение лучше не откладывать. Я не сторонник только моральных его форм. Разве не лестно получить за добросовестный труд честно заработанные деньги? И лучшие бригады поедут, например, в г. Киров, а девочки смогут заказать себе платье в ателье. Сами выбирают материал, фасон. Посмотришь, недорогое платьице, а глаз не оторвешь. Очень неприятно, когда воспитанники школ-интернатов, детских домов одеты в одинаковые платья, пальто. Мы такого не допускаем. Наши хорошо одетые девочки и мальчики чувствуют себя уверенно и на улице, и в общественных местах.

На день рождения дарим каждому имениннику персональный торт и еще спрашиваем: "Что ты хочешь получить в подарок?" Как-то большой парень попросил подарить на день рождения игрушку "Дюймовочка". Удивились мы – ведь в VIII классе учится! Однако купили. Оказывается, его устройство игрушки заинтересовало. Разобрал он всю Дюймовочку по частям и успокоился. А первоклассник Паша захотел в день рождения на директорской машине покататься. Пришлось просьбу удовлетворить.

Я не сторонник того, чтобы в коллективе выдвигались лидеры: где лидер, там один-двое, а то и больше униженных. Наши особые заботы как раз о тихонях. Тихонь выдвигаем на ответственные посты, которых у нас на всех хватает. Скажем, ответственный за электронные игры – чем не пост для начинающего общественника? Ну а более опытные работают заместителями директора... по труду, по цветам, по технике и т. п.

Но вот что мы не всегда можем удовлетворить, так это потребность ребят в уединении. Наши дети страдают от переизбытка общения. От необходимости постоянно находиться на глазах окружающих неизбежен психологический дискомфорт. Поэтому так любят наши дети тихие уголки. Летом на даче проще: там пеньки, скамеечки, можно посидеть у плотины над водопадом, словом, найти место, где никто не потревожит. Но и в школе мы стараемся уютно оформить каждый закуток, чтобы можно хоть какое-то время ребенку побыть одному.

Я человек строгих правил, можно сказать, суровый, а вот детям разрешаю с собой и пофамильярничать, повольничать. Считаю, что воспитатель не должен "нависать" над детьми, давить их своим авторитетом. Я не вижу ничего зазорного в том, что хожу в баню вместе с ребятами и они с удовольствием хлещут меня вениками. Все это вполне естественно, как в каждой семье. А в сауне сидим, завернувшись в простыни, попиваем ароматный, на травах, чай и про жизнь беседуем. Тут я им никакой не директор, они меня не стесняются, говорят откровенно. Эти "банные" часы я очень ценю, там часто куда больше педагогических открытий делаю, чем за месяцы "директорского" общения. Не мучаюсь вопросом, боятся ли меня ребята. Мне это просто ни к чему. Один из первоклассников бегал за мной по интернату и кричал: "Директор, директор, я вас не боюсь!" Ну и пусть не боится. А Маша Прокушева, наш знаменитый животновод, учась в X классе, как-то заявила мне: "Я с вами не разговариваю: вы меня высмеиваете". Пусть пока не разговаривает, в семье дети тоже на родителей обижаются.

Я необычайно люблю наши лодочные походы. Каждое лето – 300-километровый маршрут. Но дело не в отмеренных нами километрах. Есть в походах, в жизни на природе какое-то особое таинство. Все мы проникаемся нежностью друг к другу, нет ни споров, ни ссор. У всех словно оттаивают души, все мы одна семья, и нам очень хорошо вместе.

Около старинного села Вотчи мы обязательно делаем остановку. "Ляпки" – так называется здесь рыбка-подлещик, которую мы ловим в большом количестве, вялим и едим. Костер, уха, вечерний закат, сон в палатках, подъем с зарей, свежесть утра, снова костер – обо всем этом дети вспоминают с удовольствием весь год. И столько доброго и прекрасного остается в душе от близкого свидания со своей тихой родиной, от единения с матушкой-природой! Ходите в походы – это, ей-богу, ничем не заменимая радость.

Ребята – хозяева похода. Они и костровые, и завхозы, и повара, и ведущие. А мы, взрослые, рядом с ними, помогаем советами. Как с ними при таких взаимоотношениях легко, как хорошо!

Я, например, в походе много читаю, школьные будни такой возможности не дают. Иногда сразу не воспринимают ребята этой новой жизни. Подходят ко мне, жалуются: “Костра нет”.– “А мне что...Вон Вася Никулин костровой, идите к нему”. Или: “Есть хотим!” – “У вас есть повар, есть завхоз. Ну и готовьте себе на здоровье”. Больше не ходят и не жалуются. Буквально все делают сами. Такая самостоятельность только укрепляет дружбу и улучшает взаимоотношения и между ребятами, и между ребятами и взрослыми. В походе не возникает конфликтов.

Выскажу свое мнение о расширении возможностей и географии поездок детей-сирот всей страны. Думаю, нужно открыть туристические базы для них во всех столицах республик, во всех городах-героях. Один вариант: сделать это с участием комсомола. Другой: издать с помощью Детского фонда специальный бюллетень, в котором будет расписано, кто, в какое время и сколько детей-туристов сможет принять без дополнительного строительства. Поездки, экскурсии не только сплачивают, но и расширяют кругозор, что для наших детей особенно важно. И тогда походы, скажем, по северным рекам, на Дальний Восток, на озеро Байкал, в Карелию – это вполне осуществимая мечта наших детей. А можно показать им море – они его никогда не видели, большие города, заинтересовать культурой Древней Руси или народов Востока, историей нашего многонационального Союза.

Меня иногда спрашивают: “Кто же чаще всего виноват в конфликтах – дети или взрослые?” “Мы, взрослые, всегда виноваты,– отвечаю я.– не дети. Потому, вероятно, что у детей острее развито чувство справедливости”.

Ребята наши не боятся спорить с воспитателями, особенно когда речь идет о трудовой деятельности. Смотрю как-то – кролики все длинными-предлинными стали. А главный животновод, девочка очень серьезная, спокойно ходит с ключом на груди от всего нашего зоопарка. Говорю ей:

– Подкормить бы кроликов надо. Что-то они у тебя похудели.

– Не похудели вовсе, просто они такие стройные.

Но кроликам дополнительный рацион назначила.

Я убежден, что для доверительного разговора с ребятами нужна особая ситуация, обстановка.

Еще об учении вот что хочу сказать. Пожалуй, начальное и среднее звенья – самое больное в современной школе. Масса ребят учатся на тройку. Но, разве только на уроке могут дети получить знания? Пусть учитель сегодня ведет их на экскурсию, а завтра на крыше рассказывает им о звездах или едет с ребятами на сенокос и там, между делом, влюбляет их в свою науку.

Подтверждение тому и наш биолог, Людмила Михайловна Дымова. Простая женщина из глубинной коми деревни, она не прибегает ни к каким сложным приемам воздействия на детей. Она просто живет вместе с ними. В ней совмещаются и педагог, и ученый, и простая женщина-крестьянка. Она умеет и урок провести увлекательно, и роды у коровы или козы принять, и вырастить прекрасные цветы, и классифицировать их, и так оформить выставку, чтобы наши экспонаты обязательно заняли первое место по городу. Может не только рассказывать о биологических законах, но и стричь овец, прясть, ткать, посадить картошку, вырастить ее в лучшем виде и урожай сохранить. Удивительный, незаменимый человек.

У Людмилы Михайловны нет каких-либо педагогических секретов. Постоянно находясь с детьми, каждым своим словом и поступком она словно утверждает: “Делай, как я, и все будет хорошо”. Да ведь в любой семье на Руси с древности именно так и воспитывали детей, приучая их к труду, передавая им мастерство, оставляя им в наследство чувство долга, принципы морали и нравственности. Из поколения в поколение шел этот процесс передачи опыта, и благодаря этому не нарушалась связь времен.

Людмила Михайловна каждую тему урока обязательно увязывает с практикой, с опытнической работой, которую дети летом проводили. Тут уж поистине сотрудничество, сотворчество учителя и ученика!

Обучение как часть воспитания тоже должно быть деятельно. Хороший учитель, чему бы он ни учил – истории, литературе или математике, – одновременно воспитывает трудолюбие, настойчивость, целеустремленность. *“Воспитание школьников”.-№ 2, 1990.*

Наш общий дом

Как воспитать хорошим семьянином подростка, не знающего, что такое семья? Что-то утопическое слышится в такой постановке вопроса. И все-таки мы стремимся воспитывать родственные чувства у детей, обездоленных своими родителями. Нельзя допустить, чтобы сироты, став взрослыми, рождали новых сирот.

Когда я пришел работать в интернат, там, кроме сирот, было немало ребят из так называемых неблагополучных семей. По субботам они уходили домой, и я не мог спокойно смотреть в глаза тех, кто оставался в интернате. И хоть в том доме, куда уходили дети, порой царили грязь, невежество, грубость и пьянство, интернатским он представлялся воплощением добра и заботы. Воспитатели обижались: они столько сил отдают, чтобы сделать интернат родным для детей, но притягательность другого, того, в который уходили "домашние" по субботам, оказывалась сильнее.

В наш интернат привозят детей по двое, по трое, а то и больше из одной семьи. Раньше было так: милиционеры привезут из детприемника детей, начинаем их делить. Старших — нам, а малышей — в дошкольные детские дома. Слезы горькие. Малыши в старших вцепятся, старшие плачут, милиционер слезы вытирает, и я не знаю, что и делать,— хоть сам рыдай. Теперь мы детей не разлучаем, берем и дошкольников, начиная с трех лет. Но как же трудно возродить утраченное братство, когда детей разлучили в раннем возрасте!

Везу я как-то летом в пионерский лагерь маленького паренька Егорку. Везу его из дошкольного детского дома к его сестре-третьекласснице, чтобы вместе жили. Мальчишечка конопатый, как гречневой крупой обсыпанный, юркий, во все стороны круглой головенкой вертит;

"Что это? А это что?" Приехали в лагерь. Подвожу его к сестре, говорю: "Вот брат твой". А она на него как на пустое место смотрит:

– Ну и что?

– Как что? Ведь брат он твой родной. Возьми его к себе в спальню, вместе жить будете...

– Зачем он нам в девчачьей спальне нужен?

– Ничего, будешь следить за ним, поможешь к нашей жизни привыкнуть.

Взяла она его за руку, повела в свой корпус. Идут дни. Наблюдаю я за ними: никаких родственных чувств не замечаю.

Спрашиваю ее: “Что же ты Егорку не приласкаешь, сказку ему на ночь не расскажешь?”

— Ну вот еще! Буду я его по головке гладить? А сказку когда-нибудь почитаю...

Долго и трудно шли навстречу друг другу родные брат и сестра. Слишком слабыми оказываются кровные узы, когда в раннем детстве живут дети в разных детских домах.

Люда пришла к нам ученицей IV класса. Осталась она сиротой. Не смогла её мать, молодая красивая женщина, пережить заключения мужа в тюрьму, надломилась, угасла и умерла. Люду направили к нам, а ее младшую сестренку — в дошкольный детский дом. Как ее ждала Люда! Три года только о ней и рассказывала и наконец дождалась. Бросилась к сестренке, когда ее в интернат привезли, а та вся сжалась, голову опустила, ни слова не говорит. Люда бьется около нее: “Оленька, здравствуй! Ведь сестра я твоя...” А та дичится, забыла, что значит сестра.

Переживала Люда, что сестренка ее не хочет признавать. Подойдет к игровой комнате 1 класса, в щелку заглянет: бегает Оля, с куклами разговаривает, веселая, а появится Люда, опять в угол забьется, нахохлится, даже глаз не поднимет.

Учительница попросила Люду побольше читать с сестрой, трудно ей азбуку осиливать. Подойдет Люда к Оле с книжкой, а та ни в какую, упрется, не хочет ни читать, ни слушать. Сидит и смотрит в угол исподлобья.

Так билась Люда с сестрой два года, никак ее к себе приручить не могла. Не открывалось маленькое сердечко. Люда закончила восемь классов, ушла из интерната, поступила учиться на дирижерско-хоровое отделение музыкального училища.

И вдруг произошло чудо: Оля ощутила потерю, стала ждать встречи с сестрой. Когда Люда приехала в первый раз, Оля пошла ей навстречу сначала как-то робко, бочком, пряча глаза, а потом побежала со слезами радости в глазах. Теперь и Оля закончила восемь классов, и живут сестры вместе в квартире, которую им оставила мать.

А однажды мы стали свидетелями мгновенного обретения семьи. Жил у нас мальчик, которого мы называли Славик, учился в III классе. Но никто не знал ни его настоящего имени, ни возраста. Совсем маленьким нашли его на городской свалке. В пеленках не было никакой записки. Сами дали ему имя, медики определили примерный возраст. Добрый рос мальчишечка, великодушный.

Как-то в начале августа привезли в Межадор новую группу ребятишек из дошкольного детского дома. Славик рядом стоял, смотрел. Потом как бросится: "Это моя сестра!" Схватил девчонку, прижал к себе, не отпускает. Та, маленькая, глазками, заморгала, заплакала и обняла Славика. Так и появилась у нас новая семья. Соберет Оксана в лесу кружку черники, половину съест, а вторую ему несет. А Славик бежит по лагерю, кусок пирога сестре несет.

Если в детстве брат и сестра живут в разных детских домах, это не может не вести к их отчуждению. Захваченные возрастными интересами, общественными и учебными делами, все реже встречаются братья и сестры, в старшие перестают заботиться о младших. Закончив школу и попадая в круговорот жизни, эти дети порой совсем теряют друг друга.

Вот и приходится нам, когда прибывают малыши, знакомить их (как ни странно это звучит) со старшими братьями и сестрами. Проводится праздник "брат, сестра и я – дружная семья". Собираются все наши многодетные семьи. Рассаживаются ребятишки со своими братьями и сестрами, начинаются конкурсы. При этом обязательно даём отличиться совсем маленьким: пусть все видят, какие наши малыши находчивые и сообразительные! Старшие тоже не отстают: читают стихи, поют песни, танцуют. А потом – чаепитие, разговоры в семейном кругу.

Мы заметили, что общие интересы, совместные дела в разновозрастных отрядах лучше всего возрождают родственные отношения. У нас в ребячьем коллективе особенно уважаем труд трактористов. Когда они кончают свой рабочий день и въезжают на тракторе на территорию лагеря, к ним бегут толпы ребятишек. Не спеша, солидно опускается тракторист на землю, долго трет руки ветошью. А малыши восхищенно глядят на него. С замиранием сердца следит за каждым движением старшего брата Радика Марат Хайруллин. Как хотелось ему сесть на трактор рядом с братом! Постепенно старший стал приобщать младшего к своей работе и сделал из него хорошего тракториста. Теперь Радик Хайруллин – студент Архангельского лесотехнического института, а его младший брат – главный тракторист интерната.

Дружба с братом у них нерасторжимая. Когда Радик прилетел в интернат во время каникул, Марат не оставлял его ни на минуту. А как гордится он братом, ставшим студентом!

Сегодня в детских домах и школах-интернатах воспитывается около миллиона ребятишек, у которых нет родителей. До недавнего времени мы это старались скрывать, дабы не травмировать общественное сознание.

Тоскуя по семье, убегали некоторые ребятишки из интерната. Бежали к папам и мамам. А потом, познав беду в той горе-семье, просились назад. “Александр Александрович, я прошу вас, примите в последний раз в вашу школу,– написал мне такой бегун. – Попросите министра СССР, чтоб меня к вам устроили. Примите меня в последний раз, я даю слово мужчины, что не буду подводить вас и школу”.

Семью, даже неблагополучную, самый распрекрасный интернат не заменит. Пусть дети воспитываются в интернате в более здоровой нравственной обстановке, но для них лишенные родительских прав отцы и матери все равно остаются папами и мамами. Мы бережем это трепетное отношение ребят к своим родителям. Внимательно слушаем детские небылицы о том, какие у них замечательные папы и мамы, хотя прекрасно знаем их истинную цену.

Был однажды трудный случай. Привезли в интернат девочку во II класс. Хороший, спокойный ребенок. Бегает, шалит, вижу хорошо ей у нас. Но как только наступила осень, затосковала прямо на глазах. Подходит однажды к завучу и говорит: "Отпустите меня, Зинаида Викторовна, домой на три дня. Картошку копать пора. Мои-то, наверное, опять пьют. Без картошки зимой пропадут...".

Что тут делать? Ребенок кровью прирос к своим родителям. Не нужно его с кровью от них и отрывать. Может, кого-нибудь из взрослых надо было с ней на самолете в Усть-Куломский район отправить? Но не отправил и юридически был прав. А сам мучился: ведь отвыкнет девочка от отца и матери, перестанет у нее болеть за них сердце, станет человеком без роду и племени, А отец с матерью, возможно, и одумаются. Только дочь для них будет потеряна. К сожалению, так и вышло. Потеряли они друг друга.

Когда ребята становятся взрослыми, нам иногда приходится во имя их же блага разбивать детские иллюзии, связанные с надеждами на обретение собственных родителей. Это очень тяжелый момент. Мы сознательно идем на расторжение родственных отношений только с теми родителями, которые утратили моральное право даже называться ими. Мы совершаем эту порой не бескровную операцию ради нашего воспитанника, будущая семья которого не должна быть похожей на его бывшую. Только в нравственно чистой среде можно воспитать хорошего семьянина.

У Саши У. умерла добрая и тихая бабушка. Несмотря на болезнь, она никогда не забывала проведать его в интернате, а после смерти оставила ему однокомнатную квартиру. Это случилось, когда Саша был десятиклассником. И тут же, откуда ни возьмись, объявилась его мать. Стала приходить в интернат, приносить сыну подарки и усиленно расписывать, как хорошо им будет жить вместе в бабушкиной квартире, если он согласится ее прописать, а она восстановит свои родительские права. Пришлось с парнем поговорить по-мужски, показать ему письма наших выпускников, которые в такой же ситуации остались без жилой площади, принадлежащей им по закону. Саша задумался. Узнал,

что у матери уже есть на примете очередной сожитель. Пришел как-то и говорит: “Я не дал согласия на вселение матери в бабушкину квартиру, 17 лет я ей был не нужен, думаю, что и теперь не я, а квартира ей потребовалась...”

Поражаешься порой, как, годами не думая о своих брошенных беспомощных детях, вдруг откуда-то берутся эти горе-родители, как только обретение детей сулит им какую-то выгоду.

Саша П. даже и не подозревал о существовании отца. Когда же подростку исполнилось 16 лет, в лагерь на “Жигулях” прикатил новоявленный папаша. Стал прельщать радостями совместной жизни и уж очень машиной соблазнял. А объяснялось это внимание просто: у Саши была принадлежащая ему квартира. И хотя велик был для юноши соблазн заиметь собственную машину, он сказал “отцу”, что чувствует себя достаточно взрослым, чтобы жить самостоятельно. После этого “отец” укатил на “Жигулях” навсегда.

Какое наказание несут родители, бросившие своих детей? Пожалуй, это вопрос больше для юристов. Я же расскажу, как страдают дети. Вот мать с отцом запили, загуляли, их лишили родительских прав, а сына передали нам во II класс. Трудный, колючий, как ежик. Сколько сил потратили, чтобы отогреть его душу! И вдруг, когда он учился в IX классе, пришла повестка в суд: родители “восстановились” в правах и требуют сына назад. Парень растерялся, смотрит на нас так, что сердце переворачивается. “Иди,– сказал я ему,— подумай!” Он друзьям рассказал, до глубокой ночи был у них совет. “Если родители один раз тебя предали,– сказали Юре товарищи,– неужто думаешь, что во второй раз не предадут? Не ходи!” Только один, круглый сирота, вставил: “Я бы даже самым плохим родителям все простил и пошел”. А Юра решил остаться.

Мне трудно быть здесь судьей. И хотя я знаю про максимализм юности, тем не менее, как и товарищи Юры, не верю, что утратившие честь и совесть могут стать порядочными людьми. Хорошо, если я ошибаюсь.

Хитро написано в законодательстве о людях, лишенных родительских прав. От детей отреклись, а вроде бы и

не чужие. Является один раз в год на свидание мамаша с кулечком конфет, обнимает дитя, целует, а потом пропадает. Ну как это понять? Это же безнравственно. Или же возьмет ребенка на каникулы, поиграет с ним, как с куклой, и везет назад государству – он ей не нужен больше.

Мы разыскиваем родителей, пишем письма в организации – просим удержать деньги на ребенка. За год "выбили" 30 тыс. рублей. Разыскивать всех, уклоняющихся от уплаты алиментов, очень трудно, нам пока это не по силам. Дали бы нам еще одного бухгалтера, мы бы взыскали не 30, а 130 тыс. А пока немало "кукушек", успешно обходя закон, никак не возмещают даже материально того урона, который они нанесли детям, отказавшись от них.

Дети-сироты, попав в интернат, первое время грезят своими родственниками, рассказывают о том, какие у них необыкновенные дяди и тети. Только грезы эти длятся недолго. Родственники редко забирают к себе племянников и племянниц, им обычно своих забот хватает. А ведь была когда-то в народе традиция, точнее нравственный закон: если ребенок оставался сиротой, его брали на воспитание родственники. Ныне это редкость.

И как отрадно бывает, когда встречаешь людей, которые жалеют сирот, стараются, как могут, заботиться о них.

Привезли к нам как-то целую ватагу детей Кармановых – и маленьких, и больших, сразу пять человек. Ребята хорошие, добрые, но какие-то тихие, ушедшие в себя. Горе у них случилось страшное. Пьяный отец убил мать. Хотела их бабушка к себе взять, да разве на 35 рублей пенсии такую ораву прокормишь?

Стали дети к интернату привыкать. Хорошо учились, но как уроки кончатся, все вместе соберутся и сидят тихонько в уголке. Только младший, первоклассник Валера, чуть освободится, бежит к воротам интерната и стоит там часами. Маму ждет...

В зимние каникулы приехала бабушка проведать внуков. Маленькая, кругленькая — настоящая добрая бабушка. Сумку свою клеенчатую раскрыла, а там и шанежки, и конфеты дешевенькие. Всех внуков одарила. Хотелось бабушке подольше с ними побыть. Устроили мы ее у себя в интернате переночевать.

Погуляла она с внуками, в столовой с ними обедала, с их друзьями познакомилась. Бабушка эта заботой своей внушала внукам, что не одиноки они. Очень она нам всем понравилась.

А бывают ситуации, когда родственники, которые и не думают о сироте, вдруг противятся усыновлению его хорошими людьми. К сожалению, есть у родственников такое право. И сколько детей не обрели домашнего тепла из-за несогласия родственников.

Мы не хотим, чтобы дети росли манкуртами, людьми без корней, не ценящими людской теплоты. Когда в интернат стали приходить сотни писем от добрых людей, которые хотели бы подружиться с нашими детьми, стать их бабушками и дедушками, я рассказал об этом на общешкольной линейке, предложил желающим переписываться с новыми бабушками и дедушками, а может, и проведать их во время каникул. Вечером объявляю по радио: “Кто надумал – идите ко мне в кабинет за адресами”. Сижу, жду. Гляжу: толпа валит. Все, как один, захотели обрести добрых друзей и родственников. Сейчас переписываются. Хорошие письма пишут. Обоюдная радость от этой переписки и у детей, и у взрослых.

А в зимние каникулы многие ребята поехали проведать своих новых родственников в Москву, Ленинград, Киев, Воркуту, Севастополь. Счастливые десять дней провели они в семьях великодушных людей. На ёлки сходили, в театрах побывали, на выставках, а главное – ощутили тепло домашнего очага, которое никакой общественной заботой не заменишь. Вернулись все дети счастливые, обласканные.

Но не буду скрывать: некоторые дети не выдержали испытания семейной жизнью. Не смогли мы в них преодолеть бесцеремонность, привычку получать все готовым без особого проявления благодарности, непредсказуемость в поведении, неумение заботиться о близких. Одна из девочек умудрилась спросить у своей обретенной бабушки, сколько у нее денег на сберкнижке; другая, зная, что бабушка не богата, пожелала получить от нее подарок и ехать на вокзал... на такси.

Мы не стали беседовать с девочками об их поведении. Эти ситуации были включены в "уроки семейного этикета". И ребята коллективно обсудили их, не зная, что "героини" событий сидят рядом. Такое косвенное воспитание оказывается более действенным, чем прямое осуждение.

"Уроки семейного этикета" мы проводим со II по X класс и придаем им важное значение, так как хотим, чтобы наши дети, став взрослыми, смогли создать крепкие, верные семьи. Разработаны уроки-упражнения, уроки-демонстрации, уроки-игры, на которых моделируются семейные роли, отношения между детьми и родителями, инсценируются семейные праздники (заранее составляется программа, придумываются шарады, шуточные поздравления, сюрпризы-подарки). Мы учим ребят распределять семейный бюджет, ухаживать за малышом, заботиться о бабушках и дедушках, лечить своих близких в домашних условиях; создаем ситуации, в которых надо уметь уступать друг другу, находить компромисс, считаться с желанием другого. Мы учим мальчиков рыцарству, девочек – деликатности, благородству, а всех вместе – культуре общения. Воспитанию чувства родства, сестринским, братским отношениям способствует и образ жизни интерната по типу семьи. Комнаты девочек и мальчиков, которые учатся вместе, находятся в отдельном отсеке с общей игровой комнатой-гостиной. Здесь ребята свободно общаются, смотрят телевизор, пьют чай за одним столом, беседуют, словом, ведут себя свободно и естественно, как и бывает в любом семейном доме.

Я люблю по вечерам ходить к десятиклассникам в их гостиную, посмотреть вместе фильм по телевизору, а потом обсуждать его. Мне интересно, что они говорят о молодых на экране и в жизни, о своих, по существу, взаимоотношениях. Неожиданные для меня наблюдения, разные точки зрения. Каждый говорит о своем, но все – искренне. Это главное. Искренность вообще очень сближает и нас, воспитателей, с детьми, и мальчишек с девчонками.

Особенно меня радует, что нашим ребятам не чужды милосердие, действенная доброта – основа счастья и дружной семьи.

Татьяна Владимировна Чугаева, библиотекарь интерната, тяжело заболела, стала инвалидом первой группы. Недавно она потеряла мать и осталась одна, совсем беспомощная. Десятиклассники не бросили ее в беде. Девочки приходят к ней, помогают во всем. Татьяна Владимировна поражается их умелости, деловитости, деликатности. Они не утомляют Татьяну Владимировну досужей болтовней, рассказывают лишь о том, что ей интересно. А недавно сшили ей в подарок юбку по выкройке из "Бурды". Словом, умеют девочки и помочь от души, и не быть в тягость.

Воспитание идет естественно и незаметно, когда между взрослыми и детьми нет отчуждения, когда все живут одной жизнью, общими заботами. И взрослому, и ребенку бывает порой плохо – тогда нужно посочувствовать, помолчать, посидеть рядом. Бывают и минуты радости, когда всем одинаково хорошо. Воспитатель помогает девочке и прическу, и платье подобрать к лицу. Повара любимое блюдо приготовят, чтобы порадовать ребятишек. Мальчики заботятся о девочках, не делят работу на мужскую и женскую, берутся за любую. А шефство больше похоже на братство. Сидят где-нибудь в уголочке, и, смотришь, старший младшего игре на гитаре учит. Проходит время – у нас новый музыкант появился. На Новый год каждый малыш у себя под подушкой подарок найдет. И нет здесь никаких педагогических фокусов. Просто каждый взрослый, направляясь в интернат, несет в себе частицу домашнего тепла тем, у кого нет отца и матери.

Зимой на субботу и воскресенье мы выезжаем в Межадор. Любимое "мероприятие" – приготовление пельменей. Человек сто садятся за стол, и тут же распределяются обязанности. Всем работы хватает? А если уж две-три бригады образуем, тут соревнование разгорается. Потом едят и хвастают, кто больше наготовил и у кого вкуснее. А пельмени получаются знатные! И видно, вкус их на всю жизнь в памяти остается. Вспоминаю, как один выпускник, часто приходивший к нам в интернат, каждый раз меня спрашивал: "А помните, как вы меня научили селедку чистить, чтобы ни одной косточки не оставалось? Я ведь до сих пор об этом всем рассказываю..."

Я радуюсь этому ощущению детьми своего дома, родства. “А ну-ка, Лидия Ивановна, подойдите сюда!” – такое обращение обычно в нашем интернате. Мы считаем, что нет в нем и намека на неуважение, наоборот – высшее выражение родства. Ведь нормально звучит дома: “А ну-ка, мама, иди сюда!” Ни одна мама не обидится на подобный тон, не обижаемся и мы. Никому и в голову не приходит заметить: “Что это ты меня так панибратски вызываешь из учительской?”

Мы зовем всех детей на “ты”. Говорят, есть какие-то инструкции, требующие обращаться к детям с VIII класса на “вы”. Представляю, как бы обиделись наши восьмиклассники, если бы нам вздумалось перейти на “вы”. “Торопов, почему вы не желаете есть рыбу?” Вот бы он, бедный, оторопел! Ведь не зовут же на “вы” своих детей родители, причем не зовут никогда, в любом возрасте. Не зовем и мы.

За 16 лет работы в интернате я никогда не видел радости у детей в связи с болезнью учителя.

Заболела у нас как-то в Межадоре руководительница кружка. Совестливая она у нас. Смотрит в окошко, ребята толпой стоят, ее ждут. Спустилась кое-как на первый этаж, а навстречу ей врач. Пульс посчитала – 150! Велела немедленно лечь в постель. Сама пошла к ребятам, сказала, что занятия кружка не будет, учительница заболела. Маленькие глазенками печально моргают, а 14-летняя Вера начала возмущаться: “Это куда же Католиков смотрит? До чего человека довели! Надо узнать: хоть раз путевку ей давали?”

Стоило мне появиться в лагере, как Вера бросилась ко мне с теми же упреками. И когда зимой мы отправили эту учительницу в крымский санаторий, Вера торжествовала.

Никогда не видел, чтобы учительница сама несла до своего класса стопку тетрадей или книг. Их у нее обязательно ребята перехватят на полдороге.

Наши дети очень любят “неофициальные” застолья. Пусть будет на столе что угодно, но только не в столовой, а в своем узком семейном кругу.

Как-то увлеклись в лагере рыбной ловлей, Я и не задумывался, куда девать "улов" – уж очень он был смехотворный, только кошек кормить такими рыбешками. А ребята так не думали. Начали их на нитки нанизывать и на забор развешивать. Только пропадают рыбки. Специальную засаду устроили и обнаружили: собаки съедают. Повесили на деревья – птицы склевали. Тогда кто-то из взрослых взял на себя руководство этим делом. Стали рыбу солить. Ребята все спрашивают: "Не готова еще?" Наконец-то просолилась одна литровая баночка. Притащили на берег хлеба из столовой, килограммов десять, но уж пир был – на всеобщую радость!

Наши дети не могут представить себе ни сегодняшнего дня, ни будущего без нас, без своей теперешней семьи.

Воспитательница как-то беседовала с шестиклассниками на тему "Давайте помечтаем". Она думала: ребята ей расскажут, кем они хотят стать, как устроят свою жизнь. А они заговорили совсем о другом.

Юра Шванев:

– Я вырасту и художником стану. Обязательно нарисую ваш портрет и подпишусь: Юрка Шванев.

Филиппов Валера:

– Когда идет дождь, человеку, как правило, бывает грустно. Вот в такой день я принесу вам много-много роз...

Вот такое состояние ребячьей души я и называю особой семейной психологией детей. Я не могу с полной уверенностью сказать, кто у нас в интернате хороший, кто плохой для детей, но все мы им — не чужие.

Недавно девятиклассники писали сочинение на тему: "Считаю ли я интернат своим домом?". Вот что написал один юноша:

"Я интернат считаю своим родным домом. Он меня выходил, обул, одел. В моем родном доме есть мои братья – я это дошколята. Я очень люблю ребят, которые помладше. Этот свой дом я считаю моим еще вот почему. Мы здесь живем, как дома, а воспитательница – наша родная мать. А раз это мой дом, то, если

плохое настроение, будь добр, не делай так, чтобы и другим было плохо, выйди и прогуляйся на улице...”

А одна из девушек пишет:

“Я здесь живу шесть лет. С первых дней я поняла, что встретила добрых людей, которые старались заменить нам отцов и матерей, отдавали самих себя, отрывали от своих дочерей и сыновей ту материнскую любовь, теплоту, которой нам не хватало и не хватает по сей день...”

Хорошо, что детям нравится в интернате, что хоть в какой-то степени он заменил им дом. Но это мало меня успокаивает. Я знаю, как тоскует сердце ребенка по своему дому. Мне не забыть, как бился в истерике мальчишка, который сбежал к матери, а она, открыв дверь, спросила удивленно! “Чего тебе здесь надо?” Самый хороший коллектив не может заменить ребенку родных по крови отца и мать. Поэтому я считаю себя вправе предостеречь родителей от утраты родного дитя, от потери духовной связи с ним, а значит, и от потери самих себя.

“Воспитание школьников”.-№ 3,1990.

Наш общий дом

Теперь, когда наша школа стала десятилетней, ребята выходят в самостоятельную жизнь более уверенными и готовыми к ней. Помню, с какой растерянностью покидали они интернат, когда он был восьмилетним. Хотя помню и то, как многие из них твердили: “Вот закончу восемь классов, вырвусь наконец из интерната. Пойду в ПТУ, вот где свобода! А в интернат и ногой не ступлю...” Однако я не помню ни одного, кто бы ушел и не вернулся. Свобода оказывалась для них мучительной и тягостной.

– Ну, пришел? Ты же говорил: “Скорей бы из интерната!”

– Дурак был, вот и говорил... Была бы у нас десятилетка, никуда бы не ушел...

И сейчас немало ребят 30 августа уходят от нас в ПТУ. А 31 вечером я объезжаю все ПТУ, чтобы посмотреть, как они устрои-

лись. Бывает, приедешь к ним, а они сидят на голых кроватях, комната пустая, радио нет, белья постельного нет, все прокурено.

– Ну что сидите-то?

– Вот сидим, разговариваем...

– Спать-то как будете без белья?

– Получить не успели, кастелянша ушла...

Ищу старшего воспитателя. Спрашиваю: "Как же кастелянша могла уйти, зная, что ребята белья не получили?" Отвечает: "А она у нас такая..." – "А почему же вы-то не побеспокоились?" – "А я думал, ребята сами догадаются..."

Вот так встречают иногда наших выпускников. Смотришь, а у ребят уже тоска в глазах. Вроде бы, свободу получили, а в глазах тоска. Нет уже ужина, любовно приготовленного поваром тетей Дусей, нет заботливого воспитателя, который не позволит лечь, пока не постираешь носки, нет того, кто скажет: "Спокойной ночи", нет даже радио, чтобы послушать тихую музыку на ночь.

Не все наши мальчишки выдерживают испытание вольницей. Некоторые, проучившись год-два в ПТУ, попали в тюрьмы. За драки, за кражи, за то, что не стерпели обиды и несправедливости. Я с болью в сердце все время думаю, как страдают и мучаются они там. А тут еще попался в "Известиях" фоторепортаж из колонии для несовершеннолетних преступников. Безысходность и тоска в глазах 15-летних мальчишек, все одинаковые, наголо постриженные, серые, в серых одеждах. А рядом, как из другого мира, директор колонии — женщина уверенная, хорошо одетая, с красивой прической. И все это великолепие на фоне жалких, униженных мальчишек. Страшно стало и за этого педагога, и за этих мальчишек.

Преступления подростков психологически не идут ни в какое сравнение с преступлениями взрослых. Одно из первых слов, произносимых ребенком, слово "сам". Он хочет сам познать окружающую его жизнь, сам утвердиться в ней, сам определять свои поступки. Это естественный процесс самоутверждения личности. Но взрослые часто убивают в ребенке это "сам", лишая •его тяги к самостоятельности. Мы, взрослые, сами вбиваем в его

сознание, что можно, что нельзя, что плохо, что хорошо, что опасно, что полезно. Но никакие наши запреты и наказы не способны подавить свойственное ребенку стремление к саморазвитию, к самостоятельному обретению своего места в жизни.

Мудрый французский философ Жан-Жак Руссо предупреждал, что становление личности подростка неизбежно идет методом проб и ошибок. Его воспитанник Эмиль разбил стекло в своей комнате, но учитель не стал его наказывать. Холодный ветер, проникающий сквозь разбитое окно, считал он, лучше всего научит мальчишку.

Нам же недосуг разбираться в силах, рождающихся в подростке от его стремления к саморазвитию. Легче сказать ему "нельзя!", "запрещаю!", чем разбираться в его психологических побуждениях. А подростку необходимо самоутвердиться не в противоборстве со взрослыми, а в настоящей, серьезной деятельности. Только в ней и ни в чем другом он получает толчок к саморазвитию, самовоспитанию. Если семья и школа не удовлетворяют его естественной потребности в настоящей деятельности, он будет искать ее где-то в другом месте, где у него будет дело. А рискованное или сомнительное оно, подросток часто не задумывается: ему нужно проявить и испытать себя, сдать экзамен на взрослость.

За совершенные преступления ребята попадают в колонии для несовершеннолетних преступников, которые мало чем отличаются от колоний для взрослых. Тот же строгий режим, та же одежда, та же трудовая повинность. И как остро ощущают они свою изоляцию от мира, который остался за забором с колючей проволокой!

Недавно получил я письмо от нашего выпускника, попавшего после ПТУ в заключение. Меня поразило, что он думает об интернате как о нравственной опоре, с которой связана единственная надежда на возрождение.

"Пишет Вам ваш бывший воспитанник. Сегодня прочитал статью в газете "Правда" "Из бездны сиротства". Я желаю Вам успехов на этом пути. Я Вам пишу из мест лишения свободы. Осужден по статье 144 ч 3. за кражу со взломом. Суд приговорил

меня к двум годам лишения свободы в ИТК общего режима. Вам, наверное, стыдно за меня, но не осуждайте меня. Может, это и к лучшему, что я осужден. Ведь только здесь я понял цену свободе и думаю, что в моей жизни таких ошибок больше не будет. Здесь я очень часто вспоминаю свой дом-интернат и наш лагерь. После окончания училища у меня была возможность поступить учиться в Ленинградский физкультурный институт, ведь в спорте я преуспевал, а вот в знаниях слаб, и побоялся поступать в институт. Но даже здесь я еще надеюсь на свою мечту стать учителем физкультуры и прийти работать в нашу школу...".

Среди воспитанников А. С. Макаренко были насильники, бандиты, воры, но они испытывали гордость, став строителями новой жизни. Они жили в энтузиазме трудовых будней, в мажорном стиле отношений с педагогами, которые не сомневались в их светлом будущем. Глубокие нравственные начала пронизывали их воспитание, и в первую очередь – вера в возможность исправления оступившихся детей, которые должны стать достойными гражданами нашей страны.

Но чаще всего, как мне кажется, сегодняшняя школа видит в исправительных детских учреждениях своего рода отдушину. Сюда можно скинуть все недочеты собственной работы. Не справились с учеником, не хочет ребенок учиться, не знаем, что с ним делать, пусть с помощью милиции, через инспекцию по делам несовершеннолетних отправляется в соответствующую колонию. Сбыли с рук, и слава Богу. И это вместо того, чтобы самоотверженно бороться за каждого ребенка, каким бы он ни был, как бы ни портил нашу нервную систему. В наших педагогических руках его судьба и его жизнь.

Редко я встречал ребят, которые после колонии стали полноценными гражданами. Клеймо бывшего преступника нередко, к сожалению, определяет судьбу оступившегося человека на всю жизнь.

Недавно ко мне обратилась мать восьмиклассника, которого школа решила определить в исправительную колонию. Не ходит в школу, не уважает учителей, но очень увлечен техникой. Мать замучали бесконечные жалобы учителей, и наконец, не выдер-

жав, она крепко выпорола своего великовозрастного сына. Тот не стерпел, ушел из дома, перестал вообще ходить в школу. Все время он проводил в гараже "Комистроя", помогал водителям ремонтировать машины, мыл их, выполнял любые поручения. Удалось этого подростка спасти от колонии. Сейчас парень учится в СПТУ в группе слесарей-водителей.

Одна из важных наших задач – гуманизировать правовые решения, повысить юридическую ответственность родителей и органов народного образования за воспитание детей. Нужно передать детские исправительные учреждения из подчинения МВД органам народного образования. Надо дифференцировать детские колонии по степени проступков: не могут содержаться в одной колонии уголовник-рецидивист и мальчик, который не слушался учительницы. Необходимо создать законодательную педагогическую систему предупредительных мер, ограждающих детей от совершения правовых преступлений. Нельзя губить их жизнь из-за нехватки времени на воспитание, из-за того, что мы не умеем организовать полезную деятельность, соответствующую их возрастным потребностям. Детям не место за решеткой!

Наши выпускники, получившие среднее образование, гораздо лучше подготовлены к жизни и нравственно, и физически, и социально, и психологически. Большая часть ребят с IX класса берут курс на вуз. Для нас это обстоятельство приобретает принципиально важное значение, так как раньше не все наши ребята могли осуществить свою мечту в профессиональном плане.

Была у нас Лена Майкова. Уж так хотела стать врачом! Теперь прислала мне письмо Елена Анатольевна Матвеева: "Смотрела в июле передачу из Останкино, показывала мужу и дочери, где мы жили, где купались, где играли. Слезы на глаза наворачивались! Я замужем. Муж – мастер на ГРЭС, дочь во II классе учится. Я работаю сменным мастером в банно-прачечном комбинате. Живем очень хорошо! А самое главное, что я человек трудолюбивый и научил меня этому наш интернат!"

Не сбылась мечта Лены, не стала она врачом. Но человек в ней состоялся, она счастлива. И это прекрасно!

Как учатся наши выпускники в вузах? Надо сказать, что на первых порах — неважно. И не оттого, что знаний недостает, а потому, что резко меняется стиль жизни. Никто о тебе не беспокоится, а главное – нет никакого контроля. Тебе дано право учиться – вот и учись. А самому заставить себя работать трудно, поэтому первый год вживания в новые условия оказывается для ребят непростым. Зато, когда они на ноябрьские праздники приезжают к нам в интернат, они с такой страстью агитируют наших старшеклассников хорошо учиться, что убеждают их лучше учителей.

Отношение к учению у всех 16 выпускников, ставших студентами за два последних года, ответственное. Правда, в первом семестре они сдают экзамены не без “троек”, но потом начинают быстро выправляться. Ко второму курсу они крепко стоят на “четверке”. Им и нельзя иначе. Они у нас люди с ярко выраженным чувством достоинства и не хотят быть хуже других. Кроме того, когда они приезжают в интернат, их окружает восторженная толпа малышей: “Неужели ты учишься в самой Москве?!” Тут никак нельзя терять престиж столичного студента.

Есть еще одна особенность у наших студентов: они активные общественники. В сельскохозяйственной академии им. К.Е.Тимирязева учатся Лариса Шаповалова, Катя и Таня Шевелевы. Все они – комсомольские и профсоюзные лидеры. Жизнерадостные, отзывчивые, деятельные. Как-то позвонил в комитет комсомола академии, попросил к телефону Ларису Шаповалову, так мне ее сразу нашли. Только на втором курсе учится девушка, а уже член комитета комсомола академии, и все ее там знают. Комсомольской работой занимаются и Люба Мезенцева в Кировском сельскохозяйственном институте, и Настя Сивергина в Калининградском институте рыбного хозяйства.

На лето наши студенты стараются вернуться в свой дом в Межадор. Пишут: “Так хочется летом побывать в лагере!” “Так в чем же дело? Приезжайте”,— отвечаю. Идет время, одни приезжают, другие нет. Почему? Оказывается, они уже свыклись с самостоятельной жизнью в институте, и им становится стыдно жить на всем готовом, их тяготит ощущение иждивенчества. Тут

я снова и снова убеждаюсь в правомерности такого положения, когда интернат оставляет за собой обязанность материально обеспечивать своих студентов. Нам приходится устраивать студентов на работу в лагере: техничками, нянечками, а парней – водителями, столярами, слесарями. Так они освобождаются от угрызений совести, но какой же это отдых?

После II курса ребята к нам приезжают реже. Начинают сказываться институтские связи, появляется желание провести отдых с товарищами, поехать в строительный отряд. А жаль! Нам лучше живется в лагере с нашими выпускниками.

Приходится думать и о будущем наших студентов. Через год несколько наших ребят заканчивают Тюменский медицинский институт. Очевидно, вернутся в Сыктывкар, так как все годы мечтают об этом. У многих появились семьи, дети. Уже теперь надо решать с советскими органами вопрос об их жилье, посылать запрос на них.

Пожалуй, самый оперативный вид связи с нашими выпускниками-парнями – их письма из армии. Часто пишут, и какие хорошие, умные письма! Вот одно из них:

“Пишет вам рядовой срочной службы Беспаликов Сергей. Шлю большой сердечный привет с Дальнего Востока, с полуострова Камчатка.

Вот и настало время, когда я должен отдать долг своей Родине. Я ни капли не жалею, что служба не обошла меня стороной. Как и все учащиеся нашей школы, я постараюсь достойно служить и с честью выполнить свой долг воина Вооруженных Сил СССР. Курс молодого бойца я уже прошел, по политической, тактической, строевой и физической подготовке у меня оценка “отлично”.

Что же представляет собой армия? Прежде всего – это школа мужества и отваги, высочайшей дисциплины.

В нашей части в связи с перестройкой происходят большие перемены. Сама перестройка в армии заключается в коренном укреплении воинской дисциплины и уставного порядка, обеспечении высокого уровня боевой и политической подготовки...

Завершая свое письмо, я хочу дать напутствие учащимся школы, особенно пацанам, которым предстоит еще пройти по пути солдата. Пусть готовятся к службе физически и морально.

На этом писать кончаю. Желаю вам и всему педагогическому коллективу в Новом, 1989 году счастья и радости, успехов в личной жизни и в жизни школы..."

Такие письма несут радость и гордость в наши сердца. Мы непременно читаем их перед строем воспитанников – ведь написаны они по существу их братьями и адресованы будущим защитникам Родины.

Первое время наши выпускники в армии скучают по своему дому. Мы стараемся облегчить их жизнь: побыстрее отвечаем на письма, ко всем праздникам шлем посылки с гостинцами.

Когда был издан плакат про наш интернат, мы послали по экземпляру всем нашим солдатам. Коля Бабенко написал: "Зачитал весь плакат до дыр, пересмотрел снимки, всех узнал. Как будто дома побывал..."

Один из наших парней очень категорично заявил, что, по его мнению, армия держится на интернатских ребятах. Они, как правило, самостоятельны и трудолюбивы. И у него есть на это основания. Недавно пришло благодарственное письмо от командования части, где служит Саша Брусиловский. Еще раньше благодарили за Колю Дуркина. А совсем недавно он и Толя Чупров приезжали в отпуск. Выросли ребята, стали здоровыми, сильными, подтянутыми, аккуратными. Наши ребята от них не отходят. Да и как отойдешь! Рассказывают о службе, силовые упражнения показывают. Провели занятия в спортивных секциях.

Роман Исаев тоже прислал письмо из армии. Он –старейшина целого рода Исаевых, у нас в интернате его брат и сестра остались. Пишет, что первую передачу из Останкина не видел, "был на службе", а вторую командир разрешил смотреть после отбоя. "Смотрел, и дрожь по телу шла. Ведь дом родной! Все в лица вглядывался: покажут ли Юру и Надю. А когда увидел их, уж так обрадовался!".

Пришла весточка от Миши Фомина. Родился он в деревне, сельскохозяйственное ПТУ окончил, работал в своем колхозе,

ушел в армию и будто пропал. Спрашиваю ребят, где наш Миша, никто не знает, но, вроде, на Дальнем Востоке служит. И вот прислал письмо, что передачу смотрел, смотрел и не узнавал. Уж очень многое за пять лет изменилось.

Пришло письмо и от Бори Н. из Ленинграда. Там он служил в армии, а теперь женился, семья у него хорошая, дочка родилась, жену любит и ее родственников тоже. Все благополучно у него.

А рос мальчиком тихим. Только страсть к футболу у него была необычайная. Услышит слово "футбол" и в любую погоду, усталый или нет,– все равно не удержишь,– мчится на футбольное поле.

Большая география у нашей переписки с выпускниками. Пишут нам теплые письма из Алма-Аты, Норильска, Архангельска, Хабаровска, Удмуртии, с Дальнего Востока. Даже удивительно, такая маленькая школа в Коми крае, а ее выпускники живут и служат по всей огромной стране, пишут письма и вспоминают только хорошее, что им дала школа-интернат.

Приходится беспокоиться о трудоустройстве наших ребят после службы в армии. Если есть жилье, то трудоустройство осуществляется легко и естественно. Но что делать, если жилья нет? Некоторых мы устраиваем в интернате. Вове Попову, когда он женился, выделили целый дом в Межадоре; Мише Мальцеву, когда он стал семейным, тоже дали квартиру в лагере. Отвоевали однокомнатную квартиру для Саши и Зои Макаровых. Но как устроить остальных? Ведь в Сыктывкаре крайне сложно с обеспечением жилплощадью.

В этом году пришлось крепко потрудиться, чтобы Лена Сивко после окончания СПТУ бытового обслуживания получила жилье. Кончила она училище, оставили ее работать в городе, а жилья нет. Мается, бедная, даже общежития не дают. Пошла в горисполком, говорят, откуда приехала, туда и возвращайся. А откуда она приехала? Ниоткуда. Началась ее жизнь в Доме ребенка, а потом девочка переходила из одного детского дома в другой, пока к нам в интернат не попала. Что же ей теперь ехать в деревню и заявлять, что она оттуда родом? И кому она там нужна? Почему же город, в котором она выросла, теперь отказывается от нее?

Ведь наши дети многое делают для города. И улицы чистят, и деревья белят, и цветы, кусты сажают. Мы внушаем детям, что Сыктывкар для них родной город. Почему же теперь Лена должна ехать куда глаза глядят?

Пришлось воевать с горисполкомом, и недавно получила Лена место в общежитии, а до этого жила полгода у подруги в доме, назначенном на снос, без прописки. Конечно, это не порядок!

Есть решение горисполкома о льготной очереди для сирот, а чиновники-исполнители, видите ли, не согласны, что сироте нужно жилье. Иногда дело доходит до абсурда. Парень-сирота получил в армии инвалидность, привезли его в Сыктывкар, положили в больницу. Подлечили. Выздоровел, а выписывать некуда – прописки нет, жилья нет, работы нет. Даже пенсию, что ему как инвалиду положило государство, получить не может. Три месяца бродил по больничным палатам, и никто ничего не делал. Как тут не воевать?

Радуюсь, когда выпускники женятся на наших же девушках. Хорошие семьи получаются! Это вполне естественно. Долго жили вместе, хорошо друг друга узнали. Пример замечательной семьи – Макаровы, Саша и Зоя. Я уже упоминал, что они у нас работают. Каждое дело в интернате их касается, каждого ребенка знают. Нравственно чистые, добрые люди. А сынок их, Александр Александрович, запросто заходит ко мне в кабинет: “Здорово, дед!”

Недавно женился у нас Вася Братенков. Сам небольшого роста и девочку Тоню из деревни Чухлома взял в жены, тоже маленькую, крепенькую. Как Тоня о Васе заботится, сердцем чует, что ласки он в детстве недополучил! Родился у них ребенок. Тут же в интернат явились показать, Вася гордо на руках несет сыночка, а Тоня рядом счастливая, глазами сияет. Ведь наследник родился! Часто наши выпускники своих первенцев в интернат несут.

У меня есть соображение относительно причин крепости семей наших выпускников. Всем им не хватало в интернате какой-то особой, “персональной” ласки. Было очень много коллективной доброты. Но каждому нужна отдельная ласка, чтобы именно

его любили больше всех. Это не эгоизм, это от нехватки семейного тепла. И когда они находят друга, понимающего их тоску по любви и ласке, они ценят и берегут свое счастье.

Меня часто спрашивают: “Бывает ли у вас в школе, что девочки рожают? Это ведь нынче не редкость. А у вас мальчики и девочки живут рядом...”

Мои ребята действительно живут рядом, но таких случаев не было. Если бы такое произошло, не знаю, как бы я поступил, пока не представляю себя в данной ситуации, но, наверное, как любой отец, позаботился бы о новорожденном.

Идут к нам выпускники со своими проблемами. Кто-то не может ребенка в детский сад устроить. Тут я всегда поддержку нахожу, в нашем гороно понимают, что у других бабушки, дедушки есть, а у наших чаще всего никого нет. Особенно когда двое интернатских сойдутся. Тут уж совсем надеяться не на кого.

Приходится мне вмешиваться и в служебные конфликты, устраивать на работу, кому-то звонить, куда-то ехать. Но еще раз хочу сказать, что наши взрослые выпускники – это наше счастье. Когда мы отмечали 30-летие интерната, собралось столько выпускников, что еле-еле втиснулись в наш зал. Но сколько благодарности, признательности высказали они своему дому, своим учителям и воспитателям!

В глубине души я жалею своих взрослых детей, хотя мы с учителями очень требовательны к ним. И я часто думаю: как они расценивают эту нашу требовательность? Сейчас, когда много ребят уже вышли в жизнь, я ясно вижу, что именно те, к кому мы были строже, оказались ближе к нам, они поняли нас.

Вот письмо от Саши Сажина. Я уже рассказывал о нем, как он, соорудив подкоп, отправил свой цветник в реку. Теперь он студент Тюменского медицинского института. Было время, бросил институт, женился, сын Никита у него родился. Пишет: “Наверное, ругали меня, что институт бросил. Но ведь я снова поступил, учусь, и честно признаюсь только Вам, что это мой Никитка заставил меня учиться. Теперь я учусь с большой радостью и понимаю, для чего мне надо учиться. Можно к Вам приехать летом? Только жена у меня стеснительная, побоится к Вам

подойти. А вот Никитка, тот не застесняется. Его точно Вам покажу..,".

Велико желание общественности видеть в школах-интернатах отживающее социальное явление, устремленное к прошлому, а не к будущему. Но так ли это на само, деле? Думаю, нет.

Школы-интернаты – не умирающие детские учреждения. Они могут измениться структурно, преобразуются психология их воспитанников, система педагогических влияний. Но не может пока исчезнуть сам институт школ-интернатов.

Ни в одном самом развитом обществе никто не может оградить конкретного человека от ошибок, бед и заблуждений. А на этих бедах вырастают беды детей, их сиротство, их одиночество и потребность в утраченной ласке. Я согласен: пусть таких детей будет как можно меньше, пусть большинство из них окажется под теплым крылом семейных детских домов. Но никогда и никакое общество не отторгнет от себя ребенка, нуждающегося в его опеке. Пусть же у каждого обиженного судьбой малыша будет дом, где ему возвратят детство.

"Воспитание школьника".- №4,1990.

Израненные души

Заметки директора школы-интерната
о нравственных корнях сиротства

Защита детей… Ставшее привычным сочетание слов. А часто ли мы задумываемся об их сути – от кого, собственно, нужно защищать детей? Кто покушается на счастье ребенка, не дает ему нормально расти, развиваться, сполна ощутить и пережить неповторимые, радостные годы детства? Как это ни противоестественно, их надо защищать и от людей, связанных с ними кровными узами, от людей, самых близких и любимых – от родителей, отцов и матерей.

Я давно сроднился с детьми-сиротами и не представляю без них своей жизни. Знаю, какая боль отторгла ребенка от его род-

ного дома и привела в школу-интернат. Понимаю, почему не находит покоя детское сердце, не знающее ласки матери. Мне нестерпимо больно видеть тоску в детских глазах. И я не могу смириться с тем, что, провозглашая социальную защищенность личности, мы продолжаем порождать такое моральное уродство, как сиротство детей при живых родителях.

Нам редко приходится видеть, как рвутся, казалось бы, нерасторжимые связи родителей со своими детьми. Что-то сокровенное и целомудренное уходит из души ребенка, когда ему становятся ненужными отец и мать. Он отторгает их от себя с болью и тоской. Сознание берет верх над чувствами, и взрослеющий ребенок вдруг прозревает, понимая, что родители, которых он так слепо обожал, не достойны ни любви его, ни привязанности. В страшном душевном надломе сокрушается детскость, и рождается человек, трезво осознающий, что нет у него ни отца, ни матери, будь они хоть трижды живы и здоровы.

Пришло недавно письмо в интернат от матери нашей девятиклассницы. Письмо из тюрьмы, где мать сидит восьмой год. Умоляет она разрешить ей свидание с дочерью:

«*Только вы мне можете помочь. У нас с дочкой нет близких родственников, много лет не виделись, живу только ее старыми фотографиями, но письма от нее приходят все реже и реже. Видно, дочка забывает меня, а это самое страшное. Скажите, зачем тогда жить, если будет потеряна последняя радость в жизни? Согласна, я сама виновница всех своих бед, но не судите строго, дайте возможность увидеть дочь. Если бы я могла, я бы встала перед вами на колени. Помогите! Не дайте потерять дочь! Не оборвите непрочную ниточку, еще связывающую нас... За годы, проведенные в местах лишения свободы, я научилась ценить многое, и с ужасом оглядываюсь на потери, сотворенные моими руками. А потеря дочери – это последняя капля моей ненужной жизни...*»

Вот такое письмо.

В интернате у нас правило: в подобных ситуациях все решают сами дети. Стали мы говорить с девочкой. Правда, с ней не очень-то разговоришься, молчаливая она, замкнутая. Прочитали

ей письмо. Сначала всхлипывала, потом слезы полились. Рыдая, кричала: «Не поеду! Не поеду к ней!»

А письма от матери все идут, начальник тюрьмы ее просьбу подтвердил, деньги на дорогу прислали. Пришлось вновь девочку потревожить. Тут она и рассказала о своей жизни до интерната.

...Жили они втроем: она с мамой и двоюродная сестричка трех лет. Как-то сестренка заболела, кричит навзрыд, спать никому не дает. Однажды мать вскочила ночью с кровати и так избила кричавшую девочку, что отбила ей почки. Кровью девочка изошла. Когда «скорая» приехала, было уже поздно...

– Я вначале ей писала, когда маленькая была. Думала, ведь мама-то одна у меня. А потом, чем взрослее становилась, тем чаще та страшная ночь перед глазами возникала и – мать, истязающая ребенка...

Больше мы девочку не уговаривали...

Мать в тюрьме – это особая проблема. Выйдет она на волю, и редко когда прикипит к ней снова израненная душа девочки или мальчика. Да и сама она – что сможет? Не у каждой хватает сил и терпения начать жизнь сначала. Сколько раз я видел, как горели глаза мальчишек от материнских писем: «Вот выйду из тюрьмы и сразу тебя возьму, родной сыночек!» Ждут дети не дождутся. А она вышла из тюрьмы и мимо интерната пролетела. Там, глядишь, у нее уже новый муж, новые дети, и первый, родной сыночек, ни ей, ни новому сожителю ни к чему.

Помню, узнали, вышла из тюрьмы одна мать, что обещала мальчика сразу же забрать. Нарядили мы его, «приданое» с собой дали и к матери проводили. А она дверь открыла и: «Тебе кого, мальчик?..» И врачуем мы его, годами в чувство приводим от нового потрясения. Как был он сиротой, так и остался.

Меня часто спрашивают: какое наказание несут родители, бросившие своих детей? Проблема неоднозначная, и, пожалуй, больше для юристов. Выскажу свое мнение: по существу никакого.

Казалось бы, ну не нужен тебе ребенок, откажись от него, не мешай порядочным людям, которые с радостью возьмут ни воспитание сироту. Таких людей – великое множество. Вы не пред-

ставляете, сколько писем я получаю с немыслимой тоской по ребенку. Умоляют бездетные супруги, родители, потерявшие детей, пожилые люди, оставшиеся одинокими, и те, кто не дождался своих сыновей из Афганистана. Сжимая сердце в кулак, я отвечаю им юридическими отписками, что нельзя отдавать даже самым порядочным людям без разрешения родственников. А эти так называемые родители, которые свой родительский долг сочли исчерпанным с момента появления на свет ребенка, которые понятия не имеют, каково живется мальчику в интернате, что он ест, что пьет, как одет, обут, здоров ли, – они зачастую не дают согласия на усыновление или удочерение. Пусть сидит в государственном учреждении, на казенных харчах, авось потом, на старости лет, пригодится, приютит…

Я припомню только два более-менее благополучных случая удочерения. И то в обоих случаях они нелегко достались новым родителям.

Маленькую первоклассницу взяла преподавательница медицинского института. Перед этим она долго жила в нашем лагере, присматривалась к девочке, всячески приучала ее к себе. В Москву они уехали вместе. Женщина знала, что у девочки врожденный порок сердца, и это не остановило ее. Несколько лет она боролась за ее здоровье, показала сотням врачей, девочка перенесла несколько операций. В общей беде они сроднились, обрели счастье, да продлится это вновь обретенное счастье матери и дочери до конца их жизни.

С немалыми нервными потрясениями сложилась судьба еще одной семьи. Вместе с переводчиком приехали в интернат из южной республики муж и жена. Оба – педагоги, директора школ. 20 лет они ждали ребенка и не дождались. Больше надежд не осталось. Я помог им удочерить девочку, у которой в личном деле не значилось ни родных, ни близких. Оформили все по закону и увезли ребенка. Вскоре получил я от всех троих благодарственное письмо: девочка быстро овладела местным языком, стала отличницей в школе, обнаружила хорошие музыкальные способности, родители купили ей рояль… Все складывалось великолепно и для супругов, и для их дочки. И вдруг, откуда ни возьмись,

объявляется мать с требованием вернуть ей дочь. Уже восемь сроков она умудрилась отсидеть в тюрьмах и в промежутках между ними никогда не испытывала желание найти свою дочь. Правда, успела за это время семерых детей раскидать по разным интернатам страны. Теперь – вынь и подай ей дочь!. Трудно определить, как она узнала, кто удочерил ее ребенка, но, видно, решила использовать это событие не без пользы для себя. Подала в суд. Каждую ночь мне звонили убитые горем родители и уже без всякого переводчика твердили по-русски: «Мы умрем, если у нас ее отнимут!» Гуманно и справедливо поступили судьи, когда, с пристрастием разобравшись в деле, оставили девочку новым родителям.

Вот так с невероятными сложностями сталкиваются порядочные люди, чтобы вырвать ребенка из бездны сиротства.

А это письмо так ошеломило меня, что я не знал, что отвечать и что думать по этому поводу: «*Если дают детей на воспитание бабушкам (мне 53 года), то помогите. Может, устроит кого-нибудь из детей деревенская жизнь? У нас есть коми школа-десятилетка, есть спортшкола, хорошо организовано трудовое обучение. На нашем приусадебном участке выращиваем овощи. Я вам не решалась написать. Боялась, в деревне узнают. Ведь проходу не будет. Засмеют*»…

Что же это получается? В каком обществе мы живем? Напиться в праздники до потери пульса – это в порядке вещей. Украсть мешок колхозного добра – нет ничего особенного. А взять на воспитание сироту, пригреть, обласкать – тут все соседи со смеху покатятся. Стыдно и горько писать об этом, но видно, в пьянках да в бескультурье испаряются исконные добрые чувства к обездоленному ребенку.

И это еще не самое страшное зло для ребенка. Сколько непоправимых бед приносит детям легковесное вступление в брак молодых людей. Сошлись вроде бы по любви, родился ребенок, и не успели еще как следует притереться друг к другу, как амбиции начинают брать вверх над долгом. Не поделили какого-нибудь пустяка, не договорились, кто будет квартиру убирать, кто будет картошку чистить, и, глядишь, помчались заявление о разводе

подавать. О себе, о своих удобствах и неудобствах позаботились, только ребенка начисто забыли. Десятки тысяч ежегодно теряют отца или мать, а полусироты – это тоже сирота.

И еще одна беда обрушилась сегодня на детей – национальная рознь и вражда! Льется кровь, кровь людей, ставших жертвами национальных притязаний. Ни в чем не повинные дети навсегда лишаются отцов и матерей. Плач и стоны детей стоят над Арменией, Азербайджаном, Киргизией, Ферганой... Снова бессмысленные жертвы, снова обездоленные дети, которых не обогреет ни один детский дом в мире? Неужели жалость к детям, порождениям собственной плоти, не способна остановить бессмысленное кровопролитие, не сделает людей терпимее к своим согражданам, у которых тоже есть дети?

Когда меня спрашивают, в чем нравственные корни сиротства, я отвечаю: только в безнравственности!

И пока безнравственность существует, я продолжаю жить и работать в окружении трехсот сирот, у большинства из которых есть родители. Дети-сироты – моя боль и радость.

«Литературная Россия».-№24,1990.

«Ты к кому, мальчик?» –

открыла мать двери сыну и не узнала его

Уже много лет я работаю с детьми-сиротами и, казалось бы, проблема семьи должна обходить меня стороной. Но это не так. Боль и тревоги семьи, нынешние сотрясения ее устоев я ощущаю постоянно.

На днях заходит ко мне в кабинет молодая цветущая женщина, высокая, спортивная, пышущая здоровьем и вдруг, залившись потоком слез, просит забрать в интернат ее сына-пятиклассника.

– Вы что, мать-одиночка?

– Нет, у меня муж и двое детей.

– На каком же основании вы хотите отдать сына в интернат?

– Он не слушается и плохо учится.

– Так вы займитесь им вплотную. Можно и работу на время

оставить, чтобы ребенка спасти.

– Нет, я не хочу работу бросать, у меня должность выгодная.

– Тогда пусть ваш муж...

– Что вы! – перебивает, не дослушав. – Он не может! Он в кооперативе работает... Мы привыкли жить обеспеченно...

Бедные дети! Одни из-за материальных трудностей не желают "плодить нищету". Для других ребенок превращается в досадную помеху на пути к деньгам и служебному успеху. Растет и растет число детей, которые не нужны учителю, не нужны руководителям секций и клубов, а теперь – о, боже! – не нужны даже вполне преуспевающей матери.

Когда-то бывало утверждение, что родительская любовь стала горяча, что может сжечь собственное чадо. Не остывает ли ныне это неугасимое пламя родительской любви? И наш интернат – живое тому свидетельство. Из 240 детей только шестеро – сироты. Все остальные – "кукушкины дети", брошенные родителями, потому что им в тягость или у них другие "интересы", уводящие их в места не столь отдаленные. Порой живут эти горе-родители на одной улице с нами, ходят мимо интерната и конфетку не догадаются принести тому, кого на свет произвели. Нам приходится иногда знакомить детей с забывшими их матерями и отцами.

Есть у меня шестиклассник, хулиган и ярый иждивенец, пренебрегающий трудом и не ценящий наших забот. Повез я его в Сторожевск к родным папе и маме. Приехали. Родители уже развелись. Зашли к отцу, сел он на кровать, а против него на диване уселся сын. Смотрят друг на друга, и слова сказать им не о чем. Пришли к матери, у той уже двое детей от нового мужа, и не нужен ей старший сын, даже на каникулы не позвала.

Так и маются ребятишки. То ли сироты, то ли нет. То ли им полагаются сиротские льготы, то ли нет. Окончат школу – никто им помогать не обязан: родители есть, а между тем – нет у них ни кола, ни двора.

Кончает у меня нынче школу добрый, скромный парень. Учился хорошо, в университет собирается. Но где жить будет? Год ему был, когда мать "временно" сдала его в дом малютки.

Так “временно” он и живет уже восемнадцать лет в государственных учреждениях. Стали принадлежащую ему с матерью жилплощадь искать. Квартиру мать сменила на комнату, а деньги пропила. На тех же условиях обменяла комнату на каморку в общежитии, а теперь вообще исчезла в неизвестном направлении. Как парню претендовать на общежитие в Сыктывкарском университете, если за ним числится жилплощадь в городе?

Тоскуют мои ребятишки по папам и мамам. Один крошечный мальчуган из интерната убежал, откуда-то узнал, где его мать живёт. Приехал он к ней, а она открыла дверь и удивилась: “Ты к кому, мальчик?..” Боря Н. тоже узнал случайно, где его мать проживает. Собрали мы его в дорогу, нарядили, гостинцев с собой дали, и уехал он к ней. Разрешили ему на три дня отлучиться. Только глядим, вечером того же дня крадется он тайком в свою спальню. Оказалось, застал он мать в пьяном беспамятстве в окружении нескольких таких же пьяных мужиков, посидел в грязной комнате, посмотрел и поехал назад. Говорит: ”Не было у меня матери и не будет никогда”.

Обиды на родителей рвут сердца детей, Чем старше они становятся, тем больше осознают безнравственность тех, кто их породил, тем болезненней ощущает свое горе.

– Не могу забыть ту ночь, – сказала. И не поехала.

У многих моих воспитанников-сирот есть родственники. но чаще всего они служат для меня «средством устрашения». Стоит мне пригрозить: «Отправлю к тетке», так тут же успокаиваются многие мои бунтари. Сразу должен оговориться, что вовсе не считаю, что совсем вымерли родственники, способные взять на воспитание оставшегося без родителей ребенка. Например, у Альбины Егоровны Артеевой своих детей четверо, а она взяла к себе еще и трех осиротевших племянниц. Живут девять человек на 47 метрах, но как бы ни было ей тяжело, ни в какую не хочет отдать детей в интернат это добрая коми женщина, живущая на зарплату уборщицы.

Ну, а о тех, кто служит «средством устрашения», я не могу сказать доброго слова. Именно эти так называемые родственники. которые наплевательски относятся к своим маленьким роди-

чам, сиротам, как будто сговорившись, не дают права на усыновление или удочерение. Они понятия не имеют, каково живется ребенку в интернате, что он ест, что пьет, как одет, обут, здоров ли, но зачем рисковать? Кто знает, в какую семью попадет ребенок, а ведь ответственность придется нести за свое согласие. Пусть уж сидят на казенных харчах…

Когда меня спрашивают, в чем корни сиротства, я отвечаю одно – они в безнравственности. Нередко у меня появляется странное ощущение, что и дети из семей, которые мы привыкли считать благополучными, постепенно превращаются в полусирот. Мы живем сиюминутными бытовыми устремлениями. Чем накормить сегодня, завтра? В чем ребенок пойдет в школу? Где взять деньги на новые ботинки? Мы превращаемся в роботов-добытчиков, мы неинтересны собственным детям.

Как-то с умилением я слушал в автобусе совсем неординарный разговор двух подруг:

– Чего это ты, матушка, в тридцать пять лет решила горными лыжами заняться?

– Хочу быть интересной своим детям…

Очевидно, эта мать своего рода раритет. Бездуховность семейных отношений и общения, злость и нервные стрессы, срываемые на ребятишек, все это отторгает от нас собственных детей, которые начинают удовлетворяться внесемейными ценностями. Уличные компании, сомнительные развлечения, откровенная спекуляция затягивают подростков необычайно цепко. Их семейные обязанности снижаются до нуля, ведь родители компенсируют собственные недостатки воспитания освобождением от домашнего труда, усугубляя тем самым недостатки воспитания нравственного. Если прежде мы упрекали семью за подмену воспитания лишь одним присмотром, то теперь все явственней ощущается отсутствие присмотра за детьми, чреватое нередко самыми тяжкими последствиями.

Я не осуждаю семью, я жалею ее и сочувствую ей, понимая, как гибелен для всех нас неустроенный, неуправляемый быт. Но еще больше я жалею детей: в больной семье им не сохранить здоровье, не выпрямиться…

«Красное знамя», 1992.- 23 декабр.

II
«Я за радостный коллективный труд»

Знания – убеждения – действия

Для формирования активной жизненной позиции школьников даже хорошо поставленного политического образования оказывается явно не достаточно. Идея политического просвещения должна быть нерасторжимо связана с практическим претворением в жизнь усвоенных знаний – к убеждениям, от убеждений – к действиям. Бывает иной раз стыдно, когда старшеклассники, на словах все правильно понимающие, оказываются совершенно беспомощными в практических делах, необходимых нашему обществу.

Все мы знаем, как остро стоит нынче проблема животноводства. Совхозы собственными силами не могут летом заготавливать нужное количество кормов: не хватает рабочих рук. Вот бы где старшеклассникам закрепить, проверить на деле свои знания, убеждения. Если бы не 25-30 старшеклассников-энтузиастов городской школы выезжали летом в совхозы на заготовку кормов, а все, то это значительно облегчило бы положение шефствующих предприятий, которые вынуждены отрывать тысячи от станков, со строительных площадок, направляя их на сельскохозяйственные работы. Думаю, что эта помощь ощутимо сказалась бы на выполнении наших народнохозяйственных планов. И самим ребятам сослужила бы хорошую службу. Не там ли, на совхозных полях, в коллективном труде, вместе со взрослыми, мужать и крепнуть идейной, социальной закалке наших старшеклассников.

В эти зимние месяцы газета «Красное знамя» не раз сообщала о трудностях в зимовке скота. Нужны хвойные лапки. Вот хорошее практическое дело для нашей республики. Почему бы обкому комсомола, к примеру, не объявить ударные месячники по заготовке лапок среди городских пионерских и комсомольских организаций? Почему наши дети не могут в воскресенье встать

на лыжи и вместе с работниками лесхозов и совхозов выйти в лес?

Мы привыкли жаловаться, что зимой, мол, нет трудовых дел для детей: металлолом под снегом, макулатуру не принимают. А разве не злободневка зимой, скажем, проблема уборки городских улиц, тротуаров, проездов? Мы стараемся привить к детям любовь к родному городу, рассказываем, как жители борются за город образцового порядка, но нам и в голову не приходит, что лучшее средство воспитать наших ребят патриотами родного города, села – это их личное участие в обновлении, благоустройстве. Много лет работая с детьми, каждый раз по новому радуюсь, видя их воодушевление, их творческое напряжение и рост их творческих начал в коллективном самостоятельном труде. Меня часто спрашивают, в чем секрет успешной работы интерната по трудовому воспитанию детей. А секрета никакого нет. Все дело в систематической организации труда, в тесном единстве его с идейно-политическим и нравственным воспитанием. Трудовые дела школьников мы связываем с общим трудовым настроением страны, республики, города. Например, прошлым летом наша ученическая производственная бригада вырастила около 1300 центнеров картофеля и овощей, что почти полностью обеспечило воспитанников интерната необходимыми овощами на весь учебный год и позволило часть урожая продать государству.

Я против детского труда, который в ущерб отдыху. Я за радостный коллективный труд, не лишенный романтического ореола, связанный с полезными общественными делами, с высокоидейным политическим просвещением, с воспитанием любви к нашей кормилице – земле. К Ролине.

«Красное знамя», 3 марта 1982г.

Привычка к труду благородная...

– Александр Александрович, мне не раз приходилось бывать и в вашей школе, и в известном на всю республику интернатском лагере «Дружба», что в Межадоре, слышала и выступления Ва-

ши на разного рода учительских собраниях и конференциях. И всякий раз убеждалась, что словом и делом Вы утверждаете свое педагогическое кредо: воспитание есть организация деятельности коллектива. А основой деятельности школьника считаете деятельность трудовую.

– Да, я убежден, что научить ребенка трудиться невозможно без его непосредственного участия в труде. Было бы слишком узко и примитивно понимать эту задачу как привитие элементарных навыков: мальчишка должен уметь забить гвоздь или расколоть полено дров, девочка – приготовить обед, починить одежду. Это, конечно, тоже полезно уметь. Но главное – устойчивая потребность трудиться, понимание значимости труда и личной ответственности за результаты, качество своих трудовых усилий.

Вот скажите, могло бы государство обойтись без тех тонн редиса, капусты, картофеля, которые собраны ребятами на наших полях?

– Думаю, что интернат без овощей не остался бы...

Естественно. Забота, которая проявляется в нашей стране о детях, огромна. Но почему они должны быть только потребителями благ, которыми их осыпают взрослые? Блага эти – не манна небесная. Они трудом создаются. Знают это дети? На словах – да, сколько угодно приведут высказываний, пословиц и поговорок о значении труда. А вот на деле эти знания не всегда становятся убеждениями, потому что от самого труда мы их оберегаем. А в итоге – от жизни оберегаем. Наработаются, мол, еще. Да какие же из них получатся работники, если привычка к труду не воспитана! Личность активную, деятельную в безделье не воспитаешь.

Мои ребята абсолютно уверены, что их труд необходим. И правильно. Если они обеспечили себя и морковкой, и капустой, и грибами на зиму, значит, больше этих продуктов поступит в магазины, значит, они, пусть невозможно, совсем чуть-чуть, но помогли в осуществлении Продовольственной программы, приобщились к «взрослым» делам и заботам.

Во мне с детства живет радость коллективного труда. Учился я в 10-й новосибирской школе. Своими руками мы построили для себя учебный механический цех, гараж, стадион. Помню, с какой

охотой мы, семеро девятиклассников, взяли на себя ремонт целого этажа школы – штукатурили, малярили, красили, окна стеклили. Все – сами. И радовались...

Летом наши ребята работали не только на своих лагерных полях, но и на лугах совхоза «Межадорский». За две недели 132 тонны сена заготовили. 300 человек выходили в поле. Малыши палками сено ворошат. Те, что постарше, в копны его собирают. Ребята повзрослее и посильнее стогуют, возят. А потом садимся все вместе и пьем чай с конфетами. Кажется, и приустали. Но набежала туча, и ребята побросали кружки с чаем, бутерброды и конфеты, помчались укрывать сено от дождя... И такое ощущение, что это – семья и праздник труда.

Да что я все о своих да о своих. Вроде как хвастаюсь. Вот нынешним летом встречались с первым секретарем Сысольского райкома партии А.Т.Гончаровым. И рассказал он, как в страду, когда трудно было, когда рабочих рук не хватало, попросил он о помощи учащихся Визингской средней школы. Беспокоился: придут ли ребята? Сам на поле рано собрался, а ребята его опередили, да как азартно, как весело работали...

– Когда речь идет о трудовом воспитании сельских школьников, здесь все естественно: они и дома, и в поле помощники. А городские школы? Ведь из сыктывкарских, например, только ваша имеет стационарный лагерь. Да и в интернате к каждому няньку не приставишь... Тут хочешь – не хочешь самостоятельным станешь.

Но вот письмо в редакцию Н. Смердовой. Живет она в Сыктывкаре, в благоустроенной квартире, есть бабушка. Женщина пишет: «В нашей семье растет дочка. Учится в седьмом классе. Понимая, что важно с первых шагов приучать ребенка к труду, мы просим ее сделать что-то по дому. Но она уже большая и видит, что без ее помощи мы прекрасно обходимся. Бабушка ходила в магазин, но «забыла» о хлебе или соли, а выстирав белье, я опять же «забыла» про ее колготки... Мы выдумываем ей работу, и она это чувствует». Что Вы, Александр, Александрович, ответили бы этой маме?

– Что она – хорошая мама. Что не надо ничего выдумывать. Что в каждой семье у ребенка должен быть круг постоянных обязанностей. Что организация трудовой деятельности школьника – обязанность и школы. А чтобы не было искусственного «выдумывания», надо идти от жизни. Разве городским ребятам не к чему приложить руки свои? Посмотрите, во что после оттепели превращаются наши улицы? Сплошная ледяная корка. Разве не могут на полчаса выйти после уроков ребята на улицу, ту, где их школа, и очистить асфальт, песком посыпать? Для моих, например, это само собой разумеющееся дело. Они меня измучили: «Дайте известь, побелим обочины пешеходных дорожек». Да ведь дожди же идут, говорю им, завтра все смоют. А они свое: «Пусть хоть один день да красивой улица будет. Завтра снова побелим...»

Разве не с воспитания любви к дому, улице, на которой живешь, к городу своему начинается чувство Родины? И просто диву даешься, когда сталкиваешься с непониманием этого. Когда же это непонимание исходит от учителей, иначе как педагогической неграмотностью это назвать не могу.

Вот совсем недавно я, как депутат, столкнулся с таким фактом. Новый район города – «Орбита» – пока не очень благоустроенный, не очень зеленый. Кто должен о наряде его позаботиться? Я считаю – школа №26, 1600 учащихся! Это же огромная сила. Депутатская группа позаботилась о машинах, инвентаре (в самой школе семь лопат насчитали), саженцах. А ребята поработали немного и разбежались. Ну, как же так, спрашиваю директора, ведь техника, которую мы с других участков оторвали, простояла без дела. А в ответ услышал: «Мы не обязаны». Так кто же обязан? Кто, кроме нас, наш город красивым сделает? Неужели для этого надо взрослых от работы отрывать, субботники организовывать? И организуем: папы и мамы деревья сажают, а их дети эти деревья ломают. А вот если бы эти деревья они сами вырастили, ломать-то было бы жалко. Посмотрите, сколько людей отрывают от производства сезонные сельскохозяйственные работы. Ну, а почему вместо папы, к примеру, рабочего СМЗ, в пригородный совхоз не может приехать его сын, старшеклассник 35-й

школы, над которой этот завод шефствует? Трудно, непосильно? Не верю. Знаете, кто у нас стал чемпионом на уборке картофеля? Четвероклассник Женя Попов. Сколько радости у мальчишки было, когда его победителем величали. Спрашиваем, чем же тебя, Женька, наградить за отличную работу, чего тебе очень-очень хочется? Долго думал, и выдохнул: «пистолет...»

– Александр Александрович, не кажется Вам,_что, говоря о трудовом воспитании, мы разрываем понятия труд и учеба? Разве учеба – это не труд? Давайте обратимся к В.Сухомлинскому: «Страшная это опасность – безделье за партой, безделье шесть часов ежедневно... И ни школьная бригада, ни школьный участок, ни мастерская – ничто не может возместить того, что упущено в самой главной сфере, где человек должен быть тружеником – в сфере мысли»...

– Когда я ратую за трудовое воспитание, это вовсе не означает, что сбрасываю со счетов остальные аспекты учебно-воспитательного процесса. Они все взаимосвязаны. Обучение – это часть общего дела воспитания человека. И оно тоже должно быть деятельно. Здесь все зависит от хорошего урока, хорошего учителя. Чему бы он не учил – истории, литературе, математике – он самим процессом учебы воспитывает трудолюбие, отношение к делу – кропотливость, настойчивость, целеустремленность.

Попробую доказать это на опыте учителей своей школы. Когда ведет урок Галина Михайловна Медведева, мне кажется, что нет науки интересней математики. На ее занятиях все трудятся, потому что она умеет дать работу, посильную каждому. Крепкий ученик на магнитофон ответ наговаривает, средний у доски голову над задачей ломает, а около слабого она сама задержится, готова помочь.

Преподаватель биологии Людмила Михайловна Дымова другим берет. Она свой урок, каждую тему его обязательно увязывает с практикой, жизнью, с опытнической работой, которую летом дети проводили. Вы бы слышали, какой доклад семиклассница Света Гумбина сделала о влиянии минеральных удобрений на рост свеклы.

Конечно, далеко не каждый учитель может провести такой урок. Но именно на это направлены усилия педагогического коллектива. Работа большая ведется, и отдачу ее мы уже сегодня чувствуем. Да и не только мы. Побывав на одном из уроков Г.М.Медведевой, инспектор гороно сказала: «А ты еще уверяешь, что в школе много «трудных».

– А их, действительно, много?

Школа-интернат нашего типа отличается от обычной. Здесь живут и учатся дети, у большинства которых сложные, трудные судьбы. Учителям, воспитателям не легко здесь работать. Здесь мало просто вести урок, организовывать какое-то мероприятие. Нужно быть все время с детьми. Как дома, как в семье. Другой-то семьи у нас нет.

Еще когда я в Московском педагогическом институте учился, была там секция «макаренковедов». Встречались мы с В.Н.Терским, которого А.С.Макаренко называл "зажигалкой" во всех делах колонии, с воспитанником Антона Семеновича С.А.Колобалиным, прототипом одного из главных действующих лиц «Педагогической поэмы». Позднее я бывал в Егорьевском детском доме, которым Семен Афанасьевич руководил. И чем он меня поразил? Стилем домашним. Вот и мне очень хочется, чтоб наш интернат для каждого из его воспитанников стал родным домом. Чтоб тянуло его сюда, как в отчий, родительский дом. А потому радуюсь, когда приходят выпускники к своим воспитателям Ие Алексеевне Денисовой, Зое Николаевне Мальцевой... Чаепитие устраивается, разговорам конца нет. И так это доверительно, так по-домашнему тепло...

– Александр Александрович, обычная школа берет себе в союзники родителей. Вам на их помощь рассчитывать не приходится. Кого же Вы берете себе в союзники?

– Шефов. Их у нас много. И я считаю – пусть будет еще больше. Дело не только в том, что шефы материально нам помогают. Они с ребятами дружат, они их любят, знают, дни рождения их помнят, на внимание не скупятся, с трудоустройством помогают.

Многие наши выпускники крепко на ногах стоят. На предприятиях, где работают, ими довольны. А что для учителя радостнее этого?

Беседу вела ***Л.Зыль***

«Красное знамя».- 4 декабря, 1982г.

Из выступления в студии Останкино 2 августа 1987 г.

Когда мне пришлось принимать школу, у нас рухнуло все, бывает так. Момент был очень тяжелый, и весь коллектив, педагогический и ребячий, сплотился тогда. Всех малышей отдали в другие детские дома, а сами, разбившись на бригады, два месяца готовили школу и открыли ее после ноябрьских праздников.

Очень был тяжелый труд. Жили в одном месте, учились в другом, а работали и утром, и днем, и вечером на ремонте. Но зато с тех пор у нас принцип организации трудовых дел по трудовым бригадам – основной.

* * *

Я всегда считал, что труд все-таки от слова трудно! И когда меня спрашивают: « Как вы прививаете любовь к труду?», я говорю: «Мы не любовь к труду воспитываем, а воспитываем потребность к труду и обязательно привычку к работе, как основу будущего счастья нашего ребенка».

А работу стараемся придумать интересную, труд должен быть увлекательный, украшающий нашу жизнь.

Начали мы с того, что открыли огромное учебное хозяйство. У нас 750 гектаров земли заказника, тридцать гектаров пропашных, 30 гектаров центральной территории, где находится наша дача (я не люблю слово лагерь, у вас ведь дома дача, и у нас дача), добрых два гектара заняты цветами, там идет опытническая работа. Для своих малышей мы организовали колхоз «Малышок». У них есть свои животные, отдельно грядки, где они возятся.

В шесть утра идешь по территории, директорский подъем ведь раньше детского, смотрит – вот такой малышок тащит ведерко.

– Ты что, куда идешь? Все спят еще.

– А я должен ослика покормить... А я должен курочек покормить.

Значит, набрал уже пищевые отходы, идет кормить. Воспитатель спит, вожатый спит, а он уже всех животных покормил, погладил, приласкал и хлев убирает до подъема.

Дача у нас на песчаном месте на реке Малая Визинга. Внизу флотилия, пристань. Одиннадцать тракторов, и каждое утро на совете бригадиров идет самая настоящая драка за тракторы, их у нас не хватает. Кому-то рассаду везти, кому-то поле дисковать, кому-то что-то надо все время делать.

Озлобленный комочек, который мы получили из дошкольного детского дома, надо оттаивать. Как? Постоянным общением с землей, с животными. Мы устраиваем для школьников праздник, который называется «Первая морковка». Когда на поле вырастает первая тоненькая, еще дохленькая, морковка, ее надо прореживать. В этот день старшие ребята везут на поле ведра с водой, ставят между грядок. Наши малыши вырывают первую морковку, моют и едят.

Есть у нас помидорная теплица. Пять лет назад мы решили целиком обеспечивать себя овощами и картофелем. И вот уже три года мы не только себя обеспечиваем, но и излишки продаем нашему городу. Наш урожай идет нарасхват. Уже в августе везем раннюю картошку. Мы ее выкапываем рано, в шесть часов утра. Помоем, в красивые ящички уложим и первую проходящую мимо машину останавливаем – попутный груз до Сыктывкара.

И любой магазин согласен взять наш картофель, у них очередь стоит, люди ждут, когда из интерната привезут картофель. И продаем сорок тонн картофеля за год. Мы же видим, как в торговле продают – все немытое, полугнилое. Но почему нам не сделать иначе – по-советски? Мы же детей воспитываем! Как мы можем грязную картошку с поля отправлять в магазин? Они же потом вырастут и скажут: «Халтурщики».

Рассаду помидоров (около тридцати сортов), мы сначала решили на рынке продавать, договорились, киоск отдельный взяли, вывеску повесили. А люди узнали о том, что мы будем продавать, и не успела машина к школе подойти, появились первые покупатели и через полчаса мы все продали. Так на рынок в этом году и не выехали.

Как мы деньги тратим? У нас был такой случай. Паренек наш Саша Сажин отслужил армию, вернулся на первый курс Тюменского медицинского института. Приехал к нам сразу после демобилизации в солдатской форме. Надежды на помощь от родственников у него нет. Что делать, ведь студент института? Х/б штанишки и ботинки за пять рублей ему не дашь, как первокласснику. Одели парня за 870 рублей. Правда, да, не совсем законно.

Воспитание испытанием

– Как я отношусь к словам «Все лучшее детям»? – переспросил А. Католиков, директор Сыктывкарской школы-интерната № 1. – Отрицательно отношусь. Взрослые бездумно затвердили этот лозунг, понимая под ним свою обязанность, устроить детям сытую и беззаботную жизнь. И устраивают. А те очень неплохо живут за нашей спиной. Зачем им теперь наши проблемы, когда у них свои? Нелегко же быть молодым...

Это говорит директор детского дома, где в жилых комнатах, холлах – телевизоры, радиолы, современная мебель. Питомцев интерната не отличить на улице от домашних детей, потому что одинаковой детдомовской «униформы» они не носят. Спросите у здешних ребят, любой скажет, что к материальной стороне жизни у него особых претензий нет. Недавно даже перечислили 10 тысяч рублей, самостоятельно заработанных, в Советский детский фонд.

– Что-то тут не сходится в рассуждениях, Александр Александрович...

– Вы не заметили: деньги наши – самостоятельно заработанные, – объясняет директор. – И все блага, которые мы тут имеет – тоже. Когда гости видят эти телевизоры, то обычно говорят: мол,

вам хорошо, вам все дали... Да ничего сверх общей нормы нам не давали. В 1973-м году, когда я только пришел в интернат, здание имело такой вид, что пришлось начинать с капитального ремонта. С тех пор мы каждый год что-то строим. Зато у нас теперь есть все, даже своя летняя дача. Свой огород завели. Сначала брали в руки лопаты – и вперед. Потом лошадь купили. Потом трактор. Излишки урожая сдаем в магазин, оттуда и деньги берутся. Кто нашим детям давал, да еще и «лучшее»? Все своим трудом брали.

Работаем и сейчас, хотя нужды вроде бы и нет. Даже деньги на питание остаются, потому что не в состоянии дети столько съесть. Так что картошку с морковкой могли бы и не сажать. Кстати, многие так и делают: государство-то обеспечивает. Но – нельзя так.

– Отчего же нельзя?

Чтобы потом не упрекать себя: мол, не воспитали мы у детей любви к труду. Напрасные, на мой взгляд, упреки, потому что нельзя ее воспитать, любовь эту, особенно у детей. Представьте себе прополку морковного поля. Это же тяжелая, нудная работа. Ну какая тут может быть любовь? Не любовь надо воспитывать, а обыкновенную привычку. Чтобы ребята видели результат своего труда и понимали, что чем лучше работают, тем лучше живут.

Грустно смотреть, когда городские приезжают убирать картошку. Бросаются ею, половину затопчут. Взрослые снисходительны: мол, дети... Да, дети, только ничему не знающие цену. Уберут они эту картошку или вся она замерзнет в поле – им все равно: голодными не будут.

– Детей принято оберегать от взрослых забот. Одни родители не хотят укорачивать им «счастливое детство», другие просто не доверяют: что-де они понимают...

– Это и есть главная ошибка нашего воспитания. Ребята не должны быть пассивны, их нельзя отгораживать от жизни и ее трудностей, нельзя заменять живое дело «мероприятиями», от которых не грех и отлынить. Эта педагогическая идея Макаренко по-прежнему актуальна.

Счастливы семьи, где дети чувствуют себя полноправными хозяевами. Не «помогают» в домашних делах, а посильно рабо-

тают, за что-то отвечают. Жить, ничего не делая, – это же противоестественно. Вот и начинают развлекать себя, как умеют. Зайдите в любое отделение милиции – вам расскажут о подростковой преступности, детском алкоголизме, наркомании... Вполне взрослые дела.

Мы никого не принуждаем трудиться. Заставляет естественный ход жизни. Если у нас живут попугаи – значит, их надо вовремя накормить, сменить воду. Если у нас теплица, то за посадками надо ухаживать. А работа с землей – самая благодарная. Вскопал, посадил, вырастил, накормил кого-то – это и есть счастье человеческое.

– Школа, похоже, всерьез занялась трудовым воспитанием. В дневниках даже появилась графа – «домашний труд», который должны оценивать родители.

– Неужели в Минпросе кто-то вообразил, что с помощью оценок, да еще и родительских, можно приохотить ребенка к труду? Да и вообще я не уверен, что трудовое воспитание в его нынешнем виде – это то, что нужно нашей школе. Возьмите, к примеру, учебно-производственный комбинат. Страна тратит на него средства, школьники – время, а результат? Лишь 3-4 процента выпускников идут работать по специальности, полученных в школе.

Я не теоретик и не берусь судить, какие именно предметы и в каких количествах надо изучать в школе. Но я твердо знаю, что цель школьного труда, в отличие от какой-нибудь артели, заключается не в том, чтобы сколотить скворечник или табуретку. На уроках труда педагог должен раскрыть личность ребенка, пробудить мысль. Поэтому осваивать пиление надо не ради пиления, а чтобы своими руками сделать, скажем, самостоятельно придуманное учебное пособие, а то и какую-то полезную вещь для дома. А не лежит душа к пилению – не беда. Значит, надо искать свое дело.

Так и работают, к примеру, в творческой лаборатории педагога И. Волкова из подмосковного Реутова. На каждого школьника он завел творческую книжку. В нее записывает, в чем себя попробовал ученик, что удалось, а что нет. К 6-7 классу учитель

ясно видит интерес подростка к какому-то делу и помогает развивать способности в этом направлении. Через год-другой и его подопечный будет точно знать, что ему нужно. А то ведь как бывает? У девочки художественные способности, но до этого никому дела нет. Программой предписано быть ей швеей...

Мы привыкли повторять: наша школа единая, трудовая, политехническая... Но нельзя всех учить одинаково, у каждого свои способности. Их надо найти, а не навязывать всем одно и то же. В итоге кончает человек школу, не представляя, что он хочет и на что способен, но уже со стойким отвращением к любой учебе. Чтобы такого не было, первым делом надо дать учителю свободу в изучении материала. Кому нужны эти окаменевшие методики – столько часов на повторение, столько – на контрольные... Судите о работе учителя по знаниям его учеников. Неумная опека убивает интерес к школе и у детей. Из ее стен выходят люди нелюбопытные, не привыкшие думать.

– После вашего выступления по Центральному телевидению школа стала знаменитой – вон сколько писем у вас на столе. О чем пишут, Александр Александрович?

– Многие интересуются нашим опытом, хотят переписываться – и учителя и ученики. Некоторые шлют денежные переводы. Мы сердечно благодарны всем, кого по-настоящему волнуют наши заботы. Только, право же, деньги нам не нужны, у нас даже есть излишки.

Пишут и о семье, справедливо называя ее главным виновником многих трагедий. Вот передо мной одно из писем. Женщина родила семерых детей, но всех их пришлось воспитывать государству, потому что мама без конца пьянствовала. Теперь она уже на пороге старости, больше не пьет – не может. Детей своих найти тоже не может: они в разных детдомах, у кого-то и фамилии другие. Осталась она одна и просит нас: разрешите переписываться с вашими ребятами...

А посмотрите, сколько разводов, сколько матерей-одиночек. Как в таких условиях вырасти нормальному мальчишке? Сам он делать ничего не умеет, и научить его некому. Вот и растет – перекормленный, ленивый. А мы говорим: улица, среда... Нет, се-

мья. Она должна быть строгой. Жизнь ведь тоже строга. И жестоко мстит тем, кто не понимает ее простых и мудрых правил.

Часто пишут родители, потерявшие детей. Хочется им помочь, но понимаем: нелегко нашим воспитанникам будет в этих семьях. Ведь обязательно будут сравнивать приемного ребенка со своим, любимым. А дети у нас с нелегкими судьбами, многого лишены, хоть мы и стараемся приблизить условия жизни к домашним. Только не все получается. Например, после шумного рабочего дня каждому хочется тишины, уединения. Но ни того, ни другого у нас нет. В спальне – и то бывает до двух десятков кроватей. А на следующий день – снова на людях. Стрессы накапливаются с годами, отражаются на характере. Поневоле станешь трудным.

– Судя по вашей школе, этого не скажешь.

– Дело не только в нас. Мы, как и многие наши коллеги, пытаемся вырастить нормальных людей в... ненормальных условиях. Кому-то это удается, кому-то нет. Проблема в том, что детский дом должен стать другим. И жизнь в нем – тоже другой. Вот недавно «Неделя» объявила конкурс на лучший проект. Может быть, ваши читатели – ведь они профессионалы – тоже включатся в него. Очень это для нас важно.

Беседу вел ***Е.Крушельницкий***

«Строительная газета», № 37.- 14 февраля 1988 г.

Вместе нам дальше видно

Ровно месяц назад принимали мы у себя гостей: со всей России съехались директора таких же, как наш, интернатов. Трехдневный разговор вышел крупным, интересным – полезным для всех. А главная его полезность была, на мой взгляд, еще в том, что большинство из нас – людей, занятых в жизни одним и тем же делом, – получили, наконец, возможность выверить друг по другу собственные мысли, планы, решения. Потому, наверное, не оставляло эту встречу, хоть и горькие обсуждались темы, ощу-

щение праздника: нам ведь так важно бывает получить подтверждение своей правоты, точности своих оценок.

Прошедший Пленум ЦК КПСС, уверен, принес многим и многим – не только людям, непосредственно связанным с просвещением, педагогической, – такое ощущение праздника. Потому что все материалы его: и доклад, и речь Генерального секретаря ЦК партии, и принятые постановления – идут, что называется, от самой нашей жизни, включают в себя именно те узловые вопросы, которые обсуждались в обществе с наибольшей горячностью, и далеко не с одинаковых позиций.

Трудно удержаться от торжества, когда на таком – самом высоком уровне – получаешь подтверждение оценок и мнений, высказанных за годы реформы наиболее прогрессивными общественными силами. И по поводу оценки Пленумом перехлестов и перегибов с шестилетками, и особенно по поводу четко выраженной, принципиальной позиции партии по вопросам новаторства в педагогике, права любого учителя на собственный творческий поиск, по поводу педагогического сотрудничества.

Слова Егора Кузьмича Лигачева о том, чтобы снять со школы обязанность массовой профессиональной подготовки рабочих кадров воспринял просто как личную победу. В самом деле: учить школьников на некудышной базе, ухлопывая при этом по два-три года на то, чему можно обучить в более подходящих условиях за пять-восемь месяцев, и твердить им при этом о требованиях времени к рабочей квалификации – не что иное, как профанация и развращение ребячьих душ.

Положения же документов партии, касающиеся демократизации школьной жизни, методов управления народным образованием вызвали у меня предметные и совсем свежие воспоминания. Буквально накануне Пленума довелось побывать в Свердловском МЖК. Что за молодцы свердловчане! Познакомился с их советом директоров. Семь молодых, энергичных, знающих людей, каждый – первый среди равных, работают над созданием школы завтрашнего дня. Именно такой, черты которой угадываются в строках новых документов ЦК партии. А вместе с советом директоров настойчиво ищут оптимальных путей, по которым пойдут

задуманный сообща учебно-воспитательный центр и все остальные жители МЖК... Считаю, свердловчане дают своего рода «урок на завтра», правомерность которого подтвердил и только что закончившийся Пленум ЦК партии.

Если бы мне предложили совсем коротко сформулировать отношение ко всему сказанному на партийном форуме, сказал бы так: «Торжество здравого смысла, основанное на серьезнейшем, глубоком анализе положения дел в народном образовании».

Но партийные документы вместе с ощущением праздника на педагогической улице рождают и озабоченность: как-то теперь войдет постановление в жизнь? Не секрет ведь, любые серьезные государственные решения не так-то и легко становятся реальностью. Тому подтверждение и то, как выполняется партийно-правительственное постановление 1987 года, касающееся жизни детей, оставшихся без родителей, – не везде и не так скоро, как оно того требует. Простой пример: шесть выпускников нашего интерната поступили в этом году в разные вузы. И ни одно высшее учебное заведение не обеспечивает их тем, что положено июльским постановлением. Ни в Тимирязевской сельхозакадемии, ни в Ухтинском индустриальном институте, ни в Архангельском лесотехническом, ни в Тюменском медицинском – не получают наши ребята ни бесплатного питания, ни бесплатного проезда в городском транспорте, ни одежды, ни материальной помощи...

Закончить хочется на оптимистической ноте. В документах Пленума ЦК партии содержатся слова о ленинском понимании высочайшего приоритета школьных нужд. Это дарит нам всем надежду, уверенность, что коренные перемены – в деле, которому мы все служим, и, главное, в нас самих – произойдут.

«Учительская газета», 25 февраля 1988 г.

Слово об учителе

К 100- летию со дня рождения А.С.Макаренко

Есть люди, давно ушедшие от нас, но оставившие такой живой и горячий след, что не можешь не ощущать их рядом с собой, переживаешь их заботы и тревоги, мучаешься и размышляешь вместе с ними. Таким остается для нас Антон Семенович Макаренко.

Еще со студенческих лет я был знаком с его друзьями и соратниками. С членами педагогического клуба МГПИ имени В.И.Ленина мы посещали Егорьевский детский дом, которым заведовал С.А.Калабалин. Позже он приезжал в Сыктывкар. Теперь дружу с его сыном, Антоном Семеновичем Калабалиным, ныне директором Подмосковного детского дома. С Виктором Николаевичем Терским, заведующим клубом в колонии имени А.М.Горького, я познакомился также в студенческие годы. Встречался и с Э.Н.Фере, бывшим агрономом в воспитательных учреждениях А.С.Макаренко, был на многих встречах воспитанников великого Учителя.

Создавая новую социалистическую педагогику, педагогику коллективного взаимодействия, педагогику трудового напряжения и уважения человеческого достоинства ребенка, он находился под непрекращающимся обстрелом представителей так называемого социалистического воспитания. Чего стоит их казуистическое утверждение: «У вас прекрасная колония, а методы воспитания ужасны». Сдерживая гнев, Антон Семенович спрашивал, а что же тогда в других колониях? «Эти колонии ужасные, а методы воспитания прекрасные». Нынче не все помнят, что в 1928 году Антон Семенович не ушел из созданной его великим трудом колонии имени А.М.Горького – он был уволен из нее. А между тем, до сих пор американские советологи пытаются разгадать душу советского человека по «Педагогической поэме» Макаренко.

Антон Семенович писал свои произведения под гомон ребячьих голосов. Он любил детей неиссякаемой любовью, от ко-

торой медленно сгорал, ибо никогда не щадил своего сердца. Это был неугасимый огонь действенной любви, выражавшейся в неукоснительной требовательности к детям, которые воспринимали ее как огромное доверие и уважение к себе.

Поистине велик был Макаренко, если до сих пор создаются голоса его хулителей: «Время Макаренко прошло! Он воспитывал беспризорников, а у нас таких нет», «Он бил своих воспитанников, он эксплуатировал их труд!», «Нам не нужны его методы, у нас есть свои!»...

Да, он воспитывал беспризорников, воров, делал из них честных тружеников. А не делаем ли мы порой из наших детей, живущих в довольстве и сытости, наркоманов и хулиганов?

Он действительно ударил воспитанника Задорова, не желающего трудиться. Но это было отчаянье человека, захлебнувшегося в гневе и всю жизнь кающегося в своем педагогическом грехопадении. А разве мы не уродуем изо дня в день ребенка, не испытывая при этом угрызения совести?

Мы не эксплуатируем детей трудом. Да и быть того не может, ибо нет в наших школах настоящего производительного и общественного полезного труда, который был в воспитательных учреждениях Макаренко средством развития творчества ребенка и благородной привычки к труду.

Он живой человек, который мог заблуждаться. Он призывал нас к умению «играть» педагогический гнев, чтобы не изнашивать нервную систему, а сам гневался искренне, ибо не умел хитрить перед детьми. Он признавался, что не позволил бы себе любви без взаимности, а недавно мы узнали из публикации в «Учительской газете», что всю жизнь он безответно любил Ольгу Петровну Ракович.

Мы виноваты перед Антоном Семеновичем, потому что слабо изучаем и еще хуже внедряем его творчество в практику наших школ. Сейчас, когда идет мощная волна демократизации школьных отношений, мы не вправе забывать педагогическое наследие великого гуманиста.

Он постоянно поддерживал, что педагогический и ученический коллективы – это не два, один сплоченный коллектив. Где у

нас такие? Дни самоуправления, когда ученики исполняют несвойственные и ненужные им директоров школ, классных руководителей и учителей, – игра. Не надо путать взрослые и ребячьи дела, каждый должен делать свое. Нужно соучастие в управлении школой при четком распределении ответственности и взаимной помощи учителей и учащихся. Но редко увидишь на педсоветах представителей комсомольской и пионерской организаций. Если же они приглашены, то лишь отсиживаются, ибо их мнения никого не интересуют.

Мы отгораживаемся от детей, исписывая красными чернилами их дневники: «Вертелся на уроке», «Играл спичками», «Смотрелась в зеркало». Антон Семенович считал подобное дисциплинирование «педагогическим позором» учителя, которому нужно одно – чтобы ученик сидел, не шевелясь, и внимал каждому его слову. Такую дисциплину Макаренко называл дисциплиной торможения, нужной лишь самому педагогу, а не ученику с его жаждой деятельности и инициативы.

Недавно мы с замиранием сердца слушали учителя Е.Н.Ильина. Разве можно себе вообразить, что он выхватывает у ученика дневник и пишет в нем: «Прошу родителей немедленно зайти в школу!» Нет, такое невозможно представить, потому что на его уроках царит «неотступное думанье», потому что ученики находятся в состоянии интереснейшего поиска, а учитель их «не учит», они вместе познают прекрасное. Любой педагог-новатор ищет пути обеспечения успеха ученика на уроке, поддерживает его желание учиться, а это и есть макаренковская педагогика, педагогика сознательности и активности личности в процессе гражданского становления.

Нельзя изымать из системы А.С,Макаренко отдельные приемы и уповать на их спасительное действие. Только целостная система великого педагога, соединенная с нашей действительностью, может стать преобразующей силой в деле перестройки всего воспитательного процесса. Воспитание – это организация деятельности, писал А.С,Макаренко.

Начиная претворять макаренковскую систему в воспитательную практику школы-интерната, мы сплачивали коллектив шко-

лы на основе организации разнообразной и, в первую очередь, трудовой деятельности. Еще в 1973 году начали с капитального ремонта школьного здания. Разделившись на сводные и разновозрастные отряды, четко распределив обязанности, ведя каждодневную отчетность, осуществляя заботу-работу о себе и малышах, ожидавших в лагере окончания ремонта, строили тот стиль макаренковских отношений, которые называются ныне педагогикой сотрудничества. Закончив ремонт школы, мы многие годы строили пионерский лагерь в Межадоре, а сейчас идет новая реконструкция школы. «Остановка – смерть коллектива», – утверждал А.С.Макаренко, вот мы и не даем себе расслабиться.

А.С.Макаренко писал, что труд сам по себе есть процесс нейтральный. Ребенок может сколько угодно копать погреб и от этого не станет лучше и воспитаннее. Наши школы упорно продолжают копать этот злополучный погреб, закапывая в нем бесценные идеи Антона Семеновича о трудовом воспитании детей. Он утверждал, что воспитывает не сам труд, а его организация. Создание разумных трудовых коллективов, придание труду творческого характера, ощуще́ние каждым ребенком пользы и значимости его работы, сочетание труда «для себя» с бескорыстным трудом для общества – вот что создает нравственную личность в процессе трудовых усилий.

Мы не мыслим себе воспитание мальчишек, воспитание трудных ребят без общения с техникой, ибо в самой технике заложены элементы творчества, требующего от овладевающего ею смекалки, инициативы.

Как-то приехав в лагерь, я увидел, как Вовка Попов до последнего винтика разобрал новый трактор. Увидев эту груду металла, я остолбенел. А Вовка, тогда семиклассник, заверил меня: «Не волнуйтесь, я его снова соберу...» И, действительно, собрал, да так, что трактор стал работать лучше прежнего. Вовка Попов был нашим лучшим трактористом, пошел в сельскохозяйственное ПТУ, а теперь, после армии, работает в Межадорском лагере...

Отмечая столетие со дня рождения Антона Семеновича Макаренко, мы, советские педагоги, обретаем новые, невиданные прежде возможности для творчества, для развития воспитатель-

ного мастерства. И на этом пути рядом с нами идет Макаренко, наш современник.

«Красное знамя», 13 марта 1988 г.

«Педагогическая поэма» продолжается

Сегодня директор сыктывкарской школы-интерната №1 Александр Александрович Католиков – человек всенародно известный. Центральное телевидение транслировало встречу общественности с ним в концертной студии «Останкино». Свидетельство его популярности, уважения к нему, его делам – приходящая в школу огромная почта. География ее – вся страна.

Чем же вызван такой интерес? Безмерной любовью к детям, справедливой требовательностью к ним? Безусловно! А еще тем, что он, учитель-новатор, свои педагогические находки успешно воплощает в жизнь, щедро делится ими.

– Нас не надо жалеть, – с какой-то особой твердостью произнес директор сыктывкарской школы-интерната №1 А.Католиков, когда мы разговорились. Сказал так, словно все поставил на свои места, подчеркнул, что он и его ученики – единая семья и в жалости ни один не нуждается.

Когда мы прошли по коридорам школы-интерната, по её классам, то не встретили ни одного грустного лица. Даже стены здесь, казалось, излучают тепло. И все же именно жалость – вот первое чувство, посетившее нас. В сыктывкарской школе-интернате №1 учатся и живут 270 сирот или детей, отцы и матери которых лишены родительских прав.

А.Католиков. *Мы должны воспитывать в детях жалость и человечность. Но самих нас жалеть не надо, нам жалость просто не нужна. Детям в школе тепло, у них есть чувство защищенности, они раскрепощены. А вот чего им не хватает – так это общения с людьми, разговора по душам, хотя гости у нас – совсем не редкость. Увы, этого все-таки мало.*

Вот и при нас навестили школьников артисты Днепропетровского областного театра кукол, приехавшие на гастроли в Сык-

тывкар. Их никто специально не приглашал – сами пожелали дать спектакль. Надо было видеть зачарованные лица юных зрителей во время представления. И как счастливы были они, когда дали им потрогать «всамделишных» кукол.

Сегодня еще не мало осталось «белых пятен» в воспитании. Они волнуют А.Католикова, беспокоят его, тревожат душу и сердце.

А.Католиков. *Если не общаться с грудным ребенком, если малыша предоставить самому себе, он не развивается. В результате то самое «белое пятно» в воспитании.*

Но не хочет, не желает мириться с этими ненавистными ему «белыми пятнами» Александр Александрович. И уже в нынешнем году берет на себя очередную обязанность, нет, обязательство перед юными гражданами: скоро, когда закончится строительство нового корпуса, сюда будут принимать детей с трех лет, а не с семи, как раньше. Между тем, рабочий день директора и без того по 10-14 часов.

Так неужели не устает он, ну хоть иногда? Честно говоря, мы ему такой вопрос и задали.

– Да что вы, разве можно уставать от детей? Ведь это же дети, – был ответ Учителя, Воспитателя.

В этом весь Александр Александрович Католиков, мастер своего нелегкого учительского труда. То, что делает он, – не труд и не работа его. Призвание.

Говорят, всякое новое – хорошо забытое старое. Какой-то горечью веет от поговорки. Сколько мы «забыли», а потом «вспоминали», изучая уже зарубежный опыт, появившийся впервые на нашей земле. И «догоняли», зачастую безуспешно. Долгие годы мы не ценили отечественную школу воспитания подрастающего поколения. Сегодня с восторгом говорим о том же японском методе воспитания детей. А такой ли уж он японский?

А.Католиков. *Да, об этом говорят много. Но вот что интересно. Недавно вернулся из Японии директор Полтавского педагогического института Иван Андреевич Зязюн. И рассказал, что воспитание детей там строится на наших, советских учениях. И знаете, чьи портреты висят у японских педагогов на са-*

мом видном месте? Да нашего Антона Семеновича Макаренко! Вот так-то.

Сегодня взрослые дяди учатся хозрасчету, а наш великий педагог уже тогда внедрял его применительно к школьному предприятию. И получилось.

Сейчас время, конечно, другое. Информация не потоком – водопадом обрушивается на нас. Школьная программа куда сложнее. Компьютеры уже не стучатся – приходят в классы, в том числе и в школу-интернат №1. Но не делаем ли мы сегодня крен в сторону технократии, забывая подчас о важности воспитания эстетического? Дети-то стали меньше читать...

А.Католиков. *Именно. Эстетическое воспитание, обществоведение остаются проблемой из проблем нашей школы. Тот же компьютер можно доверить только культурному человеку. Иначе он того и гляди начнет им орехи колоть. Знания надо сеять на богатый культурный слой.*

Сегодня в стране остро стоит вопрос об экономическом всеобуче, а в сыктывкарской школе-интернате ребята регулярно выпускают свою «Экономическую газету». Уже десятый год. И без указаний свыше.

Темы – максимально приближенные к жизни детского коллектива. В одном из номеров, например, под рубрикой «Сколько стоит «бесплатно» заметка о том, во сколько обошелся государству школьный кабинет математики. И вышла внушительная сумма – 9.824 рубля. Выходит, надо беречь его. И дети это понимают.

Экономическое обучение ведется и непосредственно на занятиях. Скажем, на уроках математики наши младшие коллеги «постигают» особенности рентабельности своего хозяйства, учатся повышать ее. В собственном оздоровительном лагере под Сыктывкаром у них поле и 6 теплиц, с арбузами и дынями в том числе. В прошлом году со своей нивы они собрали продукции на 20 тысяч рублей. Да еще около 1,4 тысячи принесло животноводство.

В планах на будущее – организовать совместно с Госагропромом Коми АССР солидное производство торфоперегнойных

горшочков (счет пойдет на миллионы штук). Построены будут и новые большие теплицы. Задумано два новых цеха – кулинарный и швейный.

– Но самое главное, – мечтательно произносит Александр Александрович, – будет у нас своя лаборатория для творчества и изобретательности. Будем «ковать» творческие личности.

Уже в Москве узнаем очередную новость из Сыктывкара. В школе-интернате №1 вводятся для ребят чековые книжки внутренних расчетов. В них есть графа «Приход». В нее заносятся сумма, которую ученик заработал в процессе производительного труда, а также премии. Но есть там и графа «черная». Это – ущерб от поломанной мебели, разбитого стекла... Чеками ребята будут рассчитываться за покупки в своем школьном магазине. Можно сделать заказ и в городской торговле.

А.Католиков. *Сегодня идут споры о производительном труде в школе. Им же можно назвать только тот, который дает продукцию. Думаю, пора уже во всех школах вводить чековые книжки. Тогда дети не на словах – на деле познают цену труда, трудовой копейки, научатся ценить и чужой труд.*

В школе у А. Католикова в работу не играют – работают. И труд детям в радость. Причем, каждый знает, сколько и за что заработал. Ученики уже с 4 класса разбиты на бригады по 4-6 человек. У каждой – трудовой паспорт, в котором вся проделанная работа и оценки за нее. Выводится здесь и КТУ (коэффициент трудового участия). Все, как у взрослых. И руководит всем выборный совет бригадиров. Такая система школьного управления действует с... 1973 года.

Первые уроки педагогического мастерства А.Католиков получил в трудные послевоенные годы в школе №10 Новосибирска, в которой учился в то время. С любовью и глубочайшим уважением вспоминает он тогдашнего её директора – Владимира Никитича Михайлина, убежденного последователя дела А.С.Макаренко. Уже тогда был в школе свой завод, введен хозрасчет. И выпускали не что-нибудь – сверлильные станки!

Стоп. Ту же школу вспоминал в статье «Как зажечь факел», совсем недавно опубликованной в №11 «Экономической газеты»,

директор Ухтинского строительного профтехучилища Ю.Сурнин. Рассказал он, как в застойный период за хозрасчетное производство и макаренковские эксперименты директора школы Е.Варшавицкого трижды снимали с должности и восстанавливали только после вмешательства партийных органов. Нет, то был не просто застойный период в педагогике, а период воинствующего застоя, когда все новое, меняющее привычный размеренный образ жизни, встречалось в штыки и его старались утопить в болоте безразличия, а то и, откровенно говоря, просто ошельмовать.

И, согласитесь, счастье, что остались такие Учителя, как А.Католиков, которые, невзирая на гласные и негласные запреты, смогли перекинуть мостик от А.С.Макаренко в наше сегодня. Они и сейчас на практике пишут продолжение «Педагогической поэмы». Такие Учителя знаменитее иных академиков от педагогических наук.

...Грустно было уезжать из Сыктывкара. Мы прощались с большой семьей А.Католикова, членами которой почувствовали и себя.

Беседу вел ***А.Валентей.***

«Экономическая газета», 14 апреля 1988 г.

Слово об учителе

К 100-летию со дня рождения А.С.Макаренко

13 марта исполняется 100 лет со дня рождения великого советского педагога и писателя А.С.Макаренко (1888-1939 гг.). Он осуществил беспримерный в педагогической практике эксперимент массового перевоспитания детей-правонарушителей. И на основе этого уникального 15-летнего опыта создал стройную педагогическую систему.

Труды А.С.Макаренко стали достоянием широкой мировой общественности и оказали значительное влияние на формирование педагогики и методов образования, нравственного развития и творческого воспитания подрастающего поколения. 100-летняя годовщина со дня рождения А.С.Макаренко по решению ЮНЕСКО отмечается во всем мире. Нынешнее состояние общества и негативные явления среди молодежи, издержки и недостатки в народном образовании, пробуксовы-

вание школьной реформы настоятельно требуют самого внимательного изучения и применения наследия А.С.Макаренко. О непреходящем значении идей и методики великого педагога убедительно свидетельствуют деятельность и результаты его учеников и последователей, педагогов. Одному из них мы и предоставляем слово.

В немалом долгу мы перед Антоном Семеновичем. Помним и ценим его педагогическое творчество, но непростительно слабо внедряем его в практику воспитательной работы школы. Нередко введением одного или нескольких макаренковских принципов пытаемся утвердить свою приверженность к его теории. Антон Семёнович всегда резко возражал против такого «внедрения» его творчества. Центр его системы составляет методика формирования детского коллектива и развития личности в нем.

«Наша школьная сеть, – писал Макаренко, – представляет собой распыленную массу одиночек-учителей и массу разрозненных классов, лишь механически связанных соседством в общем школьном здании. Школы как единого коллектива, как целостного учреждения не знают у нас ни дети, ни семья, ни советская общественность. И именно в этом таится корень многих бед». В школе учащиеся оказываются вне коллективных зависимостей, воспитываются от случая к случаю, от проступка к проступку, лишь с помощью личности морализующегося педагога бесконечными нравоучениями и бесплодными обращениями к совести. Антон Семенович называл такое воспитание «занудной педагогикой» и был ярым противником бессмысленной «словесной жвачки». Сказано давно, но как актуально звучит и сегодня! Макаренко видел проявление дисциплинированности в активности личности, в ее умении преодолевать трудности и препятствия. Мы же нередко скатываемся к воспитанию в детях дисциплины «покорности и послушания», пытаемся воздействовать на них лишь с помощью императивных глаголов с приставкой «не»: «не балуйся!», «не дерись!», «не бегай!», «не шуми!» и т.п.

Макаренко был величайшим гуманистом. Бесконечная любовь к детям, умение распознавать самые неуловимые оттенки чувств ребенка, беспредельная забота о его достоинстве и граж-

данском самочувствии составляют органическую сущность его практики. «Как можно больше уважения к человеку, как можно больше требований к нему» – такого педагогическое кредо Макаренко.

В организации общественно значимой деятельности, вынесенной за пределы школы, видел Макаренко лучший путь осуществления воспитания. «Открыть двери из школы в жизнь!» – призывал он. Неоценимое значение имеет его опыт по организации трудового воспитания детей. Он умел включать своих воспитанников и в сельскохозяйственный, и в ремесленный общественно-полезный и высокоорганизованный производительный труд.

Сегодня, когда послереформенная школа упорно ищет пути и подходы к осуществлению трудового воспитания учащихся, обращение к практике А.С.Макаренко может дать ответ на многие вопросы. В подтверждение сошлюсь на пример своей школы-интерната, где педагогический коллектив уже много лет ведет круглогодичный цикл трудового воспитания детей. Уже создана хорошая база для летнего труда: имеется заказчик в 750 гектаров, поля – 30 гектаров, центральная дача летнего лагеря в 15 гектаров, около 2 тысяч квадратных метров теплиц, 11 тракторов с полным набором сельскохозяйственных орудий. В летнее время ребята выращивают такое количество овощей и картофеля, что ими удовлетворяются все нужды интерната и 40 тонн продается государству.

А скоро будут у нас цех для изготовления торфоперегнойных горшочков, швейных и кулинарных изделий и большая лаборатория по конструированию и моделированию. Есть свой летний трудовой лагерь «Дружба». Создан он тоже на основе принципов, форм и методов, разработанных А.С.Макаренко.

Общественно-полезная деятельность строится по коллективному принципу. Ребята распределяются по разновозрастным бригадам, насчитывающим по 6-10 человек, во главе с бригадиром. Каждая бригада имеет свой участок. Одни выращивают цветы и овощи, другие занимаются животноводством или строительством, третьи – поливом или вождением тракторов и машин. На отдельные трудовые поручения направляются сводные отряды.

Малыши по утрам с ведерками в руках собирают мусор на территории лагеря, а потом идут в лес за грибами, ягодами и лекарственными травами.

Наиболее опытные и заранее подготовленные учащиеся ведут эксперименты по выращиванию в условиях севера гладиолусов, дельфиниумов, ряда овощей. Их деятельность направляется научными сотрудниками Института биологии Коми филиала АН СССР. Дети заняты трудом регулярно и систематически, 6 дней в неделю, по 2-4 часа ежедневно.

Главным средством стимуляции труда служит разработанная система соревнования, поощрений, благодарностей. В последние два года одновременно с введением трудовых паспортов мы стали каждый день подводить итоги. Причем каждой бригаде с выставлением оценки по коэффициенту трудового участия. Теперь любой воспитанник знает индивидуальную оценку его труда бригадой, в которой он состоит, а за месяц выводится средний коэффициент трудового участия. Ребятам выплачиваются деньги, заработанные в процессе летнего производительного труда по соответствующему среднему коэффициенту участия каждого в труде своей бригады.

Антон Семенович как-то заметил, что 16 лет своей жизни он ломал голову над проблемой первичного коллектива и считал открытие сводных и разновозрастных отрядов, он заранее программировал воздействие коллектива на личность, на формирование в ней умения подчиняться и командовать, ответственности за традиции коллектива, умения жить интересами всего коллектива, не замыкаясь в первичном.

Какие же приемы используем мы сегодня в практике детского трудового лагеря «Дружба»?

Прежде всего, это соревнование трудовых бригад. Для того чтобы соревнование было эффективным, при его организации надо заложить, по крайней мере, две нравственные идеи: сочетание коллективных и индивидуальных форм ответственности, и во-вторых, обеспечение условий для взаимопомощи.

Как, например, организуется соревнование цветоводов? С утра бригады трудятся коллективно, а в свободное время каждый

отрабатывает свой «персональный» участок. Когда подводятся каждодневные итоги, победу в соревновании получает тот, кто содержит в идеальном порядке свой «персональный»участок, кто работал в лучшей бригаде, оказавшей помощь отстающим. В конце лагерной смены награждаются бригады-победители и лучшие цветоводы. При такой организации соревнования работать плохо, увиливать от труда будет просто невозможно. Каждый, пытающийся уклониться от труда, попадает в такой поток осуждающих воздействий товарищей, вызывает такой взрыв негодования, что оказывается не в состоянии противостоять требованиям коллектива.

Постепенно, в ходе летнего лагерного труда лучшие бригады получают право работать «на доверии». Это означает, что никем не регламентируется время их труда. Привел порядок свой участок, оказал помощь одной из соседних бригад – и бригада свободна.

Конечно, организуя работу по бригадам, нельзя допускать их замыкания лишь в собственных интересах, оторванности от общеколлективных дел. В организации детского труда следует программировать не только внутриколлективные, но и межколлективные отношения.

Хочется сказать еще об одном принципе макаренковской системы трудового воспитания детей. Это сопереживание с трудовыми заботами нашей страны и понимание своего труда как реального участия в общем коммунистическом строительстве. Все сельскохозяйственные работы мы проводим не просто для обеспечения собственных нужд интерната. Мы связываем их с выполнением продовольственной программы в целом, с трудностями и общими усилиями, которые прилагаются в нашей стране для ликвидации дефицита в продуктах питания. Мы стремимся к тому, чтобы ребята осознали высокий смысл своего труда, ведь давно известно, что великая и осознанная цель рождает и великие поступки. И на этом пути рядом с нами идет Макаренко, наш современник, педагог-гражданин, патриот.

Со всеми воспитанниками мы поддерживаем связь, знаем, как они живут, как трудоустроены, нужна ли помощь. По тради-

ции, девочкам, когда выходят замуж, готовим приданое – то, что необходимо при обзаведении собственным хозяйством. Ну, а мальчишки, они более самостоятельны... Тем, кто служит в армии, отправляем посылки. По разным адресам ушло двадцать восемь таких приветов из родного дома. Вот это и есть конкретная связь.

В прошлом году состоялся первый выпуск десятого класса. Шесть человек поступили в институт, семь – в техникумы, шесть – в профтехучилища, другие пошли работать, служат в армии.

Приятно сознавать, что все наши бывшие воспитанники крепко стоят на ногах. К примеру, Саша Макаров десять лет назад ушел из интерната в самостоятельную жизнь. ПТУ, армия, работа водителем. А в этом году поступил в Коми педагогический институт, будет учителем. Жена его, Зоя, тоже наша воспитанница, готовится поступать в юридический институт. Лариса Шаповалова увлеклась цветоводством и полеводством. В этом году стала студенткой сельскохозяйственной академии имени Тимирязева.

Могу назвать и другие имена, но дело не в перечне, а в подлинном понимании товарищества и ответственности друг за друга. И в воспитании этих качеств наш первый советчик А.С.Макаренко.

«Агитатор», 5 марта 1988 г.

Ступени в жизнь

Над письмом размышляет педагог

«Почему нашим детям ничего не дорого? Не задумываясь могут поломать дерево, порезать в автобусе перочинным ножиком сиденье, кинуть камень в застекленное окно незаконченного дома... Какие же вырастут из них граждане, патриоты своей страны? Чего им не хватает от нас?», – обеспокоена автор письма в редакцию В.Егорова из Саратовской области.

Что такое гражданственность? Это ощущение личной ответственности за судьбу страны, когда свое "Я" оказывается неотде-

лимым от проблем общества. Для воспитания гражданственности нужно, прежде всего, максимально подключать детей к общественно-полезным делам. Никто не должен безучастно сидеть у стола, ожидая всеобщего изобилия.

Мы в нашем интернате уже более пяти лет сами обеспечиваем себя овощами и животноводческой продукцией. Прошлой осенью собрали 1200 центнеров картофеля и овощей, из них 300 горожанам продали. А ведь живем на севере, и, наверное, каждому понятно, что такое овощи для северянина.

В труде мы решаем и нравственную задачу: нашим ребятам-сиротам после школы мало кто поможет встать на ноги. Дети должны в такой степени приучены к труду, чтобы самим себе надежно обеспечивать будущее.

Начиная все с малого. Малыши собирают ягоды, грибы, лекарственные травы; у учащихся начальных классов есть свой октябрятский «колхоз», подростки ставят опыты в теплицах и парниках, ведут исследовательскую работу с овощами и цветами, а старшеклассники переходят на производственные участки. И каждый учится творчески, без нытья преодолевать естественно возникающие трудности. Этому мы придаем большое воспитательное значение. Антон Семенович Макаренко утверждал, что воспитание немыслимо без цепи трудности, связанной с некоторыми лишениями, напряжением сил и воли.

Случилось однажды: не хватило весной семенной картошки, и пришлось нам ездить по деревням, закупать его. Решили, что поедем в село Чухлом и в соседние селения. Там уже ждали нас бабушки, чтобы ребята помогли им вытащить картофель из ям, взвесить его, загрузить. Выехали утром, одеты были легко, так как день был теплый, и вдруг, когда были уже далеко от лагеря, началась пурга, снег пошел стеной, холод. Вернуться назад? Поздно уже, да и старушки ждут. Закутались ребята как смогли в мешки, поехали дальше. И вот, когда промерзшие, явились в деревню, выполнив так сказать, свой человеческий долг перед старушками, были бесконечно счастливы.

Деятельность, формирующая гражданские чувства, должна быть не просто трудовой, но и вместе с тем развивающей умст-

венные способности детей. Здесь нам помогает опытничество. Мы связаны перепиской с несколькими ботаническими садами, с нашим институтом биологии Коми научного центра, с Сысольской семенной станцией защиты растений. Они дают нам задания для опытнической работы.

Каждый год учитель биологии Дымова Людмила Михайловна, составляя план на лето, распределяет задания ребятам в соответствии с их возрастом. Кажется, не сложное поручение – определить влияние светового дня на рост редиски. А для малыша – настоящее открытие. Ведь он видит, что на соседней грядке, где световой день не соблюдался, редис весь вышел в стрелку. Такая работа дает быстрый эффект, зримый результат и порождает интерес к сельскохозяйственным профессиям.

Подростки делают опыты по интродукции растений, исследуют посевной материал. В последнее время с особой серьезностью занимаются изучением роста урожайности помидоров и огурцов под влиянием радиактивного облучения семян. Их труд отмечен более чем пятьюдесятью медалями ВДНХ СССР.

Как известно, для страны проблема первостепенной важности – экологическая. И здесь наши ребята не стоят в стороне. Есть у нас отряды у голубого, и зеленого патруля. Третий год мы строим экологическую тропу. Хорошие у нас помощники – студенты педагогического института. Кстати, отвлекусь и скажу, что, готовя будущего педагога, тренируя его навыки в инструктивных лагерях, следует значительно перестроить методику его переподготовки. Конечно, нужно уметь и петь, и танцевать, и затейничеством ребят занять, но самое главное – уметь увлечь своим предметом. Если студент-биолог покажет детям красоту природы, научит собирать лекарственные растения, научит ориентироваться в лесу, пройдет с ребятишками по следу муравья, как много сумеет он дать детям!

Приехала к нам в лагерь в этом году испанская делегация. Повел ее по экологической тропе Вася Стопов, ученик пятого класса. Он сам активный строитель этой тропы, специально учился водить экскурсии по ней. И сколько же в нем было достоинства, когда он говорил: «Посмотрите налево, здесь заповедная

зона. Посмотрите направо, здесь растения, занесенные в красную книгу, их рвать нельзя. Обратите внимание на разрез почв... Здесь вы можете отдохнуть и полюбоваться пейзажем...» Такой стиль обращения с незнакомыми людьми просто поразил их. Ведь Вася – сирота, выросший в интернате, но как раскрепощен, свободен в общении с иностранцами! А почему? Потому что он сам делал эту тропу, и на основе этого труда сложились его гордость, достоинство, желание познавать.

В экологических целях мы проводим санитарную рубку леса, следим за разведением рыб в реке, зимой долбим лунки от заморов. Сейчас с Воронежским лесотехническим институтом (у нас там с помощью «Экономической газеты» появились интересные друзья) мы начинаем высадку у себя элитных кедров. Первую партию уже получили, саженцы посадили (и из них меньше 80 % прижились), сделали кедровые прививки на соснах нашего заказника. А теперь думаем расширить это исследование по интродукции кедров в Коми АССР. Помогли нам мелиораторы, отвели специальный гектар, вычистили его, а мы с ребятами завезли органические удобрения. Весной высадим целый гектар кедрового леса. Для ребят такая работа чрезвычайно интересна, так как она органически связана с наукой и должна определить новые темы для опытнической работы.

Вот уже много лет нам приходится самим ремонтировать школу. Составляя ежегодно план ремонта и строительства, мы привлекаем к этой работе ребят, решая вместе, что предстоит сделать, как будем труд оплачивать, сколько средств сумеем сэкономить. Я посчитал, что за последние 15 лет мы сэкономили свыше миллиона рублей. Действительно, сумма огромная. Ведь ежегодно на ремонт ведомственных лагерей затрачивается от 50 до 100 тысяч рублей. А мы весь ремонт проводим силами старших ребят. Строительство спального корпуса в лагере, при сметной стоимости в 50 тысяч рублей, обходится нам в 27 тысяч рублей при строительстве хозяйственным способом. Почти в два раза дешевле! Умножьте эту цифру на 15 лет, и опять получается огромная экономия. А поскольку все делаем

своими силами, ни у кого из ребят рука не поднимается, чтобы написать что-то на стене, отломать, оторвать, испортить.

С прошлого года завели мы чековые книжки для внутрихозяйственных расчетов. Однажды ребята поделились, что они хотели бы приобрести именно для себя (они ведь в город ходят свободно, бывают в магазинах). Мы, взрослые, купили абсолютно все, что хотелось им, и устроили ярмарку-продажу. Там было все – от модных пальто до мороженого. Каждый заходил со своей чековой книжкой и выбирал товар. Ребята же были сами в роли продавцов, выдавали товар, отмечали в чековых книжках. Интересно было наблюдать за ними. Заказав определенную вещь, они тщательно присматривались, нельзя ли взять что-нибудь более практичное. Мы говорили им: «Берите мороженое!», но нет, они берегли деньги, старались быть экономными, соизмеряя свой «капитал» (свой вложенный труд) с вещью, которую хотели купить. Умение сопоставить потребности с возможностями чрезвычайно важно воспитать в детях, тем более это важно для воспитанников интернатских учреждений, где пышным цветом расцветают иждивенчество и потребительство. И немудрено: 15 лет жить на все готовом! Но ведь потом неизбежно окажешься в клубке противоречий между потребностями и возможностями. Мы стараемся предупредить эту жизненную коллизию.

Воспоминание не может существовать вне потребностей общества. Воспитывая детей, надо сопоставлять воспитание с теми трудностями, которые испытывает народ. В практическом преодолении этих трудностей и формируется у подрастающего поколения чувство долга, ответственности, бережливости, причастности к делам родной страны. И в ответе прежде всего мы , взрослые. Если же им, нашим детям, чего-то и не хватает, то нашего с вами общего серьезного внимания к миру их детства...

«Сельская жизнь», 8 апреля 1989 г.

Беспокоит утрата внимания к трудовому воспитанию школьников

Потрясения, происходящие ныне с процессом воспитания детей, совершенно очевидны для учителей и родителей. Появилось немало новых концепций воспитания, которые достаточно неопределенны. Тем временем все ускоряющимися темпами выхолащиваются традиционные приемы воспитания. Прекратились пионерские сборы и комсомольские собрания, утратили силу выверенные жизнью воспитательные установки. Исчезают сокровенные разговоры учителя с воспитанниками, этические беседы и политинформации, обескровлено семейное общение, бытовая ржавчина разъедает духовные запросы учителей и родителей. Низвергнуты идеалы, казавшиеся непоколебимыми, пропадает вера в прошлое и надежда на будущее.

Но воспитание не может умереть. Поэтому возникают новые подходы к его организации: утрачивается прямое воздействие педагога на детей и набирает силу косвенное. Обходные воспитательные пути оказываются нередко более убедительными для детей. Ныне сопротивляемость ребят прямым педагогическим воздействиям обострилась как никогда.

Всю свою педагогическую жизнь я бьюсь над организацией детского труда. Говорят, он не панацея от всех бед. Может быть, и не от всех. Но от многих – это точно.

В нашу школу-интернат приезжают многочисленные гости, и все они, как сговорившись, удивляются чувству достоинства и здоровому мироощущению детей. Откуда берутся эти качества? Не сомневаюсь, они порождены ощущением своей значимости, которое возникает у человека в процессе трудовой деятельности.

Меня пугает утрата внимания к трудовому воспитанию детей. Трудовые летние лагеря закрываются, пришкольные участки сокращаются, у детей не воспитывается потребность в трудовых усилиях. Что же будет с нашей страной, с ее будущим, если мы воспитываем не тружеников, а юных перекупщиков и спекулянтов? Загляните на любой базар в городе, и вы увидите сотни под-

ростков, перепродающих товар в магазинной упаковке. Разве будут способны эти будущие граждане страны спасти ее честь и достоинство, поднять ее на новый экономический рубеж? Ведь этого можно достичь только трудом.

С трудовым воспитанием напрямую связано экономическое. Но его все сложнее осуществлять из-за ухудшающегося экономического положения страны. Растут цены, на прилавках магазинов часто отсутствуют нужные продукты питания, некоторые регионы страны получают их по талонам. Что же касается детей, живущих в школах-интернатах, то они этого не ощущают. Дети получают достаточное количество мяса, рыбы, жиров, соков.

У многих наших сотрудников нет возможности так же вкусно и калорийно кормить собственных детей. Я часто вижу, как, питаясь в столовой школы-интерната, они прячут в сумки часть своих порций, конфеты, фрукты, чтобы вечером побаловать сынишку или дочку.

Мы благодарны нашему государству, которое в такое тяжелое время не забывает о детях-сиротах. Но вместе с тем не можем не учитывать, что наступит момент, когда ребята уйдут из школы-интерната и окажутся один на один с окружающим миром.

В нашей школе-интернате был проведен такой эксперимент. Десятиклассники целую неделю питались самостоятельно. Это было сделано с их согласия. Мы вручили деньги ребятам, дали им продукты, полученные для них по талонам. Предоставили им кухню, посуду – готовьте все, что захотите.

В первый день десятиклассники испытывали необычайную радость от предоставленной им свободы. Они накупили лимонада, наелись пирожных. Вскоре съели все продукты, полагающие по талонам, и загрустили. Деньги быстро таяли. Ребята стали думать, как жить дальше. В магазинах стали вести себя более осмотрительно, лимонад и пирожные исчезли из меню. Девочки отпрашивались с уроков, чтобы занять очередь за дефицитными продуктами. У ребят появилась житейская сноровка: нам не удается, а они где-то без талонов ухитрились купить суповые наборы, пельмени, пряники. Пригодились нашим воспитанникам и

кулинарные навыки, полученные в школе-интернате. Хоть и не сразу, но они приспособились к самостоятельной жизни.

Такой же эксперимент на следующей неделе прошел и в одиннадцатом классе. Ребята тщательно изучили опыт десятиклассников и оказались более расчетливыми. Они уже знали, где можно подешевле купить продукты, где поменьше очереди. Поэтому им было полегче.

Чем был полезен этот эксперимент? Ребята осознали реальную стоимость рубля, поняли, как много времени уходит на очереди, как сложно хранить в домашних условиях продукты, как важно готовить экономно. Между прочим, во время эксперимента они чистили картошку, что кожура на свет просматривалась, а потом перешли на картошку «в мундире», потому что там кожура еще тоньше. А ведь раньше чистили картошку, срезая кожуру в палец толщиной. Те экономические расчеты, которые ребята поневоле вели целую неделю, сформировали у них новое понимание трудностей, которые будут сопровождать их в течении всей взрослой жизни. Мы попросили ребят, участвовавших в эксперименте, написать о том, чему они научились. Ребята искренне рассказали обо всем и сделали вывод: оказывается, они замечательно питаются в школе-интернате и больше подобных экспериментов не хотят.

Хоть неделя и не срок, но ее воспитательные результаты показались нам достаточно интересными. Свою главную задачу наш коллектив видит в воспитании ответственности каждого ребенка. Это может быть ответственность и личная, и групповая, и за большое дело, и за маленькое. Ребенок может отвечать за радиоузел, за отдел в стенгазете, за компьютерные игры – не важно, за что, лишь бы он чувствовал себя человеком, ответственным за дело, которое на него возложено. Когда я иду по школе-интернату, то знаю, с кого спросить за перекосившийся стенд, знаю, кто виноват, что кричат голодные попугайчики... У нас нет ни одного участка школьной жизни, за которой не отвечал бы тот или иной воспитанник. Это обеспечивается системой самоуправления.

В одно время в педагогической печати не раз высказывалось мнение, что самоуправление – это участие каждого ребенка в деятельности. Но этого не достаточно. Самоуправление – это ответственность ребенка за порученное ему дело. Я подчеркиваю слово ответственность. Уж сколько бед претерпела наша страна из-за безответственности людей! Нельзя допустить, чтобы наши дети уже в школьные годы не научились тому, что называется ответственностью за порученное ему дело.

Есть в нашем лагере воспитанник, ответственный за коз. Не очень-то интересное дело для мальчишки. К тому же некоторые ребята дразнят его «козлиным пастухом», «козодоем». А он, не обращая на них внимания, выполняет свое дело: и пасет, и доит коз. Поручили человеку дело, и он за него отвечает.

Одного мальчика прикрепили к лошади. Он чистил, мыл, кормил ее, а на работу пускать не торопился – жалел. Я спросил: «Когда же твоя лошадь начнет работать?» – «Так она же в положении». – «В каком еще положении?» – «Взрослый человек, а не понимаете. Ее же надо жалеть...».

Прошло время. У лошади появился жеребенок. Я опять спросил: «Когда лошадь начнет работать?» Отвечает: «Она не может работать, у нее послеродовой отпуск». Вот так, пусть по-детски, наивно, но мальчик проявил ответственность за порученное дело.

Самоуправление не означает самоустранение учителей. Некоторые педагоги считают, что для полного самоуправления надо предоставить детей самим себе. Нет, воспитатель должен быть с ними всегда рядом. Учитель не может самоустраниться, потому что он учитель, потому что ребенок ему доверяет и всегда ждет от него доброго совета. Учитель навсегда неотделим от ребенка. Он и покажет, и поможет, и похвалит. Он вовремя догадается слегка отстраниться, если ребенок достаточно самостоятелен и инициативен. Он научит организаторским навыкам.

Авторы книги «Ученическое самоуправление в школе сегодня и завтра» (Киев, 1989) считают, что при высоком уровне развитости детского самоуправления педагог «...занимает позицию рядового члена коллектива и участвует в коллективных делах на равных со своими воспитанниками» (с.69). Боже упаси педагога

от такой позиции, когда он «на равных»! Какой же тогда толк от наго?

По нашему мнению, нецелесообразно создавать дополнительные органы самоуправления с намерением включить в них всех детей «поголовно». Количество подобных органов можно довести до такой численности, что они окажутся вне всякого управления, порождая школьную анархию вместо разумного самоуправления. Кстати, такая участь угрожает совету школы – органу, усиленно внедряемому в школах. Создаваемые в школе органы ученического самоуправления должны служить не идее поголовного охвата детей, а соответствовать той деятельности, которая целесообразна в условиях данного коллектива и способна вызвать у детей потребность участвовать в ней с чувством личной ответственности.

Сказанное означает, что самоуправление – подвижная, постоянно совершенствующая система взаимодействующих органов детской самодеятельности. Она не может быть создана раз и навсегда, так как находится в прямой зависимости от устремлений детей, стадии развития коллектива, от организуемой в школе деятельности и уровня управления ею со стороны педагогического коллектива.

Думается, лучший способ проверить действенность самоуправления в школе – попросту поинтересоваться у любого ребенка, какие интересные дела происходят в школе и какое участие он сам принимает.

Большая беда грозит тем школам, где самоуправление превращается в форму развлечения. В них проводятся так называемые «дни самоуправления». «Директором» становится старшеклассник, а настоящий директор сидит на последней парте и поднимает руку, чтобы ответить на вопрос «учительницы» – шестиклассницы. Детям нравятся такие игры в самоуправление. Но взрослым следует понимать, что можно, а что нельзя превращать в игру. Самоуправление не игра на один день, а постоянная и разумная ответственность детей за свою судьбу, за судьбы школы.

Трудно предугадать, в каких формах далее станет развиваться воспитание школьников. Думается, откроются огромные ре-

зервы эстетического воспитания. Мечтаю, чтобы в процессе трудового воспитания, преобразованного рыночных отношений, возникли новые возможности для формирования детей ответственности, предприимчивости, чтобы был, наконец, изжит извечный порок интернатного воспитания – иждивенчество воспитанников. Мечтаю о тех воспитательных силах, которые смогут сформировать чувство достоинства у моих воспитанников в условиях нашей малодостойной жизни. И еще мечтаю о возрождении сокровенного чувства патриотизма на основе восстановления национальных идеалов, чувства ответственности за свою страну, ее будущее.

«Воспитание школьников».- №1,1993.- январь-февраль

Секрет успеха – в педагогически осмысленной организации детского труда

От редакции. *Сыктывкарской агрошколе-интернату для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, известной далеко за пределами Республики Коми, в этом году исполняется 40 лет. Почти четверть века ее возглавляет талантливый педагог и организатор, член-корреспондент Российской академии образования, академик Академии творческой педагогики Александр Александрович Католиков. Ему присвоены высокие звания заслуженного учителя СССР. Недавно он стал также кавалером ордена «За заслуги перед Отечеством» III степени.*

Сердечно поздравляя Александра Александровича, который является также членом редколлегии нашего журнала, с высокой наградой, мы попросили его поделиться с читателями своим богатым опытом работы по подготовке воспитанников к жизни и созидательному труду.

В нашей агрошколе-интернате живут дети, оставшиеся без попечения родителей, хотя большинство из них – это сироты при живых отцах и матерях, которые лишены родительских прав или отбывают наказания за уголовные преступления. Немало ребятишек «отказных», брошенных.

Так уж случилось, что к моему приходу в школу-интернат в 1973 году рухнуло все ее хозяйство: не работала канализация, тек водопровод, износилась электроарматура. На даче в Межадоре покосился клуб, заросла сорняками территория. Больше половины детей страдали желудочными заболеваниями.

Для восстановления донельзя запущенного интерната потребовалось в те времена немало усилий. Нашли деньги, технику, строителей. Им помогали педагоги и старшеклассники. Решили отказаться от традиционной системы размещения воспитанников: этаж – мальчики, другой – девочки, начали перестраивать спальный корпус по квартирному типу. Каждой группе воспитанников – квартиру с уютными спальнями, раздевалками, большой игровой комнатой, умывальниками, бытовыми помещениями, чайными и т.д. Поражала активность участия самих детей в планировании работ, их заинтересованность в быстром выполнении задуманного.

За месяц проложили новую канализацию, о которой мечтали многие годы. Отремонтировали и открыли свою баню (раньше приходилось ездить в городскую баню, что особенно трудно зимой).

В этой работе закалялись взрослый и детский коллективы, строились новые, дружелюбные отношения. Взрослые и дети раскрывались друг другу с ранее неизвестных сторон.

Сколько было потом радостных встреч в обновленных стенах своего дома! Впервые старшие ребята проявляли себя как хозяева, объясняя малышам правила бережного отношения к школьному имуществу. Ведь весь этот ремонт был выстрадан ими.

А самое главное то, что дети начали жить в своих квартирах группами, полностью отвечая за новое жилье; мальчишки и девчонки стали больше общаться между собой, возникали семейные взаимоотношения. Малыши играют в уютных групповых гостиных, подростки собираются на чаепития, смотрят телевизор, проводят вечерний досуг. Между девочками и мальчиками, юношами и девушками культивируются чистые отношения братьев и сестер, заботы, взаимопомощи, внимания и понимания, чуткости и поддержки.

В последующие 20 лет мы также все время что-то ремонтируем, строим, но первый год остался в памяти как необыкновенно трудный и значимый в создании и укреплении нового коллектива интерната. Реконструировали учебный корпус, создали учебные кабинеты и хорошо их оборудовали; укрепили производственную базу кабинета биологии, построили теплицу, здание ангарного типа для домашних животных; отремонтировали столовую и кухню – теперь все питаются в одну смену; построили гаражи и склады одежды. Нет ничего сильнее в самоутверждении личности взрослого и ребенка, чем хорошо организованный, дающий реальные результаты труд.

Большим подарком для нашего интерната стало строительство нового спального корпуса, который был заселен в 1990 г. В нем разместились дошкольное отделение, квартиры для учащихся IX - X классов, великолепный медицинский блок с оборудованием, близким к городской поликлинике, новый спортивный блок с плавательным бассейном, своими силами в подвале оборудовали тир. Теперь у нас воспитывается около 250 детей с 2 до 18 лет.

В Межадоре, на нашей круглогодичной базе отдыха и труда, за последние годы сформировалось крепкое учебно-опытное хозяйство, позволяющее обеспечить детей и работников интерната овощами, молоком и частично мясом. Но главное, дети приучаются здесь к созидательному труду, проходят производственную практику по программам агрошколы. За 30 лет наша маленькая дача превратилась в целый детский городок, в котором теперь есть все, что необходимо для нормальной жизни. Зимой в теплых корпусах размещаются 240 ребят, а летом 400. Тут и два клуба, баня с сауной, просторная столовая, гаражи, вело-мотоклассы, ангары для техники, станция ГСМ, водонапорные башни, теплицы, животноводческие помещения. Сейчас у нас 15 дойных коров и 15 телят, около 100 поросят, 50 овец, 4 лошади и уйма мелких птиц и животных: кроликов, кур, индюшек и др.

Территория центральной базы учебно-опытного хозяйства 30 га, из них 2,6 га занимают цветники и опытные участки с теплицами; пахотных земель около 100 га, столько же лугов; лесное хозяйство – около 700 га, где располагается закрепленный за на-

ми ботанико-зоологический заказник «Межадорский». Вся эта территория закреплена за интернатом постановлением Правительства Российской Федерации и располагается в Сысольском районе Республики Коми.

Ежегодно на лето мы создаем трудовые бригады, в том числе и строителей. Приехал к нам однажды наш большой друг, управляющий Республиканским трестом сельского строительства С.Н.Кобыляцкий. Внимательно оглядев новостройки, Станислав Назарович спросил: «Кто это вам все строит? В сметах я вашего лагеря не видел. Никто за вас не отчитывался...» А ребята отвечают: «На нас работает Комисамстрой». Посмотрел он на нас подозрительно: «А что это за организация такая – Комисамстрой?» Ребята рассмеялись и объяснили: «Это значит – сами строим».

По-отечески заботились все эти годы о нашей школе работники объединения сельхозтехники, производственно-технического управления связи Коми агропрома. С их помощью у нас появился свой транспорт, строительные краны, погрузчики, телефонная станция, радиоузел.

Однако дом наш крепок прежде всего теми, кто, не жалея сил и времени, воспитывает, учит детей, любит их, как родных. Наш педагогический коллектив – это не только педагоги-профессионалы, но и повара, ночные нянечки, уборщицы, шоферы, – все взрослые, кто в ежедневном общении с детьми своей участливостью, честностью, вниманием, сердечностью взращивает в них трудолюбие, добро, человечность.

Постоянная наша работа – расходы на питание. Цены постоянно растут, и выделяемых средств не хватает. Поэтому и стали мы развивать свое хозяйство. Первый участок под картофель копали лопатами, потом сажали под плуг, который тянула лошадь; наконец приобрели маленький трактор и картофелесажалки. Весь урожай шел к нашему столу. Ребята, отправляясь в поле, шутили: «Идем на подвиг ради своего живота!»

Хозяйство наше росло, управляться с ним становилось все труднее, но зато и гордиться было чем. Сегодня на питание мы тратим более 15 000 рублей в день на человека.

Все дети по-прежнему активно занимаются сельскохозяйственным трудом. Прибыль, получаемая от подсобного хозяйства, помогла нам организовать краеведческую работу. Наши воспитанники ежегодно путешествуют по стране. На своих автобусах они объехали весь Крым, Украину, Карелию, Золотое кольцо, были в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Владимире, Кирове. Дважды побывали в Болгарии, посетили Финляндию. Школьный ансамбль ложкарей гастролировал во Франции.

Наши юные лесоводы во главе с Л.М.Дымовой совершили две увлекательные экспериментальные экспедиции на Горный Алтай, привезли коллекцию цветов, саженцы на целый кедровник в окрестностях лагеря.

Часто спрашивают, как мы одеваем воспитанников. Помню, раньше только и думали, как бы купить что-нибудь подешевле, а значит похуже. Теперь же на наших ребят любо посмотреть. Стараемся, чтобы у каждого был свой индивидуальный гардероб, поэтому 2-3 одинаковых вещей не приобретаем. Заказываем одежду в ателье, шьем, вяжем, обновляем.

А одежда требуется на все случаи жизни: и школьная форма, и парадная, и рабочая, и домашняя, и спортивная, да еще и на каждый сезон! А если учесть, что на ребятах все горит да и растут они не по дням, а по часам, новых вещей не напасешься. Нужно беречь старые вещи, содержать их в таком виде, чтобы можно было передать младшим братишкам и сестренкам. Но привить такое отношение к своему гардеробу нелегко: привыкли наши воспитанники жить на всем готовом. Знают: разорвали, испачкали, потеряли что-то – получат новое. Чтобы наши дети не выросли потребителями и транжирами, нужно, очень нужно им знать цену вещам.

Да, мы теперь живем богаче, но строжайшая экономия во всем остается нашим главным законом. Как правило, ребята носят одежду дольше положенного срока. К малышам переходят вещи, из которых выросли старшие.

Отдельная тема – борьба за здоровье детей. У нас сегодня в штате 3 врача и 12 медсестер. Да это и понятно, если учесть, что 95% воспитанников пришли к нам с хроническими заболевания-

ми, из них 80% – с поражением центральной нервной системы. Поэтому мы и открыли у себя физиотерапевтический кабинет, ингаляторий, зубной кабинет, 10 лечебных ванн: радоновых, хвойных, гидромассажа. Новый изолятор оборудован как минибольница. Здесь есть комната для игр, небольшая столовая, процедурная, пост дежурной медсестры, в каждой палате – ванна, туалет, умывальник. Поэтому практически только на рентген дети ходят в городскую поликлинику.

Медицинское оборудование имеется и в оздоровительном лагере, в том числе и диффузорный распылитель. Может, кто-нибудь видел медовые ингаляции? В центре небольшой комнаты установлен распылитель, вокруг него садятся 20 детей и дышат целительным туманом.

Дважды в год все воспитанники проходят диспансеризацию, всесторонний врачебный осмотр. В последние годы стало легче и с санаторными путевками для детей. Но всех, кто нуждается в них, мы, конечно обеспечить не можем, поэтому в течении учебного года в каждой группе 1-2 раза проводим санаторное лечение непосредственно в интернате. На этот период создаем специальное расписание и, самое главное, целый ряд прописанных и профилактических процедур в своем медпункте. Посмотрели в Финляндии и начали строить у себя на базе бассейна комплекс водных процедур и сауну.

Большое значение мы придаем летнему оздоровлению, закаливанию детей. Помню, в начале моего директорства главный врач детской поликлиники, побывав у нас в лагере, прямо оттуда позвонила главному врачу санэпидстанции: «Это безобразие! У него тут все дети босые, на улице всего 17 градусов, а они без обуви бегают! Что же это такое? Кто будет отвечать, если что случится?» Но мы считаем на то и лето, чтобы побегать босиком. Как только позволяет погода, разрешаем массовое купание. Зато зимой они у нас меньше простужаются, болеют ангинами, гриппами, ОРЗ.

Упоминания выше о Межадоре, мы уже отмечали, что для нас особенно важно, что это база не только полноценного отдыха наших воспитанников, но и подготовка к труду. Когда меня

спрашивают: «Как вы прививаете детям любовь к труду?» – отвечаю: «Мы не любовь к труду прививаем, а воспитываем у них потребность в труде и привычку к работе как основу будущего счастья каждого человека».

Для младших ребят организован колхоз «Малышок». У них есть свои подшефные животные, отдельные грядки под овощи. Для них мы устраиваем праздник «Первая морковка». Когда на поле вырастает первая тоненькая морковь, ее надо прореживать. Тогда старшие везут баки с кипяченной водой, ставят их между грядками, а малыши дергают первую морковь, моют и едят.

Иногда рано утром идешь по территории, смотришь – малыш тащит ведерко.

– Ты куда идешь? Все спят еще.

– Я должен кроликов покормить...

Оборотная сторона работы – чувство ответственности.

На наши поля выходят 18 тракторов, но их не хватает. Каждый вечер на совете бригадиров идет за них «драка»: кому-то надо срочно рассаду везти, другому поле дисковать, третьему еще что-либо делать...

Вот уже несколько лет мы не только полностью обеспечиваем себя овощами и картофелем, но и продаем излишки горожанам. Наш урожай идет нарасхват. В августе везем на продажу картофель. Выкапываем его рано утром, моем, укладываем в красивые ящики и попутной машиной везем в Сыктывкар. За осень продаем 20 тонн картофеля по цене значительно ниже рыночной. Любой магазин согласен взять нашу продукцию. На нее очередь стоит, люди ждут, когда из интерната картофель и овощи привезут.

Охотно раскупают и нашу цветочную рассаду. К цветам у детей особенно трепетное отношение. Незатейливые анютины глазки, яркие ноготки, величественные дельфиниумы отогревают их душу. Гляжу, как-то утром сидит на корточках маленькая девочка и гладит тоненьким пальчиком нежный лепесток цветка. На следующее утро опять. А Игорь Леонов, уже юноша, тоже загляделся на этот цветок и удивленно сказал: «Он на солнышко похож...».

Первым главным цветоводом была у нас третьеклассница Катя Безносикова. Развели тогда девочки огромное количество цветов. Однажды приехали из города учителя-биологи и удивились их обилию и красоте. Спрашивают, какое образование у нашего главного цветовода. Тут и подводят к ним Катю Безносикову с незаконченным начальным образованием. А сейчас Катюша окончила медицинский институт, врачом стала.

Главным организатором сельскохозяйственных работ на даче, безусловно, является Л.М.Дымова. С раннего утра до позднего вечера она на полях, в теплицах, в зоопарке, на цветниках. И всегда вместе с детьми. Учит, сама трудится, тетради наблюдений проверяет, конкурсы проводит. И так весь год. Людмила Михайловна – заслуженный учитель школы РСФСР и Коми АССР, не раз награждалась медалями ВДНХ СССР.

Общественно полезная деятельность детей строится по коллективному принципу. Действуют разновозрастные бригады, насчитывающие 5-6 человек во главе с бригадиром. Каждая бригада имеет свой участок. Одни выращивают цветы и овощи, другие занимаются животноводством или строительством, третьи – поливом или вождением тракторов и сельхозмашин. Отдельные трудовые поручения выполняют сводные отряды. Малыши по утрам с ведерками в руках убирают лесной мусор на территории лагеря, а потом идут в лес за грибами, ягодами и лекарственными травами.

Старшие проводят опытническую работу по выращиванию в условиях севера гладиолусов, дельфиниумов, некоторых видов овощей. Эта работа идет под руководством ученых Института биологии Уральского научного центра. Дети заняты трудом 5-6 дней в неделю по 2-3-4 часа.

Трудовой день лагеря начинается... накануне вечером. Ежедневно в 20 ч собирается совет бригадиров – главная исполнительная власть. Чтобы оценить его значение, нужно побывать на этих заседаниях. Вот перед советом один за другим проходят бригады: серьезная Наташа Егорова, живая и неравнодушная ко всему Алла Каримова, работяги Сергей Иванов и Сергей Холопов, неугомонный и задиристый Слава Мяус... В обсуждении

прошедшего трудового дня и планировании будущего участвуют и вожатые, но у них право совещательного голоса. Такой порядок заведен давно.

В июле у нас большой трудовой праздник – сенокос. Надо и обеспечить сеном свое хозяйство, и помочь совхозу «Межадорский». В эти дни на полях занято свыше 200 человек – и взрослые и дети. Коротко северное лето, и надо успеть все сделать в срок. Младшие сено ворошат, средние копны делают, старшие возят их на волокушах и стогуют. Во время отдыха вместе пьют клюквенный морс, вспоминают забавные истории, и у всех ощущение праздника.

В конце июля начинается черничный и грибной сезон. Объявляется поход за ягодой, норма – четыре литра на каждого старшего воспитанника, пол-литровая банка – для малышей, стакан – для дошкольников. В добрые годы запасаем по тонне черничного варенья. Все наши дети хорошо знают грибы и любят их собирать.

Помощь шефам и совхозу – забота особая. Ребята часто повторяют: «Работаем для себя». А ведь необходимо, кроме того, уметь бескорыстно работать для других, приносить помощь людям. Как-то осенью убирали картофель на полях совхоза «Межадорский». Немного осталось, и вдруг трактор на поле появился. Тракторист кричит: «Разойдитесь, запахивать поле буду!» Ребята хоть и устали, бросились к нему, начали убеждать, что нельзя картошку запахивать, пока всю картошку не выберут. Наши воспитанники выращивают для совхоза борщевик, разбивают цветники на улицах совхозного поселка, работают на полях Института биологии Уральского научного центра и т.д.

Мы не представляем свое хозяйство без техники, а воспитание ребят, особенно трудных, – без работы с ней. Одним из наказаний является временное отстранение от техники. Даже один-два дня это уже страдания, обдумывание своего поступка, ущерб достоинству. Появляется интерес к машинам, механизмам, просыпается смекалка и инициатива, начинается творчество. Как-то приехав в лагерь, я заметил, что Вова Попов разбирает новый трактор. Подойдя поближе и увидев рядом с тракторным остовом

груду металла, я остолбенел... Вова, тогда семиклассник, несколько перепугался тоже, но заверил меня: «Не волнуйтесь, я его соберу». И собрал, да так, что трактор стал работать лучше прежнего! Володя был и остался нашим лучшим трактористом. Он окончил сельскохозяйственное училище и после армии вернулся в интернат. Теперь уже учит ребятишек обращаться с техникой.

Мы посчитали, что за последние 20 лет только на одном ремонте своего лагеря мы сэкономили огромную сумму денег. Ремонт проводим сами, какая-то сумма идет на зарплату детям. Поскольку ребята сами возят стройматериалы, сами строят, отделывают, то ни у кого из них рука не поднимается, чтобы что-то отломать, оторвать, испортить. Наши воспитанники хорошо понимают смысл своего труда еще и потому, что в течении всего года получают дополнительное питание за счет выращенных ими овощей и фруктов, а также собранных грибов и ягод.

Есть ли у нас проблемы в трудовом воспитании детей? Естественно. Как-то приехал к нам корреспондент местной газеты, чтобы написать о труде воспитанников. Посмотрел кругом и заскучал: «Ну о чем тут писать-то? Дети работают себе и работают». Этот вроде бы незначительный повод заставил нас задуматься о том, какова та педагогическая технология, которая делая столь сложную организацию трудового воспитания внешне простой: работают ребятишки, никто их не подгоняет, порой и воспитателя рядом нет, а дело спорится.

Отрабатывать до деталей технологию вовлечения ребят в трудовую деятельность нас вынуждал постоянный приток новых воспитанников, презирающих любую работу. Они не хотели палец о палец ударить. Поступила к нам в IV класс Надя К. Лето было в разгаре. Ее одноклассницы выращивали цветы в лагере. Повозилась она ими несколько дней и закапризничала. Перевели в овощеводы, потом в животноводы, а толку мало – не хочет она себя утруждать. «Я нигде не хочу работать, – заявила она. – Дети летом должны отдыхать».

Другой новичок, Алеша С., приехал к нам вместе с матерью. Она стала работать ночным сторожем. Леша быстро сообразил,

как воспользоваться сложившимся положением. На грядках, где росла капуста, он попусту проводил время, а его мать ночью выполняла его норму.

А с Сашей С. произошла чуть ли не детективная история. Его участок с цветами находился на спуске к реке. Саша нехотя ковырялся в земле. Конечно же, цветы от этого не становились лучше. Вдруг однажды ребята услышали радостный вопль: «Провалился! Провалился!» Бросились к нему, думали, что он провалился в реку. А оказывается его участок туда сполз. Не зря Саша много дней устраивал в склоне подкоп.

Отлынивание новеньких от труда не столько страшно само по себе (в конце концов мы прививаем им привычку трудиться), опасно их разлагающее действие на других. В каждой бригаде есть еще ребята с неустоявшимся характером, готовые поддержать дезорганизаторов и лодырей. Разрушительное влияние вновь прибывших детей, отвергающих труд, оказывается тем более опасным, что и воспитатели чувствуют порой свое бессилие. Нередко с болью в сердце видишь, как они стараются и учат лентяев, стараясь увлечь их личным примером, и контролируют их, а все безрезультатно. Ребята, привыкшие к безделью, отлынивают от труда.

Решать эту важную проблему помогает педагогика параллельного действия, разработанная А.С.Макаренко. Мы стараемся находить такие организационные виды труда, которые несли бы в себе дополнительный заряд нравственного воздействия на коллектив и личность. Одним из эффективных механизмов параллельного действия мы считаем соревнование. Чтобы максимально выполнить свои воспитывающие функции, оно должно предусматривать сочетание коллективной и индивидуальной ответственности и строиться на принципе взаимопомощи. У нас, например, бригады цветоводов вместе работают на цветниках, но, кроме того, у каждого цветовода имеется, как мы называем, «персональный участок», обрабатываемый им в свободное время. Вот это и дает возможность учесть отношение каждого к делу.

На стенде соревнования – фамилии всех цветоводов, и против них каждый день вывешиваются замечания по содержанию

персональных участков. Если участок находится в идеальном состоянии, т.е. полит, прополот, взрыхлен, цветоводу записывается одно очко. Чтобы кроме индивидуальной учесть и коллективную (бригадную) работу, условиями соревнования предусмотрено: та бригада, которая отлично справится со своим заданием, должна помочь отставшим, а если более половины членов бригады получат зачетные очки, она может заложить свой «кирпич» в «дом» (на стенде), который «строят 2 все бригады (у каждой «кирпич» своего цвета). В конце лагерной смены награждаются лучшие бригады, заложившие небольшое количество «кирпичей», а также цветоводы, которые набрали наибольшее количество очков.

Что происходит при такой организации соревнования? Работать плохо становится просто невозможно, потому что прежде всего от этого страдает коллектив. Ленивец должен подчиниться его требованиям. В этих условиях самые хронические формы лени и нерадивости преодолеваются довольно быстро. Так, Надя К., о которой мы уже рассказывали, в конце концов вернулась в бригаду цветоводов. По-прежнему она не рвалась на работу, но под влиянием товарищей должна была заставлять себя стараться, когда бригада выполняла общие дела. А ее персональный участок тем временем зарастал сорняками. Ребята стали ее за это ругать. Надя заплакала: «Что я смогу с ними сделать, если они так быстро растут?» Тогда бригада дружно выполола ее участок, не оставив на нем ни травинки. После этого цветоводы тщательно следили, чтобы Надя не запускала участок. Так девочка постепенно стала втягиваться в труд, а в конце лета даже заняла второе место в индивидуальном соревновании цветоводов.

Еще один пример педагогики параллельного действия – организация работы на доверии. Как это происходит у нас? Лучшим, добросовестно работающим микроколлективам на общелагерной линейке торжественно выделяется участок работы, и вся их дальнейшая деятельность строится на принципах самоуправления и самоконтроля. Отстающие бригады оказываются как бы в изоляции. Это, конечно, подстегивает их, заставляет выкладываться, чтобы заслужить право на доверие.

В педагогической литературе идея межколлективных связей в трудовой деятельности детей представлена чаще всего принципом ответственности за общее дело. Допустим, ребята одного отряда работают звеньями, но задание поручено коллективу в целом. Тогда успех отряда зависит от успехов каждого звена. Этот принцип общей ответственности мы используем, организуя общественный труд в лагере. Пять бригад цветоводов, соревнуясь между собой, несут ответственность за одно общее дело – выращивание цветов. Так же работают три бригады цветоводов, пять бригад овощеводов.

Но принципа для установления межколлективных отношений нам показалось мало. Как обеспечить связи между бригадами, например, цветоводов и электриков, животноводов и строителей? Как сделать, чтобы они чувствовали общую ответственность за результаты трудового лета, общетрудовые дела всего Межадора.

На сплочение коллектива и направлен принцип пересеченности в трудовых поручениях бригад. Он означает, что каждая из них, имея вполне самостоятельный участок работы, в каком-то звене обязательно пересекается, соприкасается с трудовыми делами других бригад. Так, бригады по выращиванию капусты оказались в зависимости от качества поливальщиков. В свою очередь, они находятся в зависимости от установщиков поливальной техники, а те – от качества работы электриков и т.д. И все эти непрерывные длительные взаимодействия между коллективами, а также между коллективом и личностью происходят как бы сами собой, без видимого участия взрослых.

У А.С.Макаренко есть рассказ об особом приеме педагогики параллельного действия, когда он формировал разновозрастные отряды по принципу «кто с кем хочет». После распределения ребят по отрядам оставалось 10-15 человек, которых никто не хотел брать. Открывалась картина внутриколлективных личностных взаимоотношений. Мы используем этот прием для активного параллельного влияния на личность.

Дважды в Межадоре на заседании совета бригадиров был поднят вопрос о неравномерном распределении сил по бригадам: в одних - трудолюбивые и честные ребята, в других – лентяи. Дав

согласие на перераспределение бригад, мы собрали в клубе общее собрание воспитанников, на котором объяснили смысл возникшего недовольства. Бригадиры вышли на сцену и стали записывать на доске фамилии тех ребят, которых они хотели бы видеть в свих бригадах. Какая настороженная тишина установилась в зале! Вытянув шеи, каждый напряженно следил, записал ли его фамилию кто-нибудь из бригадиров. Радовались, когда это случилось. А те, кого не взял в бригаду никто, помрачнели. Таких оказалось 7 человек. Мы потребовали от бригадиров включить этих ребят в свои коллективы. Бригадиры заспорили: кому кого брать? А из зала кричали: «Не бери Лешку за него мать работает!», «Не бери Вишератина, он не работает, а на солнышке греется!» Для этих семерых ребят это было сильнейшим потрясением – ведь их отлучили от коллектива, считали плохими товарищами, ненадежными людьми. И хотя прием «кто с кем хочет» не может применяться часто, он, отражая позицию коллектива по отношению к отдельной личности, помогает выявить отдельную оценку поведения воспитанника, побуждает к самопознанию и самовоспитанию, позволяет увидеть негативное в своем характере.

Во время встречи с учителями в телестудии «Останкино» один директор упорно добивался «Вот вы все о деятельности толкуете. А какая у нас в интернате может быть деятельность, если мы все силы бросаем на то, чтобы в коллективе была хотя бы элементарная дисциплина?» От такого вопроса можно оцепенеть. Не нужно быть теоретиком педагогики, чтобы осознать азбучную истину: воспитание ребенка, в том числе и его «дисциплинирование», невозможно вне деятельности. При всем напряжении мысли я не могу представить себе, какими путями «дисциплинируют» педагоги детей, находящихся вне ответственно полезной деятельности. Очевидно, им не на что уповать, кроме словесных назиданий, на которые у детей давно сформировался устойчивый стереотип противодействия. Кажется, это совсем уже ясно. Но почему же до сих пор в школах продолжают считать главным средством воспитания «словесную жвачку»?

Я не отрицаю само слово как средство воспитания (без этого вообще немыслим воспитательный процесс), но важна форма, в

которую слово облекается. Живучесть морализирования, поучения, наставления, угроз, проработки, указания и т.п. объясняется видимостью «принятия мер», нежеланием напрягаться в поисках методов подлинного воспитания. Сиди себе на стульчике и взывай: « Как тебе не стыдно!» – а ребенок, стоящий перед тобой, пусть внимает и воспитывается.

В последнее время в нашей печати обращается немалое внимание на так называемые неформальные объединения молодежи. Я насчитал уже не менее двух десятков причин их породивших. Среди них, думается, одна из главных – неудовлетворенность молодежи той деятельностью, которая организуется в школе. Пытались и наши ребята отдать дань моде и создать неформальное объединение «металлистов». Обвесились разными железками, вплоть до скрепок для бумаг. Смотрю, что дальше будет. Вижу, на трактор парень лезет, а «металл» мешает. Идет снег чистить – опять мешает... Так и закончилась в нашем интернате бесславная попытка создать неформальное объединение.

Некоторые утверждают, что радость и труд – понятия несовместимые. Знаю это и по себе, и по детям, вижу, как счастливы они бывают, когда работают на нашей даче в Межадоре. А разве в городе негде приложить руку ребятам? Посмотрите, во что после оттепели превращаются улицы? Сплошная ледяная горка. Разве не могут на полчаса выйти после уроков подростки на улицу, ту, где их школа, и очистить асфальт, песком посыпать? Для наших воспитанников, например, это само собой разумеющее дело. Они меня измучили: «Давайте известь, побелим бордюры пешеходных дорожек!» «Да ведь дожди же идут, – говорю им, – завтра все смоет!» А они свое: «Пусть хоть один день да красивой будет улица. Завтра снова побелим!»

Разве не с любви к дому, улице, на которой живешь, к городу своему начинается чувство Родины? Кто, кроме нас, наш город красивым сделает? Неужели для этого надо взрослых от работы отрывать, субботники организовывать? И ведь проводим: папы и мамы деревья сажают, а их дети эти деревья ломают. А вот если бы они эти деревья вырастили, ломать-то было бы жалко.

В чем мы видим смысл этой деятельности? В реализации идеи воспитания гражданина, социально зрелого, осознающего свое общественное назначение, приспособленного к жизни и занимающего в ней активную позицию.

Как-то по центральному телевидению был показан фильм «Без оркестра». С недоумением слушали мы с экрана выпускников интерната, которые сетовали на то, что они не подготовлены к жизни, не умеют ни чай заварить, ни судьбу свою устроить. Наши ребята были искренне удивлены этому.

Социальная деятельность складывается из больших и совсем, казалось бы, незначительных дел. Было время, когда я возмущался, если воспитатели посылали детей в магазины. Потом мне пришлось извиняться перед ними: ведь подобные задания формируют у ребят необходимые социальные умения, они узнают, сколько стоят вещи, продукты, как нужно деньгами распоряжаться. Ребята отправляют на почте телеграммы и посылки выпускникам, служащим в армии. Они содержат в чистоте улицу и автобусную остановку. Жители ближайших к нам домов хорошо знакомы с нашими детьми. Они и огороды старикам вскопают, и продукты принесут, печь истопят и пищу приготовят. А многие ли «домашние» дети справятся с такими делами?

В социальном становлении коллектива большое значение мы придаем совету чести. В состав его тайным голосованием избраны пятеро воспитанников и четверо учителей (и никого из администрации). Совету чести дано право разбирать все нравственные конфликты в интернате. В людских отношениях они неизбежны: виноваты могут быть и дети, и взрослые. И я, директор, могу быть виноват. Совет чести выясняет причины конфликтов, без его решения никто не может быть наказан. Не думайте, что это заигрывание с детьми. Это, в сущности, чисто житейский метод воспитания – опять же по семейному подобию. Представьте себе: собрались вместе отец, мать, сын, дочь и ведут доверительный разговор, не тая друг от друга обид. Такой разговор, согласитесь, свидетельствует о высоком уровне развития нравственных отношений в коллективе, уважении достоинства каждого – и ребенка и взрослого.

К социальной деятельности мы относим и подготовку к будущей семейной жизни. Малыши играют в куклы, составляющие «семейный комплект»: папа, мама и дети. В каждом классе есть полный набор столовых приборов, самовар, чайные и обеденные сервизы. Здесь нередки семейные чаепития с гостями. Девочки увлеченно занимаются в кружках домоводства, все они умеют шить, вязать, стряпать. И мальчики стараются не отстать и тоже шьют, и кулинарят. Проводим мы уроки семейного этикета для старшеклассников. Это деловые, ролевые игры, в которых подростки учатся понимать отношения в семье, ладить с близкими, уступать им, рационально составлять и расходовать семейный бюджет и т.д. Главное, в чем мы видим социальную подготовку к семейной жизни, – это культивирование между мальчиками и девочками, между детьми и взрослыми чуткости, заботы, внимания друг к другу.

Опыт подтверждает, что девятиклассников особенно трудно вовлечь в социальную деятельность. Я давно замечаю возникающую у подростков именно в этом возрасте непредсказуемость в поступках. У них резко обостряется чувство собственного достоинства, они насторожены, бурно реагируют на открытые попытки взрослых «воспитывать» их, бравируют своей взрослостью и в то же время пытаются поглубже спрятать внутреннюю растерянность и неуверенность.

Однажды я собрал девятиклассников и сообщил им, что совхоз подарил нам трех лошадей. «Кто хочет за ними ухаживать?» – спросил я. Мальчишки презрительно хохотнули: «Что, вы из нас конюхов хотите сделать?» «Ну, не хотите, не надо, предложу семиклассникам». Прихожу на следующий день в интернат – в дверях кабинета меня ждет Саша Кузьвасев, девятиклассник. «Ты что тут стоишь?» – «Вас дожидаюсь, хочу за лошадьми ухаживать, а со мной еще Доронин и Пшенный...»

Этот эпизод подтверждает ту мысль, что девятиклассники, воспитывающиеся в интернатах, находятся в состоянии стресса, обостренной тревоги из-за ожидания перемен в своей судьбе. Ведь некоторым из них предстоят выбор и получение профессии, привыкание к совершенно новым людям, условиям жизни. А им

только 14-15 лет, это еще дети, не готовые ни психологически, ни социально, ни материально к роли взрослых. Поэтому, я думаю, надо оставлять детей и в интернате и после IX класса, помогая им получать среднее образование или профессию.

У нас был такой случай. Наш выпускник Саша Сажин, отслужив в армии, вернулся на первый курс Тюменского медицинского института. Приехал в интернат после демобилизации в солдатской форме. Надежды на помощь родственников у него нет. Что делать – ведь студент института. Мы одели парня, правда, не совсем законно – пришлось искать подходящую статью расходов для этой непредвиденной траты.

А ведь такие ситуации надо предвидеть, т.е. на каждого выпускника должна быть какая-то сумма денег, чтобы поддержать его материально на первом этапе самостоятельной жизни.

Уже пять лет в школе работает свой «банк», создана целая система экономического стимулирования учебной и воспитательной работы. Теперь мы каждому воспитаннику, начиная с IV класса, платим зарплату за участие в производственном труде. Часть ее выдается на карманные расходы (покупка конфет, фруктов), а другая (большая) считается неприкосновенной и переводится на личный счет. Правда, иногда приходится нарушать неприкосновенность этих денег, если их хозяин нанес ущерб интернатскому имуществу. Тогда мы ему говорим: «Ты сломал стул. Вот тебе деньги из твоего фонда, купи для интерната новый стул». Он его покупает и бережет так, будто это его любимое персональное кресло.

Я считаю, что у ребенка должны быть лично им заработанные деньги, которые он имеет право тратить по своему усмотрению. Мы учим ребят распоряжаться своими деньгами. Денежная политика в интернате – суть воспитания бережливости, рачительности. «Вот, ребята, мы сэкономим на том, на этом, чтобы летом новый дом на даче построить». Такое объяснение всем понятно, и мы собираем нужную сумму по крохам. Нельзя сидеть на шее у государства и жить иждивенцами, надо уметь работать самим и учиться хозяйствовать. Ведь если убрать из жизни детей

трудности, предоставлять им все готовенькое, кого мы воспитаем?

Был как-то у меня с коллегами трудный разговор. Пришли воспитатели начальных классов и требуют, чтобы я разрешил списать парадные костюмы, вполне приличные, потому что они надоели детям. Я спрашиваю:

– Что значит надоели? Ведь они еще в хорошем состоянии, а за счет того, что мы не покупаем одежду малышам, бережем ее, мы старшим ребятам покупаем полушубки, а девочкам, которые в этом году поступают в институт, купили шубы. Это же надо как-то сбалансировать.

Оттого, что наши дети бережно относятся к одежде, у них давно есть два е вида – пальто для улицы (у нас малыши зовут их «гуленные», с горки на них катаются, на катке) и новые, для «выхода в свет».

Если наши выпускники выходят замуж или женятся, мы им готовим подарок. Туда входят и одеяла, и матрацы – в общем, все, что надо, и главное – книги. На свадьбу от нас обязательно идут представители – пусть посмотрят, как в загсе расписываются, пусть увидят свадьбу, жениха и невесту.

Наш школьный «банк» не только учитывает заработанные деньги, но и проводит большую экономическую работу в группах, анализирует участие каждого ученика в трудовых делах. Раз в месяц у нас проводятся школьные ярмарки. Старшие воспитанники в город ходят свободно, бывают в магазинах, что-то им хочется приобрести. Мы записываем их просьбы, все покупаем и продаем на интернатской ярмарке – от модных пальто до мороженого. Каждый заходит со своей чековой книжкой и может выбрать любой товар. Продавцы – тоже наши воспитанники. Они выдают товар, отмечают его цену в чековых книжках. Интересно наблюдать за ребятами. Заказав определенную вещь, они тщательно присматриваются; нельзя ли взять что-нибудь практичное, решают, действительно ли им это нужно. Они берегут деньги, стараются быть экономными, соизмеряя сумму в своей чековой книжке с ценой вещи, которую хотели купить. Умение согласовывать потребности с возможностями чрезвычайно важно для

воспитанников интернатских учреждений, где может пышным цветом расцвести иждивенчество и потребительство. И немудрено, уехав из школы-интерната, оказаться в клубке противоречий между потребностями и возможностями – ведь 15 лет жили на всем готовом. Мы стараемся предупредить эту жизненную коллизию.

Однажды был такой случай. Работали мальчишки IV класса – прокладывали в лагере водоотводную канаву. Трудились добросовестно. Слышу, говорят между собой, что наверняка по пять тысяч заработают. А после обеда пошли в наше экономическое бюро, там посчитали и сказали, что каждый получит всего около тысячи рублей. Как они были возмущены! Так работали, а получили по тысяче! Показали им расценки, определили стоимость их труда. Оказалось, все правильно. Трудились они хорошо, но много было неурядиц, неправильно расставили рабочую силу, не обеспечили себя нужным строительным инвентарем. Да и ценится ручной труд дешево.

Кстати, А.С.Макаренко предупреждал, что воспитывает не только сам труд, сколько его организация. Но кто будет осуществлять ее? Мы считаем, что в большей степени – сами дети. Только нужно их подготовить, чтобы они понимали, как дело организовать, как рационально распределить рабочие места, как подготовить инструмент, обеспечить качество и результаты труда.

В нашей агрошколе-интернате ребята регулярно выпускают свою «Экономическую газету». Выходит она уже десятый год. И без указаний свыше. Темы статей – максимально приближены к жизни коллектива. В одном из номеров, например, под рубрикой «Сколько стоит «бесплатно»?» заметка о том, во сколько обошелся кабинет математики. Названа внушительная сумма. Выходит надо беречь оборудование, и дети это понимают.

Экономическое обучение ведется непосредственно на уроках. Скажем, решая задачи по математике, ребята узнают, что наше межадорское хозяйство рентабельно. Они думают над тем, как получить большую прибыль.

В планах на будущее – производство торфоперегнойных горшочков, строительство больших новых теплиц, цехов – кули-

нарного и швейного. Но самое главное – задумана у нас своя лаборатория для творчества в изобретательстве. Будем «ковать» творческие личности. А для этого необходима развивающая личность деятельность. Как ее организовать так, чтобы она стимулировала развитие ребенка, вела его от простых умений к более сложным, закрепляла полезные навыки, воспитывала потребность в труде и учении, выявляла и реализовывала способности и дарования, приносила, наконец, радость?

Организуя любую деятельность, мы исходим из принципа постепенности. Дети вовлекаются в труд с самого раннего возраста, при этом мы последовательно усложняем им задания. Я уже упоминал, Что малыши собирают ягоды, грибы, лекарственные травы, у них есть свой колхоз; подростки ставят опыты в теплицах и парниках, ведут исследовательскую работу с овощами и цветами; старшеклассники переходят на производственные участки, где труд фактически полностью механизирован.

Задания для опытнической работы мы получаем от сотрудников Института биологии Уральского научного центра и Сысольской семенной станции. Распределяя их, учитель биологии учитывает возраст детей и изучаемый ими материал. Кажется, несложное задание – определить влияние светового дня на рост редиски. А для малыша это настоящее открытие. Ведь он видит, что на соседней грядке, где световой день не наблюдался, редис весь вышел в стрелку. Такая работа пробуждает познавательную активность, интерес к сельскохозяйственным профессиям.

Подростки выполняют опыты по интродукции растений, исследуют посевной материал. В последнее время ребята занимаются изучением роста урожайности помидоров и огурцов под влиянием радиактивного облучения семян. Зайдешь в теплицу с помидорами, а там рядом с кустами стоят таблички – «100 радиан», «200 радиан», а юннаты в блокноты свои наблюдения записывают. Недаром им вручено более 50 медалей ВДНХ СССР, а наш биолог Л.М.Дымова награждена бронзовой и серебряной медалями выставки за развитие опытнической работы.

Опытничество естественно включается в учебный процесс, что создает благоприятные условия для развития детей. На уроке

биологии трудно понять, кто его ведет: Людмила Михайловна или ученики, которые летом экспериментировали, изучили проблему в теоретическом плане, а теперь самостоятельно обосновывают практические рекомендации.

Исключительно богатыми возможностями для развития детей обладает экологическая деятельность. Мы занимаемся охраной природы в Межадорском заказнике, проводим санитарную рубку леса. Отряды голубого и зеленого патрулей следят за разведением рыб в реке, зимой долбят лунки от заморов, весной высаживают саженцы кедра. Третий год мы обустраиваем экологическую тропу.

Приехала к нам в лагерь испанская делегация. Повел ее по экологической тропе Вася Стогов, ученик V класса. Он самый активный строитель этой тропы. И сколько же в нем было достоинства, когда он объяснял гостям: посмотрите налево, здесь заповедная зона. Посмотрите направо, здесь растения, занесенные в Красную книгу, их рвать нельзя. Обратите внимание на разрез почв... А тут вы можете отдохнуть, полюбоваться пейзажем...

Всякой деятельности мы стараемся придать максимально развивающий характер. Например, туристский поход. Я не встречал детей, которые бы от него отказались. Казалось бы, какое тут развитие? Шагай себе да отмеряй километры. Ну искупались, наелись ягод, насобирали грибов, испекли картошку, порыбачили. А сколько, оказывается, добрых дел можно сделать в походе! Очистили берег реки, привели в порядок кусок леса, не сломали ни одного свежего сучка, не оставили после себя ни одной бумажки. А уж если помогли людям – это совсем хорошо. Во время похода можно рассказать детям о лекарственных травах, цветах, объяснить, как спасать лес от многочисленных врагов, как помочь росту деревьев и т.д.

Меня часто спрашивают, как мы воспитываем в детях гражданственность. Такой вопрос вполне правомерен. Ведь в переломные моменты общества (а сейчас мы переживаем именно такой период) воспитание гражданина должно быть наипервейшей задачей. Что такое гражданственность? На мой взгляд, ощущение личной ответственности за судьбу страны, когда свое «я» оказы-

вается неотделимым от интереса народа. Поэтому и нужно придать процессу воспитания ярковыраженную общественную направленность.

Всю свою педагогическую жизнь я бьюсь над организацией детского труда. Говорят, он не панацея от всех бед. Может быть, и не от всех. Но от многих – это точно.

В нашу агрошколу-интернат приезжают многочисленные гости, и все они, как сговорившись, удивляются чувству достоинства и здоровому мироощущению детей. Откуда берутся эти качества? Не сомневаюсь, они порождены ощущением своей значимости, которое возникает у человека в процессе трудовой деятельности.

Меня пугает утрата внимания к трудовому воспитанию детей. Трудовые летние лагеря закрываются, учебно-опытные участки сокращаются, у детей не воспитывается потребность в трудовых усилиях. Что же будет с нашей страной, с ее будущим, если мы воспитываем не тружеников, а юных перекупщиков и спекулянтов? Загляните на любой базар в городе, вы увидите сотни подростков, перепродающих товар в магазинной упаковке. Разве будут способны эти будущие граждане страны спасти ее честь и достоинство, поднять ее на новый экономический уровень? Ведь этого можно достичь только трудом.

С трудовым воспитанием напрямую связано экономическое. Мы благодарны нашему государству, которое в такое тяжелое время не забывает о детях-сиротах. Но вместе с тем не может учитывать, что наступит момент, когда ребята уйдут из школы-интерната и окажутся один на один с окружающим миром.

В нашей агрошколе-интернате был проведен такой эксперимент. Десятиклассники целую неделю питались самостоятельно. Это было сделано с их согласия. Мы вручили деньги ребятам, дали им продукты. Предоставили им кухню, посуду – готовьте все, что хотите.

В первый день десятиклассники испытывали необычную радость от предоставленной свободы. Они накупили лимонада, наелись пирожных. Но деньги быстро таяли, и ребята стали думать, как жить дальше. У них появились житейская сноровка, искали и

находили продукты подешевле. Пригодились им и кулинарные навыки, полученные в агрошколе-интернате. Хоть и не сразу, но они приспособились к самостоятельной жизни.

Такой же эксперимент на следующей неделе прошел и в XI классе. Эти ребята тщательно изучили опыт десятиклассников и оказались более расчетливыми.

Чем был полезен этот эксперимент? Дети осознали реальную стоимость рубля, поняли, как важно готовить экономно. Между прочим, во время эксперимента они чистили картошку так, что кожура на свет просматривалась, а ведь раньше срезали ее в палец толщиной. Те экономические расчеты, которые они поневоле вели целую неделю, сформировали у них новое понимание трудностей, которые будут сопровождать во взрослой жизни. Мы попросили ребят, участвовавших в эксперименте, написать о том чему, они научились. Ребята искренне рассказали обо всем и сделали вывод: оказывается, питание в агрошколе-интернате замечательное и больше подобных экспериментов они не хотят. Хоть неделя и малый срок, но ее воспитательные результаты показались нам достаточно интересными.

Свою главную задачу наш педагогический коллектив видит в воспитании ответственности у каждого ребенка. Это должна быть ответственность и личная, и групповая, и за большое дело, и за маленькое. Ребенок может отвечать за радиоузел, за отдел в стенгазете, за компьютерные игры – неважно за что, лишь бы он чувствовал себя человеком, ответственным за дело, которое на него возложено. Когда я иду по школе-интернату, то знаю, с кого спросить за перекосившийся стенд, кто виноват, что кричат голодные попугайчики... У нас нет ни одного участка школьной жизни, за который не отвечал бы кто-нибудь из воспитанников. Это обеспечивается системой самовоспитания.

Самоуправление учащихся не означает самоустранение учителей. Некоторые педагоги читают, что для полного самоуправления надо представить детей самим себе. Нет, воспитатель должен быть с ними всегда рядом. Учитель не может самоустраниться, потому что ребенок ему доверяет и всегда ждет от него доброго совета. Он и покажет, и поможет, и похвалит. Он вовремя до-

гадается слегка отстраниться, если ребенок достаточно самостоятелен и инициативен. Он научит организаторским навыкам.

По нашему мнению, нецелесообразно создавать органы самоуправления с намерением включить в них всех детей поголовно. Создаваемые в школе органы ученического самоуправления должны не служить идее поголовного охвата детей, а соответствовать той деятельности, которая целесообразна в условиях данного коллектива и способна вызвать у них потребность участвовать в ней с чувством личной ответственности. Это подвижная, постоянно совершенствующая система взаимодействующих органов детской самодеятельности. Она не может быть создана раз и навсегда, так как находится в прямой зависимости от устремлений детей, стадии развития коллектива, от организуемой в школе деятельности и уровня управления ею со стороны педагогического коллектива.

Большая беда грозит тем школам, где самоуправление превращается в форму развлечения. В них проводятся так называемые дни самоуправления. «Директором» становится старшеклассник, а настоящий директор сидит на последней парте и поднимает руку, чтобы ответить на вопрос «учительницы»-шестиклассницы. Детям нравятся такие игры в самоуправление. Но взрослым следует понимать, что можно, что нельзя превращать в игру. Самоуправление не игра на один день, а постоянная и разумная ответственность детей за свою судьбу, за судьбу школы.

Важно, чтобы в процессе трудового воспитания, преобразуемого на базе рыночных отношений, у детей формировалось чувство ответственности, предприимчивости, чтобы был, наконец, изжит извечный порок интернатского существования – иждивенчество воспитанников.

«Школа и производство».- № 2,1996.-март-апрель.

III
Общественная деятельность в городе, республике, стране

Делай, как я

14 октября в нашей стране был учрежден детский фонд имени В.И.Ленина.

Делегатом учредительной конференции был и директор сыктывкарской школы-интерната № 1, заслуженный учитель школы РСФСР Александр КАТОЛИКОВ.

Мы попросили его ответить на несколько вопросов.

– Александр Александрович, я, наверное, не ошибусь, если скажу, что встреча с вами и вашими воспитанниками в Останкине запомнилась миллионам телезрителей. Теперь все знают, что в вашем детском доме дети умеют и трудиться, и отдыхать, и что многие сложнейшие задачи решены в вашем коллективе учителей, учеников и воспитателей не просто хорошо – а блестяще. Так почему же нет этого у других?

– Проблема педагогических кадров. Не только у нас, в детских домах и интернатах, но и вообще в народном образовании, так что тут мы не пример, а один из примеров. Об этом уже много говорили. И работа у нас очень не простая, и относиться к ней надо... а как вот надо? Я считаю, что самый главный педагогический принцип на все времена: делай, как я. То есть учить на собственной примере.

Дома как все происходит? Разве мама берет маленькую дочку за руку и говорит ей: “Пойдем, я тебя сейчас буду учить стирать...”? Ведь нет же. Она просто стирает, и ребенок у нее учится. Без лишних слов. Так и должно быть. Мы говорим, что современный человек должен быть многосторонним – вот и будь им, учитель или воспитатель. Говорим, что труд – это творчество, вот пусть и на нашем труде научатся наши дети и поймут, что это в самом деле творчество...

– Вы, наверное, знаете, что некоторые "знатоки вопроса", послушав ваш рассказ о прекрасном подсобном хозяйстве, в котором трудятся все дети от мала до велика, сделали такой вывод: на Католикова ориентироваться не стоит – показуха. Ему вся республика и вся страна помогают. А с чего вы начинали? С чьей-то очень серьезной помощи или с самих себя?

– С себя, конечно. Сначала ребята лопатами не один гектар земли перепахали, а уж потом нам предложили: хотите трактор? Мы отвечаем – хотим. А нам говорят: правда, он без колес...

– А как вы относитесь к созданию Советского детского фонда? Ведь сколько мы слышали голосов со всех сторон: давно надо было создавать такой фонд...

– Планы на будущее: построить много хороших, современных детских домов. Конечно, это правильно. Дети, оставшиеся без попечения родителей, ни в чем не должны нуждаться. Но ведь если вдуматься, у любого общества задача какая? Чтобы вовсе не было детских домов. А то ведь все мы уже знаем: в наших детских домах меньше десяти процентов настоящих сирот, а подавляющее большинство – сироты при живых родителях, и число таких детей все растет. Так что все время приходится помнить, что задачи детского фонда по большей части касаются все же взрослых...

Беседу вела ***О.Богуславская***

"Московский комсомолец", 1987.-16 октября

Кто будет делегатом?
Платформа заявлена!

Организованно и вполне демократично прошла, я считаю, конференция работников народного образования Коми АССР. Начало конференции задержалось на час из-за дебатов о порядке выбора на съезд. Впрочем, это тоже была работа – общая, открытая, необходимая. И вот все кандидаты в делегаты съезда заняли места в президиуме, каждому была предоставлена возможность выступить со своей платформой.

Но знакомство с кандидатами началось еще раньше. О кандидатах в делегаты рассказывали стенды с разнообразными материалами. В ходе обсуждения на конференции о некоторых из них рассказывали коллеги с мест.

Серьезной проблемой оказались выборы на съезд руководителей районных и городских отделов народного образования. Проблема решилась весьма любопытно: выступлением Антонины Алексеевны Каргалиной – заведующей Ухтинским гороно. Она выступила с такой смелой, прогрессивной, демократической идеей перестройки работы учебных заведений, что большинством голосов оказалась избранной делегатом на съезд.

Интересным было выступление Юрия Николаевича Сурина, директора СПТУ-30 города Ухты, по проблеме экономического воспитания ребят, создания системы ПТУ – предприятия. Это СПТУ уже сегодня зарабатывает в год в своих мастерских свыше миллиона рублей, выполняя производственную программу. Данные, проведенные Юрием Николаевичем, наглядно подтверждают верность выносимого на съезд тезиса о подготовке будущих специалистов на рабочем месте.

Зажигательно выступила на конференции приехавшая со всесоюзного эвриканского слета в Анапе Мария Вячеславовна Кузьбожева, директор Пажгинской средней школы. Она горячо поддержала программу развития личности по методике И.Иванова, концепцию ВНИКа "Базовая школа", выступила за саморазвивающую школу, идущую в авангарде перестройки и обновлении общества.

Вся конференция как научный прогноз школы будущего одобрила концепцию общего среднего образования ВНИКа, которая после доработки стала концепцией Гособразования СССР.

Серьезная тревога вместе с тем прозвучала в выступлениях на нашей конференции по проблемам дошкольного воспитания и работы малокомплектной сельской школы.

По всем обсуждаемым проблемам были приняты резолюции, все они направлены в адрес Оргкомитета Всесоюзного съезда.

Отдельно была принята резолюция о необходимости сохранения "Учительской газеты". Высказано предложение быть ей органом Всесоюзного совета по народному образованию.

И еще одна резолюция была принята – о необходимости обсуждения на съезде проекта Международной конференции "О правах ребенка" и разработки в СССР закона "О правах ребенка".

На нашей конференции делегатом на съезд был избран председатель ВЦСПС С.Шалаев. Нет, это не был делегат, спущенный сверху. С.Шалаева учительство республики знает.

К сожалению, в нашей делегации не оказалось ни одного комсомольского работника, представителя социального обеспечения, которое занимается воспитанием детей-инвалидов в детских домах, Минздрава (дома ребенка), от многодетных семей, от руководителей базовых предприятий.

Всего же избрано от республики 24 делегата, которые везут на съезд большой пакет предложений по перестройке системы народного образования.

"Учительская газета", 17 ноября.- 1988 г.

Всесоюзный съезд работников народного образования (декабрь 1988 года)

Делегаты съезда, общественность имели возможность за месяц до начала работы ознакомится с основными вопросами секции в "Учительской газете", в еженедельнике "Семья".

Это обстоятельство способствовало тому, что на секции у нас была высокая активность. Главный итог – секция одобрила и предлагает делегатам съезда поддержать обращение к Центральному Комитету партии, Президиуму Верховного Совета, Совету Министров СССР о необходимости разработки законодательного акта о защите детства, который должен быть основой деятельности государственных и общественных организаций, всех взрослых в защите нравственных, социальных, имущественных, юридических прав ребенка.

Серьезную тревогу вызывает сегодняшнее состояние здоровья школьников и медицинская служба школы. Как же получилось, что при повышении заработной платы медработникам медицинские работники школ, школ-интернатов, детских домов этого повышения заработной платы не получили? О каком здоровье можно говорить, если сегодня в школе нет врача? Нет медицинской сестры.

Особую озабоченность выступающих вызывают нарушения баланса природы, что является причиной экологических изменений, ухудшения здоровья. Сегодня необходимо иметь сведения по теме "Дети и экология". У нас в Сыктывкаре есть огромный лесоперерабатывающий комбинат. Все бы хорошо, но какая тяжелая экологическая обстановка из-за этого в рабочем поселке около комбината.

Сегодня перекосы и волевые решения в социальной сфере сказываются на здоровье подрастающего поколения. У нас на секции выступили многодетные матери детей от шести до двенадцатилетнего возраста. Мне, директору школы-интерната для детей сирот, стыдно перед ними. Мы получаем до 400 рублей на одного ребенка для его содержания, многодетная же мать – несчастную двадцатку, она не может дать своим детям эстетического образования – музыкального, художественного, потому что у нас нет положения о бесплатном обучении в музыкальных и художественных школах детей из многодетных семей.

Недавно было издано постановление Центрального Комитета партии и Совета Министров о детях-сиротах, которое укрепило нашу материальную базу, а самое главное, решило социальную проблему получения высшего образования детьми-сиротами. Мне в этом году пришлось побывать в Новосибирске, Свердловске, Кургане; в год из детей-сирот, окончивших среднюю школу, один или два поступали в высшую школу за последние двадцать лет. Мы социально обидели детей-сирот.

Дети-инвалиды. Называя эту проблему, секция признала, что мы, увы, равнодушное общество. Серьезной проблемой является отсутствие медико-педагогической диагностики детей и независимости экспертизы, службы защиты детей. Диагнозы, постав-

ленные врачами в раннем детстве, приобретают характер клейма до конца жизни человека. Мы поддерживаем идею Советского детского фонда: надо создать независимую экспертизу, и госкомитету СССР по народному образованию надо помочь нам решить эту проблему.

Мы в эти дни сидим до глубокой ночи, обсуждая документы о новой школе. Хорошие документы! Много нашли в них и того, что у нас уже делается в школе. Но вот помощи от науки мало. Поэтому делегация Коми предлагает сделать наши учреждения народного образования мощным полигоном для Академии педагогических наук, для различных ВНИКов, творческого союза. Прилетайте к нам. Мы рады будем вас принять. (Аплодисменты).

...Мне очень тяжело заговорить об этом. Перед самой трагедией в Армении я с детьми выступил по Центральному телевидению с обращением к армянскому народу. Может быть, я в чем то был несправедлив, нужно было сказать как-то иначе. После передачи люди из Армении звонили и так хорошо говорили о своей любви к детям! Если бы была возможность обняться по телефону, я бы обнялся со своими собеседниками, с армянским народом. Была масса писем и телефонных звонков из Латвии, Эстонии и Литвы. “Отдайте нам наших детей, почему дети нашей крови воспитываются у вас в Коми?” Как решить этот сложный вопрос? А недавно наш воспитанник – студент Рижского института гражданской авиации вынужден был из-за тяжелого национального прессинга уехать из Риги и продолжить учебу в Сыктывкаре. Разве это дело? (А п л о д и с м е н т ы).

“Учительская газета”, 1988 .-24 декабря

Инструкция одна: “Думайте!”

“Внимательно следил за ходом подготовки Всесоюзного съезда учителей и его проведением... Как и другие работники народного образования, от съезда я ожидал большего. Хотя бы четкой выработанной стройной системы. Съезд защитил только концепции... Нужны же

коренные изменения во всей организации народного образования, в ее структуре. Съезд этого не дал...”

Н. АРХИМЕНКО
Корткеросский район.

* * *

С этого письма в редакцию и началась наша беседа с делегатом съезда, директором школы-интерната № 1 А.А.Католиковым, кандидатом в народные депутаты от Советского детского фонда.

– Подобных писем немало в редакционной почте, и смысл их сводится к одному – съезд не оправдал ожиданий. Вы, Александр Александрович, были членом оргкомитета по подготовке съезда. Не чувствуете ли вы какой-то доли вины на эти несбывшиеся надежды?

– Не чувствую. Я не считаю, что съезд прошел впустую. Вся беда нашего учительства в привычке получать указания и слепо следовать им, без учета национальных, региональных условий, специфики данной школы, класса, личности ребенка. Ведь как было совсем недавно? – Принимается, скажем, партийное постановление, и летит в школы инструкция “об изучении...”, где расписано, как, в какое время, в каких классах его “проработать”. Это же неуважение, недоверие к учителю! Но к нему привыкли до того, что не дай бог выйти за рамки рекомендаций, методик, ориентированных на массу, на некое среднее арифметическое. И под нее школа, в основание которой ставился авторитарный учитель, подгоняла любую неординарную личность, и тех, кто выше, и тех, кто ниже – всех до среднего уровня.

Все концепции, которые готовились на съезд, повернуты к личности ребенка. Понимаете, что получается? Мы забыли, что школа создается не для учителя, а для детей: не было бы учеников – не было бы учителей. Забыв об этом, мы пришли к порочной системе обучения по микрорайонам, по месту жительства: хочешь – не хочешь, иди в эту школу, к этому учителю. У нас нет вариантов в выборе. Да и выбирать-то не из чего: однотипные приемы и методы обучения и воспитания, однородность системы образования породили однотипные – на одно лицо – школы. И

трагедия для многих учителей не сейчас, не после съезда, произошла, а после февральского (1988 г.) Пленума ЦК.

– *Ну, так уж и трагедия?!*

– Именно так! По себе сужу: я ведь тоже поначалу несколько растерялся. Мы ожидали конкретных решений, чтобы все было расписано, как в нотах. А Пленум взял и сказал: вот вам основные направления, думайте и работайте. А мы не привыкли, мы не умеем без указки.

Я вам скажу: когда вырабатывались концепции, было очень много споров, и это замечательно. Мне пришлось участвовать в работе предыдущего съезда, в 1978 году, так мы тогда только руки поднимали. А сейчас – боролись! Было свыше 500 выступлений на пленарных заседаниях и секциях. Активность поразительная. Точки зрения полярные. Меня поначалу даже испугала агрессивность москвичей: давайте все ломать, все подряд крушить. А надо ли все и подряд? Я согласен с Р.Быковым, который говорил в своем выступлении: вот сидят в президиуме съезда Амонашвили, Караковский, Елисеев... Их ведь тоже наша школа воспитала. Так надо ли такую школу ломать? Не следует бросаться в крайности. И ломая, нельзя уповать на то, что враз появятся новые средства обучения, талантливые учителя. Но и ждать, что "вот-вот приедет барин..." Не приедет он! Руки учителям развязаны – творите. И ведь многие творят!

Вот выступала на съезде учительница из Тихвина Н.А.Новикова. Мы еще только говорим об интеграции преподавателя, а они уже работают. В их школе нет резкого деления на предметы: химия, физика, биология – есть естествознание; нет истории, обществоведения – есть обществознание и т.д. В родственных предметах оказалась масса тем, которые перекликаются, и если изучать их одновременно, укрепляются межпредметные связи, сокращается учебная нагрузка, а высвободившееся время можно употребить на утверждение знаний, их проверку, развитие личности.

В новых материалах, которые мы привезли со съезда, школе предоставляется подлинная самостоятельность и в определении учебной нагрузки. Сохраняя всесоюзный и республиканский

компоненты обучения, пятая часть учебного времени теперь в распоряжении совета школы. Есть хороший учитель музыки – пусть школа поет. Есть талантливые преподаватели физкультуры, изобразительного искусства, используйте их возможности, создавайте факультативы, курсы по выбору ребят, профильное обучение и т.д. Что, деньги для этого нужны? Дополнительные затраты? Нет. Только творчество учителя.

– Сколько помню, мы не устаем десятилетиями твердить: все зависит от учителя. Сейчас, правда, он свободнее в действиях. Но вы же сами говорили, что многие этой свободы испугались, не умеют ею распорядиться. Откуда же появится учитель с новым мышлением?

– В кулуарах съезда много говорилось о высшей педагогической школе. В этих разговорах участвовал зам. председателя Госкомитета по народному образованию СССР тов. Шадриков. Мнение однозначно: надо менять подготовку студентов, максимально приблизив ее к школе. Что предлагается? Студенты на первом курсе проходят еще раз школьную программу по избранной специальности, но углубленно, капитально. На втором курсе – ее теоретические основы, на следующем – общенаучные, с выходом на последние достижения и с практическим их применением для внеклассной работы...

Я до приезда на съезд встречался со студентами пединститута. И они говорили, что учебные планы несовершенны. Кто будет их менять? Москва? Время уходит, нельзя ждать. Сам вуз, исходя из своих конкретных условий и возможностей, должен их разработать. Зам.. председателя выразил готовность эту индивидуальную программу тут же рассмотреть, и, пожалуйста, – работайте.

Но ведь у нас как школы, так и вузы “под одну гребенку”. Впрочем, есть пример со знаком плюс – Полтавский пединститут. Здесь студенты и в школах, и в садиках, и в интернатах работают. А будущие абитуриенты определяются с шестого (!) класса (действует программа “Учитель”). Вуз знает, кто к ним придет, и отпадает нужда во вступительных экзаменах. Их заменяет один – творческий. И никаких стрессов, разочарований у человека, которому в раннем возрасте помогли определить цель. И сейчас мы

договорились, что группа преподавателей и студентов поедет в Полтаву и предметно познакомится с опытом работы. Состоялся разговор и с ректором КГПИ В.Н.Ахмеевым о разработке индивидуального учебного плана. Нужно начинать творить.

– *Творить, позволю себе возразить, нужно было всегда. Считали, что толчком к творчеству, к росту ответственности станет повышение зарплаты учителям. А что получилось? Тот, кто хорошо работал, он и работает с той же отдачей, а кто не умел, не хотел, он теперь просто за плохую работу получает хорошую заработную плату. Нынче модно ссылаться на годы застоя. А вот вы, Александр Александрович, что, по-другому в те годы работали?*

– Не чувствовал я как-то застоя. И многие учителя, я знаю, его не испытывали. Но ведь есть и другие примеры. Вот недавно была у меня встреча с заместителем Председателя Совета Министров Коми АССР А.И.Зерюновым. Он принимал активное участие в строительстве Усть-Куломской школы. Сколько в нее было вложено, какие надежды возлагались! А побывал недавно и не узнал: все поломано, разорено. Так кого в этом, кроме себя, учителям винить?! Кому поднимать сельскую школу, о которой так много говорилось на съезде?

Одни ждут дополнительных вложений в образование, а другие сами ищут. Есть прекрасный пример школы-комплекса М.П.Щетинина, когда в единое целое объединены малокомплектная школа, такой же детский садик, маленький сельский клуб. Есть учебно-воспитательные комплексы (один из них Е.Б.Куркина из Тюменской области), где родители не отторгнуты от школы, а приняты в союзники, равноправные партнеры. И это очень верное направление – ориентация на единый коллектив детей, учителей и родителей с начальных классов, ибо снимает многие проблемы "трудного" подросткового возраста.

– *Александр Александрович, но ведь новаций-то и в этом мало! А кроме того, ни Щетинин, ни Полтавский пединститут, ни вы, как и другие учителя-новаторы, опыта своего не прятали, кто хотел – учился... Неужели только на одну сознательность учительства и остается уповать?*

– Нужна огромная организаторская работа органов народного образования на местах в пропаганде опыта, в оказании помощи. А пока вся управленческая система сводится к руководству и контролю снизу доверху. Пришел инспектор в школу, посидел на уроке, втором, и тут же разнос учителю. А может, учитель в этот день нездоров был, может, в классе что-то произошло... За всю мою практику одну комиссию с благодарностью вспоминаю – Минпроса РСФСР. Неделю ко мне не заходили, жизнь школы старались почувствовать, с детьми, педагогами говорили. И уж потом приглашали учителя, выискивали зернышко хорошего, хвалили, предлагали: а что, если вот еще это, и это попробовать... Какая же окрыленность появилась у людей!

А тут как-то пришла руководящая дама, обругала за оформление зала: "Антихудожественно". Может быть. Но зато – нравственно, потому как все руками детей сделано. А этого не заметила. Испортила настроение и упорхнула, не забыв на прощание какой-то план потребовать.

Это неверно: на каждый шаг, каждое действие –план. Если мы уж утверждаем демократический стиль в работе, демократия не должна быть усеченной: вот кусочек демократии, а дальше – руководство и контроль.

Нет у школы и финансовой самостоятельности. Представьте такую ситуацию в семье: вы получили зарплату, а вам говорят: это не покупай, на это не трать деньги, лучше приобрести то... Немыслима же такая ситуация в семье! А почему она должна быть приемлема в семье школьной?..

Многое еще в школе предстоит менять. Но и многое из того, что записано в документах съезда, нами в республике делается. И выступая на съезде, я предлагал сделать наши учреждения народного образования полигоном для Академии педнаук, различных ВНИКов...

– О чем вы говорили на съезде, известно. А вот что не удалось вместить в короткое выступление, но сказать бы хотелось?

– Хотелось бы сказать о том, как много мы теряем в раннем развитии детей в дошкольных учреждениях, которые называют

"камерой хранения", куда родители сдают ребенка. Я бы сказал и о старшем звене, поддержав идею расширения сети профильных школ, где учитываются более полно интересы и способности учащихся. Ведь если раньше школа ориентировалась на то, чтобы "вооружить ученика суммой знаний, умений, навыков", то сегодня – еще и обеспечить поступательное развитие, формируя способности и личность. И профильные школы в республике создаются. Но это первый шаг, надо сделать второй – укреплять школу специалистами того направления, по которому она работает. Например, в школе № 38 Сыктывкара профиль естественных наук практически "тянет" талантливый химик Л.Е.Боринцев. А ему бы в поддержку двух-трех сильных биологов, да через конкурсный отбор! Так бы и по другим школам, хотя бы для начала в Сыктывкаре. Да мы бы здесь, у себя, союзную проблему решили!

Но нужна и помощь Советов, например, в решении квартирного вопроса. Поддержка требуется талантливому учителю. А они не всегда замечаются. По статистике, учителя Коми АССР поощряются в половину реже, чем в среднем по РСФСР.

– Александр Александрович, на съезде был создан Всесоюзный совет по народному образованию, вы избраны заместителем председателя этого совета. В чем роль совета и что выиграла республика, имея своего представителя в нем?

– Совет – организация общественная, он не обладает юридическими правами. Это новая и деятельная форма сотрудничества общества и государства в проведении единой образовательной политики. Совет избирается сроком на пять лет, и представлять там республику, я считаю, очень важно, чтобы оперативнее доносить все новое, выражать там позицию учительства республики, влиять непосредственно на процессы, связанные с детством. Я ведь еще и член правления Советского детского фонда...

– И председатель Коми отделения этого фонда, и депутат сыктывкарского Совета народных депутатов... "Портфелей" у вас много. Не тяжело их носить?

– Я считаю, что "портфель" один – детство, школа, будущее ее. И возвращаясь к съезду, хочу сказать: он определил пути. Их

множество. По какому идти, как – выбор должна сделать школа. А выбрав, шагать вперед.

Беседу вела ***Л.Зыль***
"Красное знамя",1989.-21 января

Ответственность депутата

А.Католиков: – *Даже будучи только кандидатом в народные депутаты уже почувствовал, какая ответственность ложится на мои плечи.*

С памятного момента выдвижения меня кандидатом в народные депутаты СССР прошло всего-то чуть больше месяца, а уже сколько было выступлений и встреч! Выступал в своем коллективе, перед работниками школ-интернатов и детских домов Сыктывкара и области. Встречался с учащимися и педагогами городских СПТУ № 2 и педучилища № 1, студентами и преподавателями местного университета, с политико-командным составом республиканского военкомата, с работниками уголовного розыска МВД Коми АССР. Выступая на республиканском партийно-хозяйственном активе, по местному и центральному телевидению, по Всесоюзному радио, подготовил несколько публикаций для центральных и республиканских газет...

– *О чем же шла речь на этих встречах?*

– О том, что кандидаты в народные депутаты от Советского детского фонда – это парламентарии детства. Им будет доверена, быть может, самая ответственная миссия – представлять интересы всех детей, без исключения.

Именно депутатам от детского фонда предстоит добиваться, чтобы проблемы семьи и детства рассматривались и решались на самом высоком уровне как первоочередные и всенароднозначимые. Последовательно и неуклонно решать вопросы укрепления правовых гарантий детства, социальной защищенности семьи. Содействовать образованию постоянно действующей Комиссии Верховного Совета СССР по правам ребенка. Наконец, принять самое активное участие в создании "Закона СССР о правах ребенка".

– Александр Александрович, о чем вас чаще всего спрашивают избиратели?

– Конечно же, о моей предвыборной платформе. Но не только. Скажем, будущих педагогов больше интересовали новаторские методики преподавания в школе, а сотрудников республиканского военкомата – улучшение системы физического воспитания подростков... Много расспрашивали о деятельности Советского детского фонда имени В.И.Ленина.

– Так какая все же предвыборная платформа у кандидата в народные депутаты Католикова?

– Вряд ли есть необходимость пересказывать ее всю: слишком много места она займет. Но отдельные, самые важные, на мой взгляд, моменты назову.

В стране 10 миллионов матерей-одиночек. Причем большинство из них стали инициаторами разводов. Не хватило им терпения, мудрости, взял вверх эгоизм. Не снимая с женщины вины за разоренные семьи, тем не менее хочу сказать и о нашей социальной апатии. В стране множество родительских комитетов, женсоветов, других общественных организаций, созданных для помощи семьям. Однако они не развернули систематическую педагогическую помощь матерям-одиночкам в воспитании детей, робко используют свои полномочия для защиты семьи от скоропалительных разводов. А такая работа, ох, как нужна!

Укрепление семьи как основной ячейки нашего общества составляет ныне нашу общенародную заботу. Развод антисоциален по своему существу, ибо несет несчастье детям. Не меньшую беду несут разоренные семьи и обществу, ибо именно они нередко являются поставщиками несовершеннолетних правонарушителей, потом матерых преступников.

Сложную проблему не решить изъятием отдельных детей из неблагополучной среды. Речь должна идти о коренной перестройке самой среды, порождающей уродливые явления в жизни. Значит, необходимо принимать самые срочные меры для защиты детей от неполной, неблагополучной семьи.

Практически во всех интернатах дети содержатся только до 8-го класса. А потом они, совершенно не готовые к жизни, поки-

дают стены дома, ставшего родным. Да, они поступают затем в профессионально-технические и другие училища, получают там стипендию. Но все это делается по необходимости, а не по склонности. Нет у ребят возможности выбрать профессию по призванию. Надо добиваться, чтобы все воспитанники школ-интернатов и детских домов имели реальную возможность закончить среднюю школу "дома". Чтобы была у них перспектива поступить затем в вузы и техникумы.

Еще одна несправедливость – отсутствие в интернатах дошкольных групп. Из-за этого рождаются многие трагедии, когда разлучаются братья и сестры только из-за того, что у них разный возраст. Если удастся изменить положение, то совместная жизнь с малышами-дошколятами в большей степени будет способствовать становлению у старшеклассников чувств отцовства и материнства.

В школах-интернатах и детских домах, в обыкновенных школах катастрофически не хватает не только своих педагогов, но и хормейстеров, дирижеров, художников, режиссеров, хореографов, концертмейстеров. Думается, что Дома пионеров должны передать свои ставки руководителей кружков различным школам, оставив себе лишь минимум для занятий с особо одаренными детьми. Ведь искусство – великая сила, чем-то похожая на участие в совместном труде. С ней легче жить, она сплачивает ребят, помогает создать коллектив. Откладывать решение этого вопроса больше нельзя.

Желающих усыновить ребятишек из школ-интернатов и детских домов много. Значит, необходимо психиатрическое обследование каждого ребенка-сироты, чтобы будущие родители знали всю правду о его здоровье. А тем, кто не дрогнет, надо дать специальные методики-рекомендации по воспитанию, обучению ребятишек с нервными расстройствами. И тут наука – генетика, педагогика, медицина – в неоплатном долгу перед обществом за отсутствие системы такой помощи. Нужно ее создавать.

Словом, проблем и задач, которые предстоит решать, множество. Наверное, легче перечислить то, что уже сделано, чем то, что предстоит сделать. Поэтому скажу короче: буду изо всех сил

помогать беззащитным детям, помогать семьям, которым живется трудно.

– *Помогают вам как кандидату в народные депутаты встречи с избирателями?*

– Прежде всего убедился: люди заинтересованы в том, чтобы избрать действительно своих депутатов, а не тех, кто готов под "бурные аплодисменты" голосовать "единогласно" за что попало.

На встречах было высказано немало дельных предложений. Например, о создании в университете общественной кафедры, об организации в Сыктывкаре Центра эстетического воспитания детей, о том, чтобы взять под опеку республиканского отделения Детского фонда местный театр кукол...

Безусловно, эти предложения интересны. Поэтому вне зависимости от того, выберут меня народным депутатом или нет, как председатель правления республиканского отделения Советского детского фонда имени В.И.Ленина постараюсь сделать все возможное, чтобы претворить их в жизнь.

Беседу вел ***С. Дворецкий***
"Семья".- № 7, 1989.

Дать советам реальную власть

На вопросы корреспондента "Красного знамени" отвечает народный депутат СССР директор школы-интерната №1 Сыктывкара А.А.Католиков.

– *Александр Александрович, получив мандат народного депутата СССР, собираясь на съезд, вы, конечно же, задумывались: какие вопросы будут на нем решаться, какие проблемы предстоит рассмотреть прежде всего?*

– Как и все депутаты, избиратели, от съезда я ожидал много. У всех огромная жажда радикальных изменений в нашей жизни. Первое, что я ожидал, – это принятие четкой экономической программы. Нужен ответ на вопрос: почему мы оказались в таком положении, что, куда ни глянь, – везде проблемы.

Хотелось бы послушать не одну программу выхода из тупика, пусть их будет несколько, чтобы мы могли обсудить все и вы-

брать лучшую, или, объединив их, определить реальный путь, по которому надо двигаться. Но, к сожалению, пока даже в выступлении М.С.Горбачева такой программы не прозвучало. Есть только предложения в выступлениях некоторых депутатов, но это только штрихи. Может, все это будет изложено в программе предстоящей деятельности правительства СССР, с которой выступит Председатель Совета Министров страны? Надеюсь на это.

Настораживает то, что во многих выступлениях, особенно представителей группы московских депутатов, проскальзывают агрессивные нотки. Они критикуют почти все, что предлагается другими депутатами. И здесь у меня к ним серьезная претензия: именно в Москве – главные экономические силы, институты. Те светлые головы, которые так резко выступают сейчас (в частности, и Г.Х.Попов), могли бы все эти вопросы рассмотреть заранее и внести конкретные предложения в правительство. Считаю, они просто обязаны были подготовить свою программу. Сейчас критиковать и отвергать легко! Сложнее – выработать маршрут движения, да так, чтобы не шарахаться из стороны в сторону. Поэтому, убежден, и должны были быть несколько альтернативных программ по изменению экономической жизни нашей страны. Второе – по политическим событиям внутри страны. К сожалению, мы многого не знали и не знаем, хотя говорим, что у нас полная гласность. Я считаю, что сейчас в полный "рост" встал вопрос межнациональных отношений. Эта проблема не только обжигает, но уже и кровоточит! Спускать ее решение "на тормозах", втихомолку – ни в коем случае нельзя. Считаю, нужно было в докладе больше внимания уделить политическому положению в стране.

Мы ведь до съезда почти ничего не знали о ноябрьских событиях в Грузии, мало что знаем (только по личным контактам) о положении в прибалтийских республиках. Даже о Нагорном Карабахе, о взаимоотношениях Армении и Азербайджана представляли далеко не всю правду. А тут – 9 апреля события в Тбилиси! На съезде выяснилось, что живем на краю... вулкана. Надо срочно что-то делать, чтобы потушить его. Создали комиссии, с большим, прямо сказать, трудом, со спорами: кто виноват в том,

что произошло. Страсти перехлестывают через край. Надо успокоиться, дать комиссиям начать возможность работать. Нельзя дискуссировать, разжигая страсти. Это мое твердое мнение.

– А есть ли у вас предложения по улучшению организации работы съезда?

– Хотелось бы, чтобы в конце каждого дня президиум съезда подводил небольшой итог: что из выступлений депутатов взято на заметку. Это бы дисциплинировало, породило рост конструктивных предложений. И тогда, наверное, уменьшилось бы количество пустых речей, ненужных споров и похвальбы.

– Трудно работать на съезде?

– Безусловно. Но ведь и после заседаний заботы не отпускают. Еще в Сыктывкаре, до отъезда в Москву, я подсчитал – у меня накопилось около 500 писем, и здесь они идут потоком. И с ними надо работать. Звонят москвичи, коллеги по профессии, к гостинице подходят люди, обращаются за помощью. Убедился еще раз в том, что, к сожалению, на местах "просителям" не очень-то помогают, если они здесь к народным депутатам обращаются.

Столько вопросов и запросов, что голова гудит: что делать, например, мне, депутату от Советского детского фонда имени В.И.Ленина, для решения всех проблем избирателей? По всей стране ездить, разбираться в каждом конкретном случае? А посылать "для принятия мер" на места – тоже не выход, там ведь мало что делается, на это люди и обижаются.

Устроил одного ребенка из Сыктывкара – в порядке великого исключения – в школу-интернат для слепых детей. Сегодня обратилась женщина, мать многодетной семьи из Архангельска. У нее сложнейшее положение с жильем. Посылать запрос в Архангельск? Бесполезно, там ничего не решается. Другая женщина приехала из Краснодарского края. Жалуется: у них в школе весь класс – без согласия родителей, учителя, но с ведома и, надо полагать, одобрения вышестоящего руководства – перевели во... вспомогательную школу. Как без выезда разберешься?

А где, спросите, местные Советы? Их-то роль в чем?.. Вот поэтому необходимо нам и решать вопрос о реальной власти Советов. Как можно быстрее.

– Александр Александрович, такой вопрос: я знаю, что когда в депутатской группе Коми республики обсуждали вопрос о представительстве в Верховном Совете СССР, в числе других "кандидатов" называли и вас. Но вы взяли самоотвод. Почему?

– Да, я отказался. И вот почему. Считаю, что у меня столько важных поручений, столько всяких "портфелей", общественных обязанностей – я ведь и заместитель председателя Всесоюзного совета по народному образованию, и член правления Советского детского фонда, и член-корреспондент Академии педагогических наук, – что дай, как говорится, бог – с этой работой справиться хорошо. К тому же, мое главное дело – в Сыктывкаре, где я директор школы-интерната. Эта работа отнимает у меня почти все время. Как я буду жить без моих воспитанников? Как они – без меня?..

Я – народный депутат, буду работать в полную силу, от наказов не открещиваюсь. Работы хватит!

Беседу вел ***В.Шаров***
"Красное знамя", 1989.-8июня

Домой с надеждой

– Съезд народных депутатов СССР проходил очень демократично. Высказаться смогли очень многие, выступления были самые разные и очень острые.

С другой стороны, все же мы столкнулись с большим количеством организационных накладок.

Но огорчаться, думаю, не стоит. Ведь такой Съезд у нас – первый. Мы сделали еще один шаг к демократии и, без преувеличения, самой широкой гласности. Разве то, что телевидение и радио вели прямые репортажи со Съезда – не огромнейшее достижение нашей перестройки!

О составе Верховного Совета СССР. Лично я попросту не хочу и не могу отрываться от школы, от своих детей на 6-8 месяцев. Кстати, у меня сложилось впечатление: поначалу очень многие рвались в Верховный Совет, но, когда узнали, что придется бросать работу, стали отказываться.

Но ведь для того, чтобы работать в Верховном Совете, вовсе не обязательно быть туда избранным. Каждый депутат может внести свою лепту в его деятельность. Через те же комиссии Верховного Совета.

Конечно, хотелось, чтобы в нем были представлены ведущие юристы, экономисты, экологи... Но многие из них, повторяюсь, попросту не хотят оставлять должности. Не следует все же драматизировать ситуацию. Пусть первый Совет поработает. А потом все вместе продумаем этот вопрос.

К сожалению, не удалось выступить на съезде. И у меня остались вопросы, на которые желал бы получить ответы.

Во-первых, у нас до сих пор нет решения Всесоюзного съезда работников народного образования. Полгода наши предложения лежат без движения в Бюро Совмина СССР по социальному развитию.

Второе. Комсомольцы поставили вопрос о молодежи. Но забыли о целой категории той же молодежи, что после окончания школ-интернатов "плывет по воле волн". У них плохо с жильем, материальным обеспечением. Вот что я хотел бы предложить. Наша школа-интернат хоть немного, но все-таки забирает от бывших родителей где-то 40-60 тысяч рублей в год. Но такие деньги сироты не получают: они идут в бюджет городов и районов. Эти-то сиротские гроши! А ведь отдай их нам, мы могли бы создавать фонд и страховать детей при поступлении в интернат. К выпуску каждый сможет получить тысячу рублей. Далее, смогли бы помогать и бывшим воспитанникам после службы в армии или окончания института. Также возможно было бы давать им ссуду на покупку той же квартиры. Думаю, этот вопрос решить можно.

После работы такого знаменательного, поворотного в нашей жизни форума каждый увозит домой мечту в своем сердце. Знае-

те, как бы ни был хорош детский дом, он никогда не заменит семьи. Мечтаю дожить до того дня, когда закроется последний детский дом и моя профессия станет ненужной.

"Экономическая газета".- № 26,1989.

Чтобы детям хорошо жилось...

Без тесной связи с избирателями невозможна успешная деятельность народных депутатов. Письма, личные беседы и встречи в трудовых коллективах – это та питательная среда, которая позволяет депутату не только лучше узнать избирателей, но и наиболее точно наметить главные ориентиры в работе. Жители Сыктывкара хорошо знают директора школы-интерната № 1 А.А.Католикова как депутата госсовета, а сейчас и как народного депутата СССР. К нему обращаются многие люди, с обсуждения их писем началась беседа корреспондента "Красного знамени" с Александром Александровичем. Ему слово:

– Наверное, сейчас у каждого народного депутата СССР возникла двоякая связь с избирателями. К нам ведь обращаются не только те, кто действительно нуждается в помощи, но и те, кто, к сожалению, хочет извлечь личную корысть из авторитета депутата, получить с его помощью незаконные льготы. Обращалась ко мне, к примеру, одна женщина, не будем здесь называть ее фамилию, с жалобой на шум в системе отопления. Когда его устранили, выяснилось, что в конечном счете у нее была другая цель – получить новую квартиру. Я тогда прямо сказал: "Пойдемте в жилищный отдел горисполкома и вы скажете мне, кого нужно вычеркнуть из общей очереди, чтобы вы получили квартиру". Обиделась. Но ведь нельзя же в конце концов так поступать, отношения между депутатами и избирателями должны строиться на взаимной порядочности, все должно быть по совести, и не в ущерб другим людям.

– Но ведь не секрет, что именно те, кто стремится в обход других получить незаконные блага, чаще всего обладают огромной пробивной силой. Смогут ли народные депутаты СССР вы-

держать их напор, чтобы не оставить без внимания письма тех, кому по-настоящему нужна их помощь?

– Тут нужно вести жесткую линию. Если выяснится, что претензии необоснованные, сразу отказывать в поддержке. Но, увы, есть примеры и другого рода, когда и хотел бы помочь, да и не можешь. Не могу забыть письмо молодого коми парня из села Брыкаланск Ижемского района П.Артеева. Он сирота, после службы в армии вернулся на родину, но встретила она его неласково. Жить негде, специальности никакой. Я сразу же написал депутатский запрос в исполком Ижемского райсовета народных депутатов, чтобы ему помогли с жильем. Но куда там! В ответ на мой запрос заместитель председателя исполкома райсовета А.Чуракин сообщил, что "сельпо, где работает этот парень, не может выделить жилье", так как не располагает общественным жилфондом. А сам Артеев, видимо, отчаявшись пустить на родине предков корни, уехал к сестре в Сыктывкар. Можно много и красиво говорить о возрождении коми нации, но это будут только слова, если не последует конкретной заботы о каждом отдельном представителе этого народа, и особенно молодежи. Нельзя рубить сук, на котором сидишь.

– Александр Александрович, как народному депутату СССР от Советского детского фонда, вам хорошо известно, что лозунг "Все лучшее – детям", увы, далек от реальной жизни.

– Сразу же назову вам несколько примеров из жизни Сыктывкара в подтверждение к этому. Весной на заседании исполкома горсовета обсуждалось письмо работников Дома ребенка о невозможности строительства нового учреждения такого типа в Эжвинском районе города. Чтобы там не говорили представители Минздрава республики об удовлетворительной экологической обстановке в Эжве, я им, извините, не верю и полностью разделяю точку зрения врачей Дома ребенка – больным детям не место в промышленном центре, подобные учреждения нужно строить на экологически чистых территориях. Исполком горсовета после долгих дебатов нас тогда поддержал. Но я очень боюсь, что это лишь временная уступка, и жизнь вновь заставит вернуться к данному вопросу. В настоящее время Дом ребенка буквально на

глазах разваливается, помочь ему никто не хочет, а значит, не исключена ситуация, когда переезд даже в Эжву будет восприниматься чуть ли не благом.

Как будто не у советской власти под крылом находятся и воспитанники Кочпонского интерната для умственно отсталых детей. Разве можно было еще увеличивать этот интернат на такой маленькой территории? Он буквально зажат между дорогами и домами, получилась своего рода резервация без земельного участка. А ведь там 750 детей, и каких детей!

А сколько времени бьется коллектив нашего интерната, чтобы отвоевать себе территорию для игровых площадок. На сегодняшний день 330 воспитанников интерната от 3 до 18 лет не имеют ни одной игровой площадки. Если старшие могут еще погулять на территории соседнего интерната, то с младшими просто беда – целыми днями они вынуждены сидеть взаперти, без свежего воздуха. Чтобы исправить это безобразие, нужно снести поблизости несколько деревянных построек, и на их месте не возводить жилой дом. Так ведь нет же, и такую малость мы не можем пробить.

Избиратели Октябрьского микрорайона постоянно обращаются ко мне с просьбой ускорить здесь строительство еще одной школы. Председатель Совета Министров Коми АССР В.И.Худяев сказал, что в конце года по улице Карла Маркса начнется строительство новой школы. Но у нее два проекта. Один уже давно устарел, другой – прекрасный современный проект. Тем не менее, школу, которую в полном смысле этого слова жители микрорайона выстрадали, собираются возводить по старым образцам. Ни к чему не привели совещания в горисполкоме, Министерстве народного образования Коми АССР – везде у первого проекта находились сторонники. И главный их довод в том, что он экономичней. Так сколько же можно экономить на детях?

Мы уже доэкономились до того, что сейчас растим в Домах ребенка здоровых детей вместе с умственно отсталыми. По сути дела в течении трех лет нормальный от рождения ребенок не получает никакого развития. Когда эти мальчики и девочки поступают потом к нам в интернат, то с ними настоящее мученье, бук-

вально всему надо учить. Но разве можно догнать упущенное, то есть наверстать все потери в умственном развитии малыша? Отделение Советского детского фонда республики предлагает создать в Коми АССР единое дошкольное отделение для здоровых детей с раннего возраста, своего рода ясли при нашей школе-интернате. Такой эксперимент будет проводиться впервые в нашей стране. В беседе со мной Председатель Совета Министров СССР Н.И.Рыжков одобрил его, но без действенной помощи местных властей не обойтись.

– Какую из поднятых избирателями проблем вы считаете в данный момент наиболее важной для себя?

Меня очень беспокоит положение дел в ведомственных школах. Все школы железнодорожников в нашей республике уже давно пора передать местным Советам, каждый должен заниматься своим делом: железнодорожники – перевозками, Министерство народного образования – учебой детей. А то ведь эти школы по сути дела совсем лишены методической помощи, за ними нет должного контроля, материально-техническая база очень плохая. Да разве только школы! Дети-сироты тоже "проходят", как это ни нелепо звучит, у нас по ведомству, а ведь о них прежде всего должны заботиться Советы. Крайне тревожное положение сложилось, в частности, в Сосногорской школе-интернате № 3. Самый лучший выход из него – передать интернат Министерству народного образования республики.

Что же мешает перестать делить детей на ведомственных и неведомственных? На мой взгляд, это, прежде всего, высокопоставленные железнодорожные начальники, которым и без каких-либо перемен живется хорошо, у них и без того большие зарплаты и большие кабинеты. А Совет Министров республики совместно с Министерством путей сообщения СССР в свою очередь проявляют нерешительность вместо того, чтобы раз и навсегда разрубить ведомственный узел в народном образовании. Дети должны воспитываться в одном государстве, а не по ведомствам. Именно этого я и буду добиваться, как народный депутат СССР.

Беседу вела ***Н.Мурыгина***

"Красное знамя", 1989.-8 августа.

Живем одной семьей

Вот уже шестнадцать лет я работаю директором школы-интерната для детей-сирот. И честно вам скажу, до последнего времени не знал, сколько у нас в интернате национальностей. Не было в этом нужды – жили одной семьей. Но жизнь заставила. В прошлом году мы с детьми выступили по Центральному телевидению в связи с событиями в Нагорном Карабахе. Восемнадцать национальностей оказалось у нас.

Нас могут обвинить в том, что мы лишаем наших детей особенностей национального воспитания, и, может быть, будут в этом правы. Но только отчасти. Все национальные культуры едины общечеловеческими ценностями. И возьмите любую из них – национальной гордостью является то, что обогатило и стало достоянием культуры мировой. Мне не важны окончания в фамилиях Чюрлёниса, Пушкина или Омара Хайяма. Поэтому я двумя руками – за уважение национального достоинства, но никак не могу принять позицию тех, кто перегибает "палку" национального вопроса. Не было в истории цивилизации такого примера, чтобы какая-то нация возвысилась за счет унижения другой. Такой способ дает как раз противоположный результат – растаптывает национальное достоинство того, кто унижает.

Первые беспокойства по этому поводу я ощутил еще в декабре – на съезде работников народного образования, затем уже на съезде народных депутатов стало совершенно ясно, что ситуация еще более осложнилась. Думаю, что нынешнее Заявление ЦК КПСС о положении в республиках Советской Прибалтики опоздало минимум на полгода. Трезвый призыв одуматься должен был прозвучать раньше, как, впрочем, и раньше надо было решать принципиальные вопросы национальной политики: взаимоотношения общегосударственного и национальных языков, суверенитета и экономической самостоятельности. Нельзя было отдавать их решение на суд возбужденных площадей.

И еще. В 1992 году Европа станет единой. Но куда идем мы? В какую очередную крайность впадаем? Не будет ли нам стыдно за происходящее сегодня?

Нынешний трезвый, спокойный голос ЦК КПСС может быть, конечно, неправильно понят людьми чересчур эмоционально-возбужденными. Я призываю всех прежде всего успокоиться, вспомнить о том, что у нас много других, не менее важных проблем, которые нам решать вместе. И главная здесь– на мой взгляд, – проблема детства.

"Семья".- № 36, 1989.

Дети без родителей

В сущности, эти месяцы были периодом подготовительной работы по программам Фонда. Мне пришлось работать почти по всем направлениям, намеченным Детским фондом, но самое близкое мне – это программа "Теплый дом". Сейчас мы добились реального воплощения в жизнь некоторых из ее пунктов: стали брать в школу-интернат детей с трех лет, а не с семи, как раньше. Вообще, я уверен, надо брать детей в интернаты как можно раньше (из Дома малютки или прямо из роддомов) – чем раньше малыш привыкает к своей интернатской семье, тем лучше и для его здоровья, и для психики, и для дальнейшего развития. Кроме того, все интернаты Российской Федерации своим воспитанникам будут давать полное среднее образование.

И все-таки до сих пор у детей-сирот нет никакой правовой защищенности. После интерната они часто оказываются в сложных жизненных условиях – ведь у них ни семьи, ни дома, ни прописки. А прописку порой не дают, значит на работу не устроишься – вот так мыкаются, мыкаются год-другой, да и возвращаются в родной интернат. А что может для них интернат, если они уже выпущены?.. Или, например, те, у кого есть способности и желание учиться дальше, вместо того, чтобы идти в вуз, вынуждены работать, чтобы себя прокормить. Еще в июле 1987 года вышло постановление ЦК КПСС и Совмина СССР № 872 "О мерах по

улучшению материального обеспечения детей-сирот". Согласно этому постановлению, например, сироты, пришедшие учиться в институт, должны получать со стипендией еще и весомую денежную доплату. Но администрация института, то ли по халатности, то ли еще по какой-то причине, просто не замечает этого постановления. А студент – сирота... да он же не будет стучать кулаком по столу: "дайте мне мои деньги – я сирота", это же понятно, почему он промолчит. Так что я считаю, это на нашей совести, это еще один минус в нашей работе – мы часто не можем дать ход собственным документам, сделать их действенными, даже когда они подписаны правительством.

Советский детский фонд занялся также созданием детских домов семейного типа, начал работать с опекунскими семьями. Тут тоже очень много проблем – ведь им нужно оказывать не только финансовую помощь, но и психологическую, медицинскую, юридическую. В этом новом деле нужен осторожный, взвешенный подход.

"Семья".-№ 52, 1989.

"Не "князю", а детям надо..."

Запрос депутату

Прочитав интервью с народным депутатом СССР В.Кармановским, мы, рабочие ремонтно-строительного управления №2 объединения "Комигражданстрой", искренне возмутились. Нет, не беседой, не всеми ответами корреспонденту газеты уважаемого депутата. Одной лишь оценкой. Скажем даже резче: безответственным заявлением В.Кармановского в адрес нашего РСУ.

Читаем: "... У А.А.Католикова ремонт бессовестно затянули. И никто не в ответе. Вот уж чего у нас в стране в избытке – безответственности". Как же можно делать такие выводы жителю Усинска В.Кармановскому, если он совершенно не владеет ситуацией с ремонтом школы-интерната № 1 в Сыктывкаре?

Чтобы прояснить эту самую ситуацию, мы и решили написать письмо в газету. Начнем с того, что проектом предусмотрено затратить на ремонт 325,2 тысячи рублей. В плане подряда на 1989 год определены источники финансирования – не госкапвложения, а средства капремонта в объеме всего лишь 120 тысяч рублей, и полный объем ремонта запланирован на 1990 год...

Коллектив нашего РСУ-2 выполнил объем работ в минувшем году на 195 тысяч рублей. Мы подготовили часть помещений и застелили их, произвели другие работы. Самое главное: мы, перевыполнив объем работ на школе-интернате №1, вынуждены были сорвать планы по другим объектам Сыктывкара и Сыктывдинского района.

Понимая, что в интернате живут дети-сироты, мы шли на это сознательно. Но директор школы-интерната № 1 народный депутат СССР А.А.Католиков нередко жалуется на то, что у него, дескать, "ремонт бессовестно затянули", ведет себя, уж извините, как... удельный князь, действует застарелыми методами – силовым давлением, не считаясь с нашими трудностями – материального обеспечения капремонта.

К тому же, А.А.Католиков постоянно третирует руководство объединения и управления, не считаясь с возможностями бюджета города и нуждами других социальных сфер. Если каждый депутат будет решать свои проблемы за счет других, да еще дезинформировать избирателей, мы далеко уйдем от объективной гласности...

Рабочие Сыктывкарского РСУ-2 (21 подпись)
объединения "Комигражданстрой"

Ответ на запрос

Сыктывкарская средняя с дошкольным отделением школа-интернат № 1 для детей-сирот, – вот такое длинное название у нашего дома. В последние годы из-за многочисленных теле-радио передач, газетных публикаций у многих, на мой взгляд, сложилось впечатление, что в этом доме все благополучно и даже чересчур хорошо. И потеряли мы самое главное – заинтересован-

ность в нашей интернатской жизни у советских руководителей города; наверное, многие из них с трудом вспомнят, когда последний раз были в нашей школе...

Бьемся со многими своими проблемами сами, для нас это очень тяжело. Накопилось много горя и неустроенности у трехсот детей с 3-х до 18 лет за нашим красивым фасадом!

Десять лет после реорганизации в 1978 году школы-интерната, мы ждали ремонта и реконструкции старого спального корпуса на 190 детей. Положение очень тяжелое: ребятишки жили в "спальнях-казармах" по 20 человек; совершенно не устроен быт – один унитаз и один умывальник на 20 детей; нет сушилок. гладилок, комнат для уборочного инвентаря, – крайняя теснота

Нам бы очень-очень хотелось, чтобы строители "Комигражданстроя" взяли весь объем работ (325 тысяч рублей) на 1989 год, но по просьбе строителей и по их расчетам (сдать только половину здания) они включили в свой план 120 тысяч рублей. Конечно, это нам было крайне неудобно и особенно тяжело – для жизни детей, но мы согласились и на это. Провели педсовет, общее собрание с детьми, оговорили свое активное участие в ремонте. Организовали горячее питание рабочих. Младших детей уже в мае увезли вместе с учителями на дачу.

К сожалению, начало ремонта сразу же затянулось. Все началось с крайне неудовлетворительной организации труда со стороны руководства РСУ-2 (начальник Н.С.Шуйский) и объединения "Комигражданстрой" и продолжается на протяжении всего ремонта.

Обидно за рабочих, которые могли бы многое сделать, но им все время что-то не довозят, вовремя не приходит техника, не соблюдается график очередности работ, и, часто приходится переделывать ранее сделанное. Чего стоит, например, ошибка с 75 оконными блоками, изготовленными с увеличенными размерами и не влезающими в проемы? Пришлось рабочим вручную переделывать все блоки и рамы, качество же, конечно, пострадало.

Страдает в "Комигражданстрое" и исполнительная дисциплина, даже решения высшего руководства объединения выполняются с большой задержкой, а от этого опять-таки страдает труд

рабочих, их заработная плата и настроение. Из-за постоянной спешки невысоко и качество отдельных работ...

Для лучшей организации работ на нашей школе мне пришлось даже обратиться в Москву: упросил я приехать к нам начальника главного Министерства жилищно-гражданского строительства РСФСР А.С.Арефьева. Но даже его обещание: за сдачу объекта в октябре выплатить рабочим премию в семь тысяч рублей – не ускорило работы: получили премию (две тысячи рублей) лишь сантехники. Мне неоднократно приходилось обращаться к начальнику объединения "Комигражданстрой" И.Н.Козлову, просить его: приезжайте на объект, давайте вместе рассмотрим все наши общие проблемы. Однако мы так и не встретились...

Только 30 ноября (!), после семимесячного пребывания на даче в Межадоре мы привезли, наконец, наших малышей в школу-интернат. Вот так для них начался учебный год в школе, вместо 1 сентября. К сожалению, и такое стало возможно, считаю – при попустительстве к строителям со стороны горисполкома.

Хотелось бы выразить благодарность работникам Госснаба и Главснаба Коми АССР за понимание наших трудностей и своевременное обеспечение ремонта. Они отзывались на все наши просьбы. Так что жалобы со стороны РСУ-2 на сложности в материальном обеспечении не объективны. К сожалению, по инструкциям руководители учебных заведений обязаны обеспечивать ремонт сами, что мы и старались делать в меру своих сил и возможностей.

По поводу "застарелых методов работы" – согласен: никак не могу перестроиться на новый стиль – беречь себя в работе; работаю без выходных, отпусков, по 12 часов ежедневно. Что делать – мужчин у нас мало... Во время ремонта не решал и своих проблем, но считаю, что за жизнь и здоровье 300 детей-сирот, вверенных нам государством, обязан бороться вместе с коллективом с еще большей настойчивостью; много у нас недостатков, как и во всей стране.

Мы и сегодня продолжаем ремонт, каждый день мне приходится встречаться с рабочими, и проблем между нами нет. Хорошо и рабочие относятся к нашим детям. Однако план объедине-

нием и на 1990 год занижен против сметы, а ведь планируется ввод, значит, снова перевыполнение будет нам в укор?

А теперь о самом неприятном. Дело в том, что РСУ-2 само частично перерасходовало осенью заранее намеченный им объем по закладке фундамента для бытовой перестройки с тем, чтобы ранней весной вести кладку. И вторая беда: после контрольного обмера Жилсоцбанком работ, произведенный в 1989 году, в РСУ выявились... приписки – 35 624 рубля.

Вот вам и милосердие: собираем деньги от жителей республики в детский Фонд, на помощь сиротам – по рублям, а обкрадываем этих же сирот на десятки тысяч и стараемся мощно нажать на народных депутатов СССР за, якобы, их необъективность!

В последнее время нам, депутатам СССР, часто приходилось на страницах газеты "Красное знамя" давать ответы на письма трудящихся. И я этому рад. Гласность есть гласность, а тем более, когда рабочим не ясна позиция их руководителей, когда тормозится перестройка взаимоотношений – это уже политика, и это особо важно.

А теперь позиция народного депутата СССР по отношению к объединению "Комигражданстрой". Что-то здесь нереальное в организации работ. Мое мнение: объединение распухло от объемов и ушло вперед от материально-технического обеспечения ремонтируемых объектов, от технической базы и, самое главное, от организации труда рабочих и создании им бытовых условий на объектах. Ведь строим не только мы, не только наша школа-интернат. Знаю: и на других объектах, которые "ведет" объединение "Комигражданстрой" – на Доме ребенка, на детских садах, ДСШ № 2 и некоторых других – положение не лучше. Планы ремонта срываются. Но ведь все эти объекты – не просто социальной сферы, – детские. Почему же к ним такое отношение? Здесь надо крепко разобраться...

"Красное знамя",1990.-16 февраля

Оторвали детей от забот страны

Как избежать роста подростковой преступности? Сегодня на эту тему на страницах "Сирены" размышляет известный в республике педагог, директор Сыктывкарской школы-интерната № 1 народный депутат СССР А.А.Католиков:

– Идут по улице американец с сыном и видят, как выходит из великолепной машины солидный мужчина с сигарой, у которого из кармана торчит пачка банкнот. Отец говорит сыну: "Чтобы жить так, как он, надо много и упорно работать". А у нас в подобном случае отец скажет сыну: "Наверное, какой-нибудь кооператор. Надо бы их придавить, а деньги отобрать".

Вот в этом и состоит вся наша беда. Жить хорошо хочется всем, особенно молодежи, потребности порой гораздо выше, чем материальные возможности родителей. Года три назад в одной из сельских школ Коми пединститут проводил анкетирование. На вопрос: "Что бы вы хотели иметь?: – были получены полные ответы. Девчонки писали про золотые серьги, парни отдавали предпочтение мотоциклам, мопедам, автомобилям. А вот другой вопрос – какую зарплату получают ваши родители – практически всех поставил в тупик. Это детей не интересовало, главное для них иметь, и как можно больше. Захотелось видеомагнитофон – идут на кражу, приглянулась на прохожем хорошая вещь – могут его ограбить.

Желание иметь много и при этом не знать, как это многое добывается, большая педагогическая проблема. Ни школа, ни семья не учат ребенка, что все это многое зарабатывается трудом. У нас в интернате мы приучаем детей к тому, чтобы они знали, что по чем. Завели чековые и всевозможные расчетные книжки. У нас есть целая библиотека сборников по расчетам за строительные и сельскохозяйственные работы. И все, что делаем у себя в хозяйстве, теперь оцениваем.

Сделал что-то – получи за это. А от так называемого общественно полезного труда давно пора отказываться. Школы же сейчас совсем оторваны от труда, и это страшно. Нельзя было отме-

нять для школьников сельскохозяйственный труд. Я не знаю, что мы будем есть в эту зиму. Разве не могли школьники летом поработать на сенокосе? Работали, но мало. И нам не хватит кормов на длинную северную зиму.

Вечерами подростки скучают по дворам. А вы посмотрите, что это за двор? Как с весны растает помойка, так и до следующего снега до нее нет никому дела. Но если это не дело комсомола и молодежи, то чье? Ведь можно же организовать какие-то бригады по дворам, привести в какой-то оптимальный порядок. Раньше мы по осени дружно садили в огороде кусты и деревья. И если сегодня говорят, что Сыктывкар зеленый город, то он им был. Возьмите тот же самый микрорайон "Орбита". Куда все это ушло?

А подросткам сегодня уже и дискотеки надоели. Требуют подвал. "Покачаются" три дня. А ведь это тяжело. Надоело – бросают.

Оторвали мы детей и подростков от забот страны. Говорим, что плохо с питанием, нет ничего в магазинах. Но ведь это же зависит не только от одних взрослых. В крестьянской семье все от мала до велика отвечали за хозяйство. Крестьянин был великим педагогом. У него в семье каждый знал свой участок работы и отвечал за него.

А теперешние подростки и на дачи особо не стремятся. Развлечений там нет, работать с родителями надоело. Отвечать же за свою часть забот на дачном участке их не приучили. Если все будет делаться за детей, то у них начисто отобьется чувство хозяина. Ребята из нашего интерната трудились летом в Межадоре, как рабы на фазенде. Но зато в августе мы все снялись и уехали на целый месяц в Крым. И это была не просто поездка. Это была заработанная поездка.

Надо, чтобы у ребят была, как говорил Макаренко, перспектива – ближняя, средняя, дальняя. Вот это и есть педагогика сегодняшнего дня. Чтобы воплотить ее в жизнь, надо, чтобы в классах было поменьше школьников. Все дело в том, что ребенок должен воспитываться в одном коллективе. Когда это по другому, то это уже не воспитание, а латанье дыр.

Возьмите любого подростка. Ведь у него масса возможностей развлечься, научиться чему-то. Но он не хочет идти в клуб, в кружки. Этого желания ему не привила школа. Я бы сегодня те деньги, которые мы тратим на внеклассную работу, отдал бы учителю. Чтобы учитель и школа занимались своими подростками, чтобы школа немножко вышла из своих стен. У нас же был опыт, когда школа являлась центром своего микрорайона.

Ведь это действительно интересно. Пионерская организация не в школе, а в доме. В каждом подъезде звено. Дети сами определяли себе объемы работ по содержанию подъездов, озеленению дворов. Но опять же организовать новое движение силами школы очень тяжело. Школа сегодня себя потеряла, как потеряли себя и комсомол, и пионерская организация. В трети школ Сыктывкара нет вожатых. Нужны не те пионервожатые, которые ходили в школу, чтобы провести активы, сборы, а действительные вожаки, которые могли бы чему-то научить ребят.

Пора уже советской власти всерьез браться за все эти проблемы. Программа "500 дней"" должна быть не только программой взрослых, но и детей. Мы все вместе должны решать проблемы в своем государстве. Будь я сегодня министром народного образование, я бы обязал школы открыть массу своих кооперативов, спортивных залов, найти базу для труда, чтобы ребята были заняты делом.

Пока же с проблемами преступности среди несовершеннолетних борется только милиция. Крутится волчком, а все без толку. Советская власть проявляет какую-то бесхребетность по отношению ко всему абсолютно. В том числе и по отношению к самой милиции. И она, потеряв ее поддержку, напоминает мне Дон Кихота, который борется с ветряными мельницами. А ведь именно эти люди хотят сохранять советскую власть. И если она еще чувствуется в Коми АССР, то во многом благодаря милиции.

И за проблемы воспитания подростков должна взяться в первую очередь советская власть. Посмотреть и решить, как можно заинтересовать подростка в проблемах нашей страны. И надо сегодня нормально платить за детский труд, чтобы они имели воз-

можность хорошо заработать. Бесхозяйственность и безалаберность с детских лет развращают наших ребят.

С младенчества надо воспитывать не любовь к труду (труд от слова трудный). Надо воспитывать привычку к труду. А иначе так и будем ужасаться цифрам роста преступности среди несовершеннолетних.

"Сирена",1990.-сентябрь

Почему мы не плачем от... стыда?

Только больное общество может отторгать
от себя больных детей

Появление красивого "Икаруса" с эмблемой Советского детского фонда на улицах таежного поселка Усть-Лопью вызвало всеобще изумление. Из всех окошек выглядывали жители, ребятишки выбежали на дорогу, собаки остервенело бросались вслед "пришельцу". Только тому, что автобус остановился у дома Леоненко, не удивился никто...

Как-то собрались женщины этого поселка и написали письмо в Советский детский фонд имени В.И.Ленина. Рассказали в нем о горе своей односельчанки.

Родила Валентина Игнатьевна Леоненко двух сыновей-погодков. Росли, развивались как и другие мальчишки в поселке. Но когда исполнилось старшему семь лет, вдруг отказали ноги. Тут через год другому семь лет подошло, и опять та же напасть – ноги отнялись. Врачи произнесли страшное слово "неизлечимы". Отца горе надломило – умер. Похоронила мужа Валентина Игнатьевна, а сама несет свой тяжкий крест, и нет у нее ни надежды, ни подспорья...

Во время Всесоюзного телемарафона "Милосердие" мы впервые столь зримо столкнулись с проблемой детской инвалидности: дети, нуждающиеся в сложных операциях, которые делаются только за рубежом и за немалую валюту. Дети с нарушением опорно-двигательного аппарата. В Советский детский фонд

пошли тысячи писем с мольбой о помощи. И среди них письмо из далекого поселка Усть-Лопью. Попало оно в руки председателя фонда А.А.Лиханова.

В это время на зов о милосердии к детям-инвалидам откликнулись за рубежом. Канадский бизнесмен Джордж Кохан подарил советским детям 132 инвалидные коляски. Две из них привезла в Сыктывкар заместитель председателя Советского детского фонда Зинаида Федоровна Драгункина. Тут же было решено везти коляски в Усть-Лопью. Загрузились и поехали. Поехала Зинаида Федоровна, члены Коми республиканского отделения Детского фонда и, что особо подчеркиваю, несколько мальчишек-старшеклассников из интерната № 1. Пока мы выходили из автобуса, ребята уже вынесли обе коляски, собрали их. Тесно стало в небольшой квартире Леоненко. Заплакала Валентина Игнатьевна, пятнадцатилетний Костя засмущался и никак не мог подъехать к нам на своей старой коляске, перевязанной веревками. Не слушается его эта старая колымага.

Узнали, что недавно умер старший сын. Остался Костя у матери один. Живет потихоньку, телевизор смотрит, ребята поселковые к нему иногда заходят, новости мальчишеские рассказывают. Но что нас повергло в полное изумление, так это то, что Костя в свои почти 16 лет никогда не учился в школе, он не знает ни одной буквы, не умеет читать. Говорят, в поселковой школе коллектив хороший. Но как же такое могло случиться, что ни один учитель в этом хорошем коллективе не подумал о мальчике? Просто взяли и отняли у него конституционное право быть грамотным.

Вы спросите, почему же мать не научила своих сыновей читать и писать? Да потому, что всю свою жизнь она только и делала, что таскала на собственном горбу двух сыновей, стирала, мыла, готовила, работала.

Я не зря брал с собой своих воспитанников. Дело не в том, что надо было вывести из автобуса и собрать инвалидные коляски. Сейчас, когда наша жизнь сделала нас столь бесчувственными и опустошенными, нельзя допускать, чтобы дети забыли, что такое жалость и великодушие к слабым и беспомощным. Я с вол-

нением следил, с какой нежностью вытащили ребята Костю из его старой коляски, аккуратно усадили в новую, показали все рычаги управления, рассказали, кто такой Джордж Кохан, успокоили мать, заливающуюся слезами.

Теперь я выскажу мысль, которая многим может показаться неправомерной. Почему мы всячески отделяем детей-инвалидов от здоровых детей? Почему их упрятывают в специальные учреждения, наглухо закрытые от людских глаз? Почему они не учатся вместе со своими сверстниками в общеобразовательных школах? Только больное общество может отторгнуть от себя больных детей своих. В Соединенных Штатах дети с поражением опорно-двигательного аппарата учатся в обычных школах. Для них проектируются специальные столы и парты, пандусы помогают подняться в школу, широкие лифты доставляют на нужный этаж. Жизнь здоровых детей рядом с теми, кто нуждается в их защите, порождает в них доброту и сострадание. А нам приходится возить своих воспитанников на "экскурсию" в Кочпонский детский дом, в интернат для слабослышащих, чтобы не зачерствели детские сердца.

Однако вернемся к истории двух инвалидных колясок. Куда же подевалась вторая?

Нам было известно, что в Прилузском районе, в селе Объячево, есть еще один мальчик-инвалид. Туда мы и поехали. К вечеру мы уже были в многодетной семье Лихачевых, где четверо детей учатся в школе, одна сестра – в вузе, вторая уже работает. В четырехкомнатной квартире царит дух дружелюбия, атмосфера тепла в отношениях друг к другу и еще какая-то стерильная чистота и уют. Каждый из младших детей имеет свой уголок для занятий и игр. Самый большой уголок с разными машинами, моделями, конструкторами у Васи, ради которого мы и приехали в эту семью.

Васе сейчас восемь лет. Беда настигла его четыре года назад, когда ему отняло обе ножки, чтобы спасти жизнь. Учится он во втором классе, три раза в неделю ходит к нему заботливая и внимательная учительница Светлана Юрьевна Лихачева, которая так хорошо объясняет материал, что Вася без особого труда учится

на одни пятерки. Он развитой мальчик, много читает, только стесняется показываться на улицу. Его отец, рабочий-сельхозтехник, сделал ему лесенку, по которой он с первого этажа спускается в небольшой палисадник.

Когда мы приехали, он сидел на диване. Думали, надо на руках переносить его в коляску. А он вдруг ловко соскочил с дивана, сам вскарабкался на коляску, тут же понял назначение всех рычагов и быстро поехал по квартире. Видно, сказались Васины технические увлечения.

Рассказали и ему о Джордже Кохане, даже Канаду на карте показали. Вася больше молчал. Мама, Надежда Петровна, все старалась расшевелить его. При этом меня поразило, с какой деликатностью мать общается с сыном. Она не унижает его достоинства всякими сюсюканьями и ласковыми интонациями. Нет, она зовет его не Васенькой, не Васильком, она обращается к нему со словом "сын": "Ну, что же ты, сын, с гостями не поговоришь?" И Вася раскрепостился.

Скоро ему предстоит тяжелая операция, необходимая для протезирования. Наш республиканский Детский фонд уже готовит для него библиотечку книг, чтобы хоть немного скрасить его дни его пребывания в больнице.

Как и в первой семье, Надежда Петровна плакала от проявленных внимания и заботы. Невольно подумалось, почему мы не плачем от стыда за собственную злость и невнимание к людям? Почему не плачет от стыда та продавщица объячевского магазина, которая не хотела продать для Васи рубашку из-за того, что мать пришла на день позже назначенного ей срока, хотя в селе все знали, что Надежда Петровна сама только перенесла операцию? Почему не плачут от стыда те, кто определил Васе по талонам одни носки на квартал, хотя и у него "при ходьбе" на коленках болят тонкие косточки, если не надеть на них сразу пять пар носков?

Нельзя сказать, что в Прилузском районе вовсе не заботились о судьбе детей-инвалидов. Когда нагрянула беда в семью Лихачевых, исполком районного Совета и районное отделение Детского фонда помогли приобрести мотоцикл с коляской. По наше-

му с А.А.Лихановым депутатскому запросу министр автомобильного машиностроения СССР Н.А.Пугин обещал содействовать выделению "Запорожца" для семьи Лихачевых. В Усть-Лопью, наконец-то, собираются организовать учебу Кости, а также заасфальтировать дорожку к его дому, чтобы мальчик мог попользоваться инвалидной коляской.

Наш республиканский Детский фонд на днях выслал Косте синий спортивный костюм с белыми полосками, о котором он давно мечтал. Белье, носки, рубашки получил он из того милосердного подарка, который нам сделала швейцарская подданная мадам Т.Симон.

И вот я думаю, почему нынче главные милосердные акции идут из-за рубежа? Куда подевались наши доброта и заботливость? Неужели мы их утрачиваем вовсе в очередях за колбасой и водкой? Ведь во время войны и после жили хуже и голодней, но мы не зверели. Наоборот, делился каждый кусок. Кажется, будто нынче кто-то специально внедряет в наше сознание человеконенавистничество и разобщенность, неумение сочувствовать и сопереживать. Не дадим же погибнуть нашей душе, не дадим ей иссохнуть под напором зла и ненависти. Надо переломить себя. Иначе жить нельзя!

"Красное знамя", 1991.- 27 апреля

Мы теряем поколение

Нравственность, духовное пространство сегодняшних подростков и молодежи находится, на мой взгляд, в таком состоянии, что и задумываться-то страшно: кто позаботится о России через пять-десять лет?

...На днях знакомый пацан-четвероклассник(!) стянул у матери-учительницы 500 рублей, закупил по 9 рублей упаковку мороженого и тут же "сдал" уже по 15 рублей за порцию. На недавнем гастрольном концерте, приехавшего в Сыктывкар ансамбля "Мальчишник", народа старше 15 лет не было. "Культурная тусовка" закончилась полным разгромом фойе филармонии.

Школа разваливается на глазах, система профтехобразования агонизирует, о библиотеках, детских театрах, кинематографе, литературе и говорить не будем. Детские клубы, кружки, спортивные секции и школы либо позакрывались, либо, коммерциализировавшись, стали "только для богатых". И это расслоение – на богатых и бедных – в молодежной сфере идет еще быстрее и более жестоко, чем у взрослого поколения.

Мы, "прорубив окон демократии в мир", словно поставили наших ребят перед сияющей витриной "всего, чего душа и тело пожелают", а сами не только в состоянии дать им все это, но и отбираем у молодых возможность обеспечить себя самим. По кому сразу и безнадежнее всего ударила безработица? По молодежи! Что предприняло государство, чтобы упредить эту драму? Ничего. И число вчерашних школьников, оказавшихся не у дел – не у жизни, понятно, будет быстро расти...

"Российская газета",1992.-1 декабря

Нет тепла в доме без фундамента

– Александр Александрович, напросилась на беседу с вами по просьбе наших читателей. И не столько как с народным депутатом, сколько с порядочным человеком, мнение которого "о текущем моменте" люди хотят знать не ради праздного любопытства, а чтобы соотнести его как-то с собственными ориентирами. "Одни работали всегда, чтобы жить, – пишут Н.Политова и В.Сердитов, – а также, как Католиков, живут, чтобы работать..." Сейчас же появилась масса людей, для которых главное – деньги, деньги... Даже время наше уже окрестили "временем денег". Это естественно для "текущего момента"?

– Трудно сказать, что сегодня естественно, а что противоестественно. Происходящие изменения измеряются уже не месяцами, даже не неделями, а днями. Утром одна ситуация, вечером – другая. Я не хочу сказать, что жил только ради работы. Вот понимаете, есть на ипподромах беговые лошади. Их кормят, холят,

чтобы раз в месяц они вышли на дорожку, пробежали и получили приз. А есть лошади-трудяги, которых в любую погоду запрягают в повозку, нагружают их, и они тянут свой воз. Так и люди: одним букет бы отхватить, а другим бы воз вытянуть.

Сегодня этот воз – Россия. И мы не вытянем ее, если не научимся по-настоящему работать, как приличествует человеку. У нас же сегодня главная ставка делается на предпринимательство, которое основывается, к несчастью, в основном на купле-продаже. Общество все ощутимее делится на бедных и богатых, появились миллионеры, шальные деньги, мы стали жить совсем по иным меркам.

А, может, мы, наверное, жили, столько отдавая работе? Мало в нас было, да и есть, рационализма: делали, переделывали, строили, ломали... Результат же – нулевой. Вот посмотрите, сколько лет в республике село занимается выращиванием картофеля. А урожая, какого хотелось бы, нет. Даже своего северного сорта вывести не можем. Случайно попались мне семена немецкого сорта "Адретта". Купили, хоть и дорогущие. Посадили в своем интернатском хозяйстве. И хороший урожай собрали.

– Хороший – это какой?

Свыше 200 центнеров, что по нынешнему году, считаю, совсем неплохо. Хранится пока прекрасно, ни одной картофелины брать не разрешаю, это – семенной фонд, который есть у нас к будущему году. А теперь представьте, на сколько был бы наш результат, если бы мы располагали технологией выращивания этого сорта. Сейчас я написал послу ФРГ в СССР письмо с просьбой познакомить нас с каким-нибудь фермером, который успешно возделывает овощные культуры. Мы готовы встретить его с семьей, взять на себя долю расходов, но нужно, чтобы он пожил у нас и показал, как надо работать.

Мы работать разучились. Разучились работать по-умному. И, считаю, это беда образования. Школа не готовит сегодня умного рабочего, полагая, что это удел двоечника. Удел отличника – менеджер, предприниматель... А нам, ой, как нужен грамотный рабочий, грамотный крестьянин. Вот я и хочу сказать: не должен человек жить только работой, но он должен организовать ее так,

чтобы она и душу радовала, и результат чувствовался. Честное слово, надоело безрезультатно работать. Надоело выращивать урожай, который на 30 процентов гибнет, надоели вечные споры, кому его убирать, надоело отсутствие здравого смысла и в наших действиях.

25 лет я живу в Сыктывкаре и к кому только ни обращался с предложением о строительстве овощехранилищ кооперативных, которыми могли бы пользоваться горожане. Ведь так все просто: государство наполовину снимает с себя заботы о сохранении урожая.

Или такой вопрос: почему мы ограничиваем людей в земле с пятью, десятью сотками? Почему боимся сказать: да бери ты мужик, столько, сколько можешь обработать. Он и семью прокормит, и родственников поддержит, и излишки продаст. У нас же все полумеры, шарахаемся из стороны в сторону и никак не найдем ту тропу, по которой бы идти и идти. Конечно, опять все можно свалить на прошлые сумасшедшие годы, но при всем этом ведь были же идеалы, цели. Сейчас – ни целей, ни идеалов.

– Вот вы заговорили об идеалах. Они ведь были не только в "сумасшедшие" годы Они были на всех отрезках истории. Человек не может жить без ориентиров. Сегодня же вообще нет декларированных идеалов. У ваших детей нет даже идеала семьи...

– И поэтому нам особенно трудно заниматься воспитательным процессом. Мы делаем большую глупость – мы топчем свою культуру, свою историю, свои традиции. А ведь это наша плохая ли, хорошая ли, но наша история. Мы уничтожаем памятники – Дзержинскому ли, краснодарцам ли; мы путаем честь с бесчестием, когда глумимся над подвигами героев Великой Отечественной, как это было совсем недавно с публикацией о Зое Космодемьянской... Пора же, наконец, остановиться в этом вандализме.

Что касается отсутствие идеала семьи у детей-сирот, то вот здесь я никак не могу отрешиться от стереотипа. Понимаете, в семье родители работают, приучают к чему-то детей, готовят, как могут, к самостоятельной жизни, не попрекая ни затратами, ни расходами. И я не могу и не хочу все время напоминать своим

детям, в какую копеечку содержание сирот обходится государству. Но как человек, поставленный от государства заниматься их воспитанием, я должен думать о том, чтоб народные деньги, деньги налогоплательщиков, были употреблены с пользой. Не могу посему допустить, чтоб росли мои дети барчуками. И хозяйство наше большое – с пасекой и кедровником, полеводством и животноводством, не только подспорье в нынешней трудной жизни, но и студента, проходя которые, ребенок получает навыки умений, который в семье получил бы от родителей. Мы давно вводим элементы экономики – систему нарядов, заработную плату. Мало, конечно, этого сегодня. И я с удовольствием взял бы в штат экономиста, который бы занимался серьезно с детьми вопросами этими. Вот смотрите, как резко дорожает жизнь, в частности, продукты. У нас в день питание одного ребенка обходится в семь рублей. Еще недавно было два, а будет, того и гляди, и 10. Но ведь ребята это не почувствовали. В городе давно нет в продаже конфет, например, а у нас они не переводятся – работники торговли проявляют доброту сиротам...

– Александр Александрович, это прекрасно, конечно. Но они уйдут из интерната, и на них обрушится жизнь во всей её обнаженной суровости. Как они в ней адаптируются?

– Буквально вчера получил письмо от своего выпускника Андрюши Гедерцеева из Владивостока. Он собирается в загранплавание и, сообщая об этом, пишет: “Не завидую я будущим выпускникам, которые после наших райских условий в интернате, попадут в бардак сегодняшней жизни...” Конечно, детям из детских домов, интернатов всегда было трудно, когда они оставались с жизнью один на один. Будет еще труднее. И вот тут у меня чисто педагогическое раздвоение: да, надо им понять, почувствовать, как сложно сегодня людям жить, а с другой стороны – жалость к этим детям, лишенных главного – семьи. Через жалость перешагнув, в прошлом году провели эксперимент – старшие классы (10-й и 11-й) на неделю перевели на “карточки”. То есть жили они по тем нормам, что горожане. Но ведь для них это была игра... К сожалению, по-настоящему они столкнутся с проблемами, когда уйдут от нас. Да и уже сталкиваются. Вчерашние

девятиклассники (к счастью, это был последний выпуск, теперь они будут кончать в интернате 11 классов) почти каждый вечер, не в обиду им будет сказано, прибегают подкормиться – не наедаются в ПТУ. Не оттолкнешь их, не оставишь без поддержки, а сейчас особенно.

– Какие тенденции в нашем сегодня вас наиболее беспокоят?

– Меня пугает стремление к крутой безоглядной ломке. Мы никогда не будем жить в хорошем доме, если каждый год будем ломать фундамент, а потом опять возводить стены, снова их разбирать и снова возводить. Не будет тепла в этом доме.

Меня волнуют межнациональные проблемы, та непримиримость, которая чувствовалась в выступлениях некоторых депутатов последнего съезда коми народа. Если они таким образом будут отстаивать свое право на национальную независимость, то что же остается другим народам, проживающим здесь? Созывать чрезвычайный интернациональный съезд народов Коми?

А эти призывы о недоверии правительству, парламенту? Знаете, они бы очень быстро всякую почву под собой утратили, если бы первые лица республики, министры наши, взяли за правило еженедельно выступать в прессе с отчетами: что сделано, что делается, что не получилось, но решается... Тогда доверия к правительству будет больше, неуверенности меньше, слухов всевозможных.

Я считаю, что сегодня три чрезвычайно серьезные проблемы. Первая – рост преступности. И думаю, что в республике ее можно решить, разработать меры с привлечением транспорта предприятий, возрождением народной дружины, или назовите ее по-другому, но пусть охраняется покой людей. Мне безразлично, кто будет патрулировать на улице – милиционеры или солдаты. Но я хочу, чтоб человек мог идти и не бояться удара в спину, знать, что не обидят женщину или ребенка.

Вторая чрезвычайная проблема – деревня. Как ей помочь? Вот в этом году посадили два гектара ячменя, вырос. Наверное, есть резон увеличить в следующем году площади под его посевы, и в какой-то степени решить проблему с кормами. Может, приостановить в городах строительство каких-то объектов непервосте-

пенной важности? Вот Дом быта новый в Сыктывкаре строим. Что, он сегодня – из разряда самых необходимых?

И третья чрезвычайная проблема, которую надо решать с привлечением научных сил, – разобраться, наконец, почему же падает престиж труда, его производительность...

– Мне нравится, что у вас есть конкретные мысли. Может, они есть и по поводу того, как уберечь при грядущей либерализации цен от беды стариков, многодетные семьи?

– Нет сегодня такого кармана, из которого можно было бы дать всем и все в полной мере. Рассчитывать только на государство в его сегодняшнем состоянии бессмысленно. Надо рассчитывать на себя. Брать земельные участки, возделывать, сажать овощи... А забота местной власти – помочь транспортом, удобрениями... И прежде всего – многодетным. Предприятия обязаны поддерживать пенсионеров – ведь все они где-то работали до выхода на пенсию. Почему наш интернат это может, а другие нет?

– Александр Александрович, вы все верно говорите, но с местных, что ли, позиций. А ведь вы – народный депутат... Изменит ли ситуацию созыв съезда народных депутатов СССР?

– Нет. Надо честно сказать: когда 26 августа за 15 минут завершили работу съезда народных депутатов, произошло падение престижа депутатского корпуса. И сегодня Верховный Совет страны никакой роли не играет. А депутаты, если и работают, то в пределах своих территорий или общественных формирований, которые их избрали, решая частные вопросы.

Было приглашение Хасбулатова поработать в комиссиях российского парламента, но я считаю, пусть лучше каждый будет полезен на своем рабочем месте.

– Вы человек здравого смысла. Вы верите, что Отечество встанет, что мы не только рытвины и ухабы после себя оставим? Или и нашим детям спотыкаться о них?

– Думаю, что страна теперь будет вставать “поодиночке”. Но я верю в Россию. Лишь бы не было в ней национальных квартир. Каждый народ обязан думать о сохранении, возрождении своей культуры, но в решении политических, экономических вопросов

необходимо единство. Появится твердое – россиянин – мы поднимемся. Нет – Россия превратится в истерзанный кусок сыра, где одни дырки. Разве мы хотим этого?

Беседу вела ***Л.Зыль***

"Красное знамя", 1991.-14 декабря

Если мы все заговорим на коми,

будет ли это означать, что культура народа возродилась?

Уже 27-й год живу я в республике. Много друзей здесь, дела большие делали вместе, удовлетворение от прожитых лет есть. А жизнь не из легких была, переломала всего. Это я 1968 год вспомнил, когда в аварию попал, когда пришлось людей из автобуса вытаскивать на железнодорожном переезде. И в голову не приходило, кто там русский, кто там коми, всех подряд тащил.

Те годы, которые сейчас называют "застойными", крепко заложили в нас принципы интернационализма. И никакими перестройками, ни придуманным новым мышлением не выбить из наших душ чувства дружбы и уважения к людям любой национальности. Какая нация важней, представителей какой больше, какой меньше – не та тема, которую надо заострять. И согласен я с В.Лычковским, который в статье "Телега впереди лошади" опубликованной в "Вечернем Сыктывкаре", говорит о том, что если даже все мы, живущие в республике, и русские, и украинцы, и евреи, и грузины, и армяне, и азербайджанцы, все сто процентов населения дружно заговорим на языке коми, от этого ни на один процент не произойдет возрождение народа, ибо язык есть важная, но всего лишь составная часть культуры. Она-то и требует пристального внимания. Национальный вопрос – опасный вопрос. Кровавая резня на юге России есть предупреждение о том, что к национальным проблемам нельзя подходить однозначно. Я – педагог и попробую выразить отношение к этим проблемам не столько с позиции политических, сколько с педагогических.

Недавно в "Красном знамени" было сообщение статуправления о рождаемости в республике. И меня больше всего поразило,

сколь резко падает число рождений детей коми национальности. На 1991 год появилось на свет всего 900 детей, у которых и мать, и отец коми. Вот она, животрепещущая проблема – проблема нашего будущего, будущего республики! Для ее решения нужно не жалеть ни сил, ни средств.

Давно я знаю Марию Вячеславовну Кузьбожеву, с тех пор, как была она директором Пажгинской средней школы. Это она организовала коми этнический ансамбль, при ее участии возрождаются в селе коми ремесла по обработке дерева.

Недавно встретились с ней на Всемирном финно-угорском конгрессе, разговорились. Рассказала она о своей заветной мечте – создать в Пажге коми национальный детский центр и коми крестьянскую школу, и о том, как трудно воплощать ей свою мечту. А уж, казалось бы, кому, как не ей, следует оказывать финансовую и моральную поддержку. Ведь в педагогике и культуре большая часть проблем решается личностью. И таких в Пажге не одна Мария Вячеславовна – там много энтузиастов, понимающих, как можно возродить традиции коми села.

Когда говорю о традициях, культуре коми народа, вспоминаю село Куратово и созданный там музей поэта. Я всегда вожу в него многочисленных гостей, которые часто приезжают в наш интернат. Как-то года два назад приезжала к нам делегация с Украины. Побыли у нас несколько дней, а потом начали удивляться: где же ваша самобытная коми культура? – Говорят в Сыктывкаре на русском языке, во внешнем виде города нет ничего отличного от любого другого... Повез я их в музей И.А.Куратова, и встретила нас там Елена Керимовна Попова. Стала она рассказывать о жизни Ивана Алексеевича, читать его стихи, петь коми песни, приплясывая и притопывая ногой в такт мелодии. Показала старинную утварь, рассказала об укладе коми дома, поведала много историй из жизни села, “Вот теперь мы поняли, – сказали украинцы, – что такое коми культура”.

Жаль, что из-за каких-то неурядиц пришлось Елене Керимовне уйти из музея, который постепенно приходит в запустение и открывается только тогда, когда гости приезжают. Много раз обращался я в Комитет возрождения коми народа с просьбой по-

мочь музею, поддержать этот истинно национальный очаг культуры на юге республики. Ну, действительно, кому, как не самим коми возрождать свои традиции, поднимать свою культуру?! И начинать-то надо именно с сельской школы, увеличивая капиталовложения в образование. Ведь именно школа была всегда очагом культуры села. Сейчас эта традиция ослабевает.

Мне понятно, что все на сразу не хватит средств, но можно многое восстановить и без больших затрат. Почему мы отказываемся от всего, что было раньше – плохого и хорошего? Городские школы забыли о былом шефстве над сельскими школами, откуда ребятишки приезжали в город, ходили в театры, музеи, на "большую" елку, а городские педагоги давали уроки в сельской школе и наоборот. В летние каникулы "шефы" ездили к своим "подшефным", жили в школе или в семье, в крестьянской избе. Поутру бежали по росе на сенокосные луга, возили сено, стоговали вместе с сельскими сверстниками. И исподволь воспитывалось разумное восприятие сельской жизни у юных горожан. А сегодняшнее недовольство города селом, а села – городом не есть ли в какой-то мере следствие прерванной детской дружбы между сельскими и городскими ребятишками? Вот и подумать бы вместе директорам сыктывкарских школ, как возродить ее. Ведь основные села Сыктывдинского, Сысольского, Корткеросского, Усть-Вымского районов – либо около Сыктывкара...

На днях коллегия Министерства народного образования республики утвердила нашу школу-интернат №1 в качестве агрошколы-интерната. Я и в прежние годы не раз обращался в различные руководящие организации с предложением создать в Сыктывкаре интернат для детей-сирот коми национальности, чтобы не забывали они свои обычаи, чтобы выпускники возвращались домой носителями национальной культуры, фермерских знаний и традиций. И вот теперь такая возможность предоставлена. Мне понравилось выступление на коллегии заместителя министра образования В.Н.Ракина. Для него суть реорганизации интерната в агрошколу именно в том и состоит, чтобы больше коми детей попадало к нам, чтоб они не отрывались от земли, чтобы вернулись в родное село, сохранив любовь к нему.

А любовь эту мы всегда стремились воспитывать в наших детях. Помню, как ходили вместе в длительные лодочные походы по Сысоле, как восторгались дивной красотой глубоких озер, косяками елок, сбегающих к воде, трогательными деревеньками по берегам. Ездим и в Воркуту, узнаём, какой ценой добывается уголь, в Помоздине встречаемся с оленеводами, в Ухте друзья возят детей на нефтескважины... И везде добрый прием сердечных людей.

Наши дети – сироты, но и они не должны терять свои национальные корни. Укрепление их – наша забота. И тогда, даже уехав из республики, они будут помнить свою землю, свой народ. А творя во благо его, не могут не думать о благе других народов.

"Красное знамя", 1993.-29 января

"Не навреди!" –

заповедь не только врачебная, но и педагогическая

– Я могу на страницах газеты высказать свою точку зрения по поводу предлагаемой интеграции двух вузов республики – университета и пединститута? – позвонил в редакцию директор Сыктывкарской агрошколы-интерната А.А.Католиков.

– А почему нет, Александр Александрович?! Вы – член-корреспондент Академии педагогических наук, вам – и карты в руки.

И мы встретились.

– В учительской среде поселилась тревога. Кого не встречу, у всех один вопрос: "Что будет с нашим пединститутом?" И это понятно: для подавляющего большинства учителей республики он – "свой", они его заканчивали, судьба вуза им не безразлична. Но дело не только в этом – учителю не может быть безразлично будущее школы, а оно напрямую связано с подготовкой кадров для нее – с педагогическим институтом.

Школа – отдельное государство, с ней надо обращаться крайне осторожно. Педагогов часто упрекают в консерватизме. Но так ли уж он плох, когда речь идет об интеллектуальном потенциале, об образовании, а следовательно, о будущем поколе-

нии? Здесь как раз тот случай, когда нужно семь раз отмерить, прежде чем отрезать. Ведь хоть где-то, но должна же быть стабильность! Хоть в чем-то уверенность в завтрашнем дне! В данном случае – в возможности дать ребенку образование. Неслучайно же появился указ президента, запрещающий регламентировать прием в десятые классы школ.

При всем разнообразии появившихся альтернативных форм обучения (лицеи, гимназии, колледжи и т.д.) превалирует обычная массовая общеобразовательная школа. Особенно в сельских районах республики. Сколько там работает выпускников СГУ? Думаю, что не очень много. Станет ли их больше после интеграции? Однозначно –нет. Тем более, что в дипломах университетских значится, к примеру, "историк, с правом преподавать в средней школе".

– А распределение отменено. Огромное число выпускников не работают по полученному профилю. Финансирование их подготовки идет от государства, а со стороны его нет никакого юридически-правового контроля за использованием кадров. Ведь не случайно же наш пединститут даже профориентированную молодежь принимает на основе трехстороннего договора: "КГПИ – абитуриент – рай(гор)оно"...

– И это "страховка" своего рода во имя интереса школы. Сколько бы мы ни говорили о фундаментальности университетского образования, без должной методической подготовки учителя просто нет. Возьмите такого великолепного педагога, как Шаталов. Наверняка есть математики сильнее его, на как преподаватель математики он уникален. Уникальна его методика, его педагогический дар. Не теоретические знания (естественно, и они важны), а педагогические его возможности и способности. Их развивает пединститут путем непрерывных педпрактик студентов, сложившейся системой взаимодействия с педклассами, педучилищами. Интеграция разорвет эту цепочку, эту выстроенную систему: школы, средние специальные учебные заведения останутся в ведомстве Министерства образования, а конечное звено – вуз, готовящий для них кадры, – перейдет под иную эгиду. Где же логика и здравый смысл?

– Александр Александрович, но у сторонников интеграции главный козырь как раз и есть "ведомственность", которая якобы остается лишь у фирм, получивших лицензию на подготовку необходимых ему специалистов.

– Ну, если так рассуждать, давайте и мединституты объединим с разного рода "службами", связанными сегодня на здоровье человека. Почему стали гибнуть ПТУ, сокращаться их число? Да потому, что разорвались связи с предприятиями, для которых они эти кадры готовили, исчезла целенаправленная единая система их подготовки. И снова мы замахиваемся на разрушение системы: дошкольное, школьное, среднее специальное и высшее педагогическое образование. Чем такая ведомственность плоха? И здесь твердую позицию должно занять наше Министерство образования республики.

Я понимаю, хочется иметь мощное научно-учебное заведение – университет как комплекс институтов, в том числе и педагогических. Но он, уверяю вас, будет самым ущербным в этом симбиозе при существующем положении дел. Я имею в виду сложность и специфику учительского труда, невысокую его оплату, незавидные условия работы на селе и т.д. Сегодня при поддержке Министерства образования педвузы держатся. Что будет, когда они лишатся ее, став одними из прочих для Госкомвуза?

Я сегодня мог бы высказать немало претензий к работе кафедры педагогики КГПИ. Но методическая база для подготовки учителей там создана, ее надо укреплять, а не разрушать. И не об интеграции с СГУ я предложил бы подумать сегодня, а о другом варианте – интеграции КГПИ с институтом усовершенствования учителей. Пародия в самом его существовании. Кого он "совершенствует"? – Учителей, выпущенных теми же институтом и университетом. Не разумнее было бы создать в КГПИ отделение послевузовской переподготовки, когда на короткий срок в свой же институт, к тем же преподавателям, знающим сильные и слабые стороны своих бывших студентов, возвращаются учителя-практики, получают новые методики. Вот что было бы и разумно и полезно.

– Вы высказывали это мнение кому-то?

– Кому?! Ведь мнение учителей оказалось никому ненужным! Зам. Главы республики В.А.Торлопов, выступая по радио, сказал, что руководство республики поддерживает точку зрения Госкомвуза об интеграции. Не посчитали нужным даже посоветоваться с теми, кто будет пожинать плоды этой недальновидной, на мой взгляд, политики. Вот вам еще одно проявление неуважения к учительству. Что за страсть гигантомании, без четкого видения последствий?

Мы любили ссылаться на Запад, Штаты. Так, американцы, к примеру, ориентируются сегодня в подготовке кадров на учебные заведения малых размеров, где есть возможность дойти до каждого студента. Там совсем немного крупных университетов... И мы, объединив два вуза, ничего не выиграем, школа ничего не выиграет, а потери вполне вероятны.

Интеграция преждевременна, и будь моя воля, я по осени провел бы референдум среди учительства. Пусть через рай(гор)оно они выскажутся, мотивируя "за" и "против"...

Комментарий корреспондента. *Не думаю, что у кого-либо шевельнется мыслишка о лишних амбициях да обидах, мол, не снизошли "верхи" до совета с "низами", и вот... У А.Католикова и без вузовских, проблем выше головы: в Межадорском хозяйстве агрошколы сенокос начался, а солярка на исходе; его дети – нынешние студенты вузов – приехали домой на каникулы, а в интернате воспитанников на 112 сверх нормы; ПТУ выдвигают условие за условием по приему на учебу вчерашних девятиклассников-сирот: одно требует расписку, что на выходные и каникулы всех их интернат будет забирать к себе, другое требует обеспечить на все время обучения одеждой...*

Но это проблемы дня сегодняшнего. Образование – будущее страны. Потому и решил народный учитель высказать свое мнение. Оно важно, интересно для кого-нибудь?

Беседу вела ***Л.Зыль***

Красное знамя", 1994.-27 июля

Школа: без перемен

В наробразе заложен дух противоречия.
Особенно здравому смыслу.

"Когда же мы поумнеем?" – этой фразой заканчивалась статья К.Маркизова "После звонка" ("Трибуна" от 10.09.94 г.), в которой рассказывалось о трудной ситуации в школах.

Но так ли уж все беспросветно? Об этом в беседе с нашим корреспондентом рассуждает известный в России педагог, директор агрошколы-интерната № 1 Александр Александрович Католиков.

– На мой взгляд, педагоги уходят работать в другие отрасли не только потому, что зарплата мала. Но есть и другая причина: уровень подготовки молодых учителей, особенно по предметам психолого-педагогичекого цикла, очень невысок. И поэтому молодые специалисты чувствуют себя в школе неуверенно, не знают, как подойти к ребенку. И даже боятся работать с детьми.

Пользуясь случаем, еще раз выскажу свое мнение по поводу вероятного слияния Коми пединститута с Сыктывкарским университетом. Этого делать нельзя ни в коем случае, у двух вузов совершенно разные задачи. И если на сегодняшний день уровень подготовки выпускников КГПИ как педагогов весьма невысок, то после объединения с университетом он может стать еще ниже!

Нехватка педагогов-мужчин – тоже "вечная тема". Дело, опять же, не только в заработке. Мужчины не испытывают морального удовлетворения от работы в школе: слишком много там еще рутины, отживших традиций. Не последнюю роль играет и невозможность получить квартиру, чтобы человек создал семью, чтобы, наконец, мог спокойно готовиться к урокам. Считаю, что обеспечение педагогов жильем должно полностью взять на себя государство.

Но есть и такие проблемы, которые руководители школ вполне могут решить своими силами, не дожидаясь государственной помощи. Обратите внимание, в статье "После звонка" говорится о том, что в школах не хватает уборщиц. И там же – что нет денег для помощи детям из малообеспеченных семей. Так

ведь выход сам собой напрашивается – взять и разделить ставку уборщицы между тремя-четырьмя девочками из малообеспеченных семей. Разве трудно вечерком поработать час-полтора? Зато каждая из них будет иметь тысяч по 15-20 в месяц. И в школе станет чисто, и дети будут ценить заработанную копейку. Да, собственно так и делают студенты: делят ставку дворника или уборщицы на троих-четверых. Так почему же нельзя трудиться ученикам 10-11 классов, которые всего на год-два моложе студентов?

Не хватает средств на ремонт мебели? А, может, не хватает требовательности? Гороно недостаточно спрашивает у директоров школ, а директора не требуют бережного отношения к школьному инвентарю. Пишется, что уже израсходовано 78 процентов городского бюджета. Ну, а что мешает, к примеру, школе самой заработать деньги? Вот простой вариант – оборудовать в подвале овощехранилище, а в сентябре недельку поработать в совхозе на уборке урожая, закупить там по себе стоимости картофель, свеклу, капусту для школьной столовой и сэкономить деньги, выделенные на питание, пустить их на другие нужды. Или же помочь продуктами тем же малообеспеченным семьям, да и педагогам, которые получают слишком мало. Все это выполнимо, надо только проявлять инициативу.

– Ваша школа-интернат живет во многом на самообеспечении. И все-таки – хватит ли у вас средств на этот, особенно трудный, учебный год? И еще. Ваши старшеклассники в сентябре не учатся неделю-две, убирают урожай в подсобном хозяйстве. Не отражается ли это на учебе?

– Сперва я отвечу на последний вопрос: нет, на качество знаний работа на подсобном хозяйстве не отражается, программу мы проходим полностью. Во-первых, потому, что у нас не бывает карантинов и актированных дней. Учебный и жилой корпуса находятся под одной крышей, поэтому нам не страшны ни морозы, ни эпидемии гриппа. А, во-вторых, мы используем метод интегрирования в обучении. Это означает следующее: некоторые разделы программы повторяются в разных предметах, в разные годы

обучения. А мы их сводим к "единому знаменателю", то есть избегаем дублирования.

Что же касается урожая, то в этом году он оставляет желать лучшего. Картофеля, например, собрали только 83 тонны, обычно мы берем больше. Пришлось поработать в совхозе, который расплатился с нами из расчета 300 рублей за килограмм. Но зато мы выиграли в другом. Летом наши ребята работали в плодово-ягодном совхозе "Солнечный", что в Кировской области. По договору совхоз отпустил нам ягоды по цене – 600 рублей за килограмм – а на рынке, сравните, они по 3 тысячи. Вот и наварили около пяти тонн варенья. Потом еще яблоки закупили, облепиху.

С одеждой потруднее дело обстоит. Живем пока старыми запасами, экономим. А кончатся запасы – что ж, будем думать, как выйти из положения. Могу только сказать, что на одежду мы не получили ни копейки от государства.

Чтобы улучшить материальное положение, мы организовали фонд социальной защиты педагогов. Что называется, скинулись, и теперь закупаем продукты оптом, минуя всяких посредников. Простой пример – закупили мы у производителей большую партию колбасы, овощей, фруктов. И обошлась она нам на 45 процентов дешевле, чем в магазине. Разве нельзя учителям других школ организовать что-то подобное?

– Александр Александрович, в нормальных странах директор школы не озабочен проблемой питания учеников, у нас же по мере развития рыночных отношений директор школы все больше времени вынужден уделять хозяйственным вопросам. Как вы можете объяснить такое противоречие?

– Все наше народное образование сегодня – это сплошное противоречие... здравому смыслу! Так как не понятно, бедно мы живем или, наоборот, слишком расточительно? Вот вам пример. В школе я учился по учебнику физики Перышкина, в институте на физмате – тоже по его учебнику, конечно, более сложному, а когда окончил институт, преподавал детям тоже по Перышкину. И это правильно, надо иметь стабильные учебники. А что сейчас происходит? Тратятся сотни тонн бумаги, миллиарды рублей! Зачем, спрашивается? Разве что-то изменилось в геометрии со

времен Евклида, в математике со времен Лобачевского? Или история древнего мира изменилась, географы новые материки открыли?

Да, мне могут возразить, что каждый год совершаются новые открытия в физике, химии. Ну так и надо печатать небольшие приложения к учебнику с перечнем открытий. Зачем же переиздавать учебники? Чтобы доставить удовольствие их авторам, что ли?

Все говорят, что учителям мало платят. А на днях нас измучила фининспекция – мол, почему у вас молодые учителя получают "слишком много". Да потому, что иной молодой учитель с трехлетним стажем работы работает творчески, применяет новые передовые методики, а тот, кто работает 13 лет, не применяет! И ведь есть разрешение Минфина платить учителям-новаторам по высшим ставкам! Только надо самому фининспектору лучше знать положение об аттестации. А многие директора, наверное, и не подозревают, что они уже сегодня могут повысить зарплату молодым, но талантливым педагогам. Вместо этого льют слезы, недоумевая – почему это, мол, молодые специалисты в школе не держатся?..

Есть еще одна вещь, которая меня страшно возмущает. Снова, как и в годы застоя, берет верх тенденция учить детей одинаково, по стандарту. Да, какие-то фундаментальные знания надо давать всем, а вот уже в классах 10-11 не надо "стричь" всех под одну гребенку. Если у ребенка гуманитарные наклонности – свести до минимума точные и естественные науки, пусть углублено занимается историей, литературой. Но для этого надо иметь возможность делать маленькие классы, человек по 10 в каждом, а не по 18-23, как у нас, а в других школах еще больше. А в результате что мы имеем? Дети теряют интерес к учебе, учителя – к работе.

Сегодня директор должен больше всего заниматься вопросами социальной защиты как детей, так и учителей, других школьных работников. Ибо ситуация на сегодняшний день такова – если директор не позаботится об их социальной защите, то никто больше им не поможет!..

Комментарий корреспондента. *Могу сообщить, что за отличную подготовку к началу учебного года агрошкола-интернат № 1, по решению управления народного образования городской администрации, была награждена.*

...С А. Католиковым мы беседовали в учебно-опытном хозяйстве "Межадорское", что в Сысольском районе. Воспитанники интерната живут и трудятся здесь все лето, а в остальное время года приезжают сюда на субботы-воскресенья и каникулы.

В "Межадорском" я бываю каждый год на протяжении последних лет, и каждое посещение вызывает ряд вопросов. Ну, например – почему в сельских школах республики, за очень редким исключением, нет подсобных хозяйств? Я уж не говорю о городских, где нет лишнего клочка земли, хотя... Я еще застал время, когда каждая городская школа имела небольшой опытный участок. Эти участки давно застроены или покрыты бетоном...

И еще одно из высказываний А.Католикова запало в голову – о том, что в выпускном классе не надо учить всех детей одинаково, а – по направлениям, в соответствии с их наклонностями и способностями. Мысль, скажу прямо, не новая, в иных странах подобная система успешно действует десятки лет. Так почему же нельзя ввести ее у нас? Тем более, что Республика Коми считается теперь суверенной. Однако радетели суверенитета ограничились тем, что добились включения коми языка в число обязательных предметов – что, кстати, А.Католиков не стал делать ввиду явной ненадобности, – и на этом успокоились. И продолжаются взаимные мучения учителей и старшеклассников, совсем как 25 лет назад, когда я сам был десятиклассником и ненавидел школу за то, что там меня заставляли зубрить совершенно ненужные мне предметы.

В стране идут реформы, а в народном образовании, выходит, ничего коренным образом не изменилось? Вопрос: "Когда же мы поумнеем?", по-прежнему остается актуальным. К сожалению...

Беседу вел ***В.Лычковский***
"Трибуна",1994.-8 октября.

Черный, синий, голубой

– отогрелся, мальчик мой?

На его глазах мать убила отца. Первые два месяца пребывания в интернате его не могли вывести из болезненного состояния. Выражалось оно страшно просто – мальчик молчал. Что бы вокруг ни происходило – он молчал. Однажды ему дали альбом и краски и сказали: "Рисуй..." Он не отказался. Взял в руку карандаш. Черный карандаш. В коробке было много карандашей разного цвета. И только один черный. Мальчик взял его так, как будто это был единственный карандаш в коробке. И начал рисовать.

Он долго рисовал только черным карандашом. А когда взял в руки синий, а потом и голубой, у многих отлегло у сердца. Значит, полегчало ему, значит, отогрелся.

"Как много черного цвета в рисунках детей, посмотрите, – говорила заместитель директора агрошколы-интерната Ирина Михайловна Иржак, знакомя с небольшой выставкой работ воспитанников школы. – Каждая черная линия – след от пережитого. Попробовали изъять из набора карандашей черный. Дети перестали рисовать".

Другого мальчика подобрали в аэропорту, где он, наверное, прожил несколько дней. В кармане была записка от матери, в которой она отказывалась от сына – нет средств на содержание. В интернате – не знаю в католиковском или в каком другом – пробыл недолго. Забрали его в семью. Но в семьи забирают сегодня очень редко.

Почему? Что происходит с русским народом? Что происходит с Россией, равнодушно смотрящей на горе своих детей? С этого вопроса и началась беседа с А.А.КАТОЛИКОВЫМ.

– В Америке ведь нет такого. У них ведь сразу детей разбирают. Даже трудных детей – преступников и то они отдают в семьи. Почему же у нас не берут в семьи? Уровень благосостояния очень различается. Взять сегодня ребенка в семью, даже если государство дает деньги на питание, невозможно. Нужны дополнительные жилплощадь, одежда. А ничего нет. Более того. Накануне приезжали из села Выльгорт. С жалобой. Трех детей отдали в интернат, и райисполком быстренько вселил в их квартиру ка-

кую-то бабушку. Когда детей забирали, каждую тряпку переписывали, а потом взяли и отобрали у детей квартиру.

Мы испортили всю страну. Все наши взаимоотношения. У русского человека исстари все-таки в крови был коллективизм. Я не хочу сказать, что колхозы – это прелесть. Но коллективное веление хозяйства на Севере не заменимо. Частник здесь не выдержит.

– Но все-таки не в Америке же наше спасение? В нас самих, наверное? Каких только смут не было в истории России – русский человек себя не растерял в них.

– Мы все ждем какую-то гуманитарную помощь. Мы ждем какие-то деньги, которые нам обещают. У нас же есть опыт выживания. Ведь выжили мы после войны. Я как раз из послевоенного времени. 41-го года рождения. Помню, как мы с братьями сажали картошку. Пять соток надо было засадить – и сажали. Все сами. А мать привозила посадочную. Я, только встав взрослым, задумался, как же она это делала. Она железнодорожницей была. (Отец на фронте сразу погиб). Вспомнил, как мать говорила: "Я сегодня ночью не приду. Поеду на вертушке за картошкой". А у нас была игрушка – волчок. Когда пацаном был, то часто приходили такие мысли. А как же мать на вертушке? Вертушка-то крутится. Как же не упадет с вертушки? "Наверное, – брат старший говорил, – она держится за центр и мешки к себе притягивает". А вертушка – это, оказывается, поезд с тремя вагонами. И ночью, когда по Транссибирской магистрали нет большого движения, мать, куда ей нужно, раз – на вертушке. Загрузит картошку – и назад.

Мы все были заняты. Помню период, когда вообще не было денег, и я продавал квашенную капусту. А потом шел и покупал черный хлеб. Капусту сами солили. Мать на двух работах пропадала, чтобы накормить нас. Тогда ведь пособий никаких не было...

– У Николая Рубцова есть стихотворение о воробье, который "не становится вредным оттого, что так трудно ему". Ваше детство было нелегким, да и все другие годы, но ведь вы не

ожесточились. Следующие за вами поколения 50-х, 60-х годов ожесточены жизнью...

– Посмотрите на Сыктывкар. У нас в основном панельные дома. Кирпичных стало больше в последнее время. И строятся они по индивидуальным проектам. Кто в них живет? Академики, ученые, герои? Сегодня у нас если академик имеет 2-комнатную квартиру в панельном доме, то слава Богу. В этих же домах как раз живет то поколение, которое ожесточилось. В обществе богатые ожесточились на бедных, бедные – на богатых.

– Как же быть сегодня школе?

– И школа разделилась. Вы посмотрите – лицеи, гимназии. Все это изумительно. С умными детьми надо работать. России нужны умные люди. Но получались школы для богатых и получались школы для бедных. Сегодня положение катастрофическое – во взаимоотношениях. Есть лицей, ученики которого свободно ездят в Англию, в Америку. А в других школах дети голодными сидят. Я вот был в Часовской средней школе. Из 270 детей 250 нуждаются в социальной защите. Раз в день надо их накормить бесплатно. Там случилось одно несчастье. Умер отец. У матери осталось четверо детей. Мать сломала ногу. Нога неправильно срослась. Гноится. Дома – ни полена дров. Ни еды. Ничего. Школа прекратила кормить детей – денег нет. Вынужден был троих детей забрать сюда. Вы не представляете себе картину, как эти дети ели и как они до сих пор едят! – три месяца прошло.

Сегодня очень тяжело в сельской школе. Но, с другой стороны, некоторые педагоги опустили руки. Они перестали быть интеллигентами на селе, они прекратили работать с родителями. Спрашиваю у сельских учителей – сколько получили картофеля, моркови со своих площадей. Ну хоть раз в день суп варите – свой, бесплатный? Нет. Почему? Нам директор совхоза земли не дает. Ну разве можно сельскому учителю, который на селе всегда был передовиком во всех делах, так опуститься?! Пока мы не начнем с самого маленького, с самого элементарного не начнем трудиться, мы ничего не получим. Мы не возродим Россию.

Комментарий корреспондента. ...*Учебно-опытное хозяйство агрошколы-интерната, в котором я побывал после беседы с*

Католиковым, – это настоящий мини-совхоз. Находится оно под Сыктывкаром, неподалеку от села Межадор.

Павел Степанович Григорьев, его управляющий, и работники хозяйства Миша и Вася Стоговы (кстати, выпускники католиковской школы) провели меня по его территории. Заходили мы в гости и к буренкам, и к савраскам, и к овечкам, и к свинкам. Привольно им здесь живется. Фермы теплые. Корма вдоволь. Всевозможная сельхозтехника стоит в двух огромных железных ангарах, какие и не во всяких совхозах есть. Когда в Межадоре в гостях у детей был один голландский миллионер, все изумлялся – мол, нигде такого не видел. И обещал в подарок трактор из Голландии прислать. И прислал. Не обманул. Не забыл.

Все, что я видел в Межадоре, создано огромным трудом преподавателей и воспитанников школы. Теперь – агрошколы.

Для чего был изменен статус интерната? На этот вопрос ответила научный консультант школы, ведущий научный сотрудник Института самоопределения молодежи РАО Галина Васильевна Пичугина:

– Как вы убедились, в Межадоре созданы все условия для обучения детей на практике всем возможным видам сельскохозяйственных работ. И прежде такая работа велась через систему кружков и факультативов. Все выпускники интерната на протяжении многих лет показывали прекрасные результаты на конкурсах ученических производственных бригад. Но официально они какого-то сельскохозяйственного образования не имели. И поэтому мы решили получить статус агрошколы с тем, чтобы можно было выдавать детям какой-то определенный документ. Это тоже средство их социальной защиты. Мы сейчас в рамках Закона "Об образовании" даем детям начальное профессиональное образование. Практическая деятельность ребят сохранилась в прежнем объеме и даже немного выросла. Изменения в другом – мы теперь ввели в учебный план специальные предметы – "Основы растениеводства", "Основы животноводства" "Основы экономики сельского хозяйства". Систематические курсы начинаем преподавать с 8-го класса, а практически подготовка детей к сельскохозяйственному труду у нас начинается в дошкольном отделении. Накапливается уникальный научный материал о том,

как можно учить детей 3-4 лет сельскохозяйственному труду, как они воспринимают эти уроки.

... А сегодня он рисует всеми-всеми карандашами. Но особенно любит голубой и зеленый. Потому что голубой – это небо над Межадором. А зеленый – это трава в Межадоре.

Беседу вел ***А. Фурсов***

"Красное знамя",1994.-27 июля

IV
Эксперимент оборвался... смертью

Положение

об экспериментальной площадке на базе Сыктывкарской агрошколы-интерната для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на период с 1993 по 2003 годы.

Тема: "Управление развитием учащихся средствами интегрированного обучения и профессионального определения".

Замысел эксперимента. Преодоление запущенности в развитии воспитанников интерната в период раннего детства, создание условий для постепенного ускорения их развития в учебно-воспитательном процессе.

Объект эксперимента. Соотношение развития детей с созданием системы Интегрированных уроков и интегрированных курсов, управление специально высвобождаемых временем для общего и дифференцированного развития способности детей, подводя их к практическому овладению сельскохозяйственной профессией.

Предмет исследования. Нахождение дополнительных резервов в интегрированном обучении для формирования интереса к учению, развития способностей, убеждений, мировоззрения учащихся; нахождение и создание единой программы интегрирования в учебном и воспитательном процессе с конечной целью –

профессионального выбора сельскохозяйственной специальности.

Цель эксперимента. Обеспечить каждому воспитаннику к моменту выхода из агрошколы общественно необходимую норму социального развития, обеспечивающую подготовленное вхождение в самостоятельную жизнь, свободную адаптацию в ней и сознательный выбор профессии.

Задачи исследования.

•Найти совместные пути интегрирования как средства развития детей одновременно в учебном и воспитательном процессе.

•Создать систему совершенствования деятельности педагогического коллектива по развитию учащихся средствами интегрирования и направленности на выбор сельскохозяйственной профессии.

•Изучить и использовать опыт ведения фермерского хозяйства Голландии в Республике Коми.

Гипотеза эксперимента.

•Подтверждение педагогических возможностей и условий преодоления запущенности развития детей в раннем детстве;

•возможностей и условий массового приобщения учащихся агрошколы к сельскохозяйственным профессиям;

•эффективности интегрированного обучения в плане организации и рационального использования свободного времени в целях управления развитием учащихся.

Источники эксперимента.

•психолого-педагогическая и методическая литература;

•опыт передовых коллективов школ, гимназий, лицеев;

•опыт педагогов-новаторов;

•Опыт зарубежных школ и фермерских хозяйств Голландии.

Методы исследования.

– Наблюдение.

– Беседы.

– Экспериментальные измерения процесса развития детей с помощью специальных исследовательских методик: анкетирова-

ние, метода оценок, хронометража, ранжирования, метода независимых характеристик (метод рейтинга), характерологического эксперимента и др.

– Проведение лабораторных экспериментов.
– Формирующий эксперимент.

Этапы экспериментальной работы.

1. ***Подготовительный.***

Изучение воспитателями психо-физиологической литературы по развитию детей каждой возрастной группы, выявление отклонений от нормы развития учащихся своей группы (индивидуальных и групповых), составление конкретных программ развития в соответствии с его уровнем. Обеспечение принципа преемственности при смене воспитателей и учителей.

Выделение общих научных теорий, категорий, концепций, изучаемых в агрошколе курсов предметов, и составление на их основе системы интегрированных уроков и интегрированных курсов.

Создание материальной базы и программы подготовки учащихся агрошколы к сельскохозяйственной профессии.

Синтез всей производственной подготовительной работы в общую систему реального осуществления формирующего эксперимента.

2. ***Собственно эксперимент.***

В дошкольном отделении – воспитание у детей потребности и интереса к развитию, контрольно-экспериментальные проверки уровня развития, его соответствия или несоответствия норме. Составление характерологических срезов для передачи учителям и воспитателям нормальной школы.

В начальной школе: проведение бинарных и интегрированных уроков в соответствии с составленной программой. Управление свободным временем учащихся для разностороннего развития группы и личности

(дифференцированно в соответствии с экспериментально установленным уровнем развития). Осуществление начальной профессиональной ориентации.

В V-VIII классах организуется развернутая программа интегрированных уроков. Точно регулируется порядок высвобождения свободного времени и его использования для всестороннего развития личности каждого ребенка. Создание серии факультативов и кружков для социального, культурного и профессионального развития учащихся. Формирование экологического кругозора и мышления. Четкая координация деятельности учителей и воспитателей для выполнения поставленных задач. Проведение летней агропрактики в учебно-опытном фермерском хозяйстве "Межадорское".

IX-XI кл. Осуществление системы интегрированных уроков и интегрированных курсов. Факультативы по экономическому обучению высокоразвитому сельскохозяйственному производству, агротехнике, механизации. Организация сельскохозяйственной практики на базе учебно-опытного фермерского хозяйства "Межадорское". Осуществление широкой программы социальной, нравственной, культурной, профессиональной подготовки к самостоятельной жизни. Гармоничное развитие личности каждого выпускника. Формирование экологического мировоззрения учащихся при подготовке к сельскохозяйственной деятельности. Ознакомление с фермой и учебным центром Нидерландов на базе самых последних технологий производства на основе агродоговора Коми Республики.

Итоговый.

Определение конечного результата эксперимента путем социологических исследований выпускников и учащихся выпускных классов агрошколы для выявления уровня их общего развития, подготовленности к самостоятельной жизни, уровня социальной адаптации и профессиональной подготовленности. Таким образом, будет определена практическая и общественная значи-

мость эксперимента, подтверждена или опровергнута выдвинутая гипотеза.

Эксперимент рассчитан на 10 лет (1993-2003 гг.)

Приложение.

Рабочая программа

по проведению эксперимента на базе Сыктывкарской агрошколы-интерната для детей сирот и детей, оставшихся без попечительства родителей, на период с 1993 по 2003 г.

•Исходным явлением учебно-воспитательного процесса в агрошколе является развитие личности ребенка и управление им в соответствии с уровнем отставания в развитии в период раннего детства.

•В период подготовки к эксперименту учителя и воспитателя по параллелям (дошкольный, начальная школа, V-IX классы и X-XI классы) изучают характер и закономерности психического, физиологического и социального развития детей своей социальной группы и на педагогических консилиумах выделяют наиболее типичные отступления от нормы в развитии своего коллектива и отдельных учащихся. Планы воспитательной работы строятся в соответствии с выявленным уровнем развития детей.

Учителя на педагогических советах по параллелям определяют концептуальные теории, идеи, проблемы, дающие возможность интегрировать учебный материал и под руководством завуча составляют расписание интегрированных уроков (по вертикали и горизонтали) с точным определением числа сэкономленных часов. Воспитатели, включаясь в систему интегрирования, проводят конкурсы, викторины, состязания и др. в соответствии с тематикой интегрированных уроков.

•В период подготовки к эксперименту считать главными задачами учителей и воспитателей по параллелям:

Дошкольное отделение – развитие интереса к развитию.

Начальная школа – формирование потребности в развитии.

V-IX классы	– создание условий для всестороннего развития на уроках и во внеучебной деятельности и в процессе ознакомления (теоретического и практического) с сельскохозяйственной деятельностью.
X-XI классы	– создание максимальных условий для разностороннего развития, создание материальной базы и программы подготовки учащихся агрошколы к профессии сельскохозяйственного рабочего.

В процессе собственного эксперимента.

В дошкольном отделении – усовершенствование форм педагогической деятельности по формированию у детей интереса и потребностей в развитии. Консультация у психолога по процессу совершенствования различных видов развития и практическое освоение форм работы, соответствующих им. Проведение контрольных срезов и экспериментов для определения динамики развития. Осуществление преемственности в работе разных воспитателей.

В начальной школе – на основе формирования потребности в развитии удовлетворять его на уроках, во внеклассной деятельности, в кружках, секциях. Использование бинарных и интегрированных уроков для организации развития во внеклассной деятельности путем игр и конкурсов. Начать работу по профессиональной ориентации: конкурс любимых профессий, викторины по профессиям и т.д.

V-IX классы – Развитие детей на основе развернутой программы интегрированных уроков. Продолжение во внеклассной деятельности работы по тематике интегрированных уроков. Учет занятости учащихся в различных кружках, секциях в целях осуществления широкой программы общего развития. Во время летней практики прохождение максимального количества заданий. Начало экологического воспитания, воспитание чувства хозяина своей земли. Включение учащихся в спецкурсы по основным на-

правлениям сельскохозяйственного производства, во всю систему допрофессиональной подготовки. Начать изучение интегрированных курсов: “Химия и основы сельскохозяйственного производства”, “Биология и основы сельскохозяйственного производства”.

Агрошкола (X-XI классы). Осуществление системы интегрированных уроков и курсов, перенесение идеи интегрирования в систему в самообразовательной работы выпускников. Создание условий для дифференцированного, избирательного развития учащихся. Организация факультативов по экономическому обучению, агротехнике, механизации с соответствующей практикой на базе учебно-опытного хозяйства “Межадорское”. Составить и осуществить программу социальной, нравственной и профессиональной подготовки к взрослой жизни. Подготовка к фермерской деятельности. Ознакомить выпускников с фермой и учебным центром Нидерландов. Во всех видах учебной и внеклассной деятельности развивать самостоятельность мышления и убеждений учащихся, творческого отношения к любой деятельности. Формировать чувство гражданской ответственности. Ввести курс “Хозяин и хозяйка сельского дома”.

На итоговом этапе эксперимента.

Проведение массовых экспериментальных исследований состояния развития учащихся и уровень сделанных достижений. Сделать социальный срез характера деятельности, адаптации во взрослой жизни, устройства семейной жизни выпускников интерната.

Дать всем учащимся школы-интерната индивидуальные характеристики и определить перспективы их дальнейшего развития.

“Методические материалы по организации работы Сыктывкарской агрошколы-интерната”.-Вып. 2,1995.

Как мы начинали

Наш эксперимент "Управление развитием детей посредством интегрированного обучения и профессиональной направленности" был начат в январе 1993 г. Эта тема была вызвана не досужими домыслами, а практической потребностью нашей агрошколы. Всякий знает, как отстает в развитии ребенок-сирота или ребенок, оставшийся без попечения родителей. Не получив полноценного развития в ранний период жизни, он надолго оказывается лишенным дарованного ему природой права на нормальное формирование. Мы хотели скорее преодолеть эту беду ребенка, не дать ему почувствовать себя ущемленным и ущербным. Он должен преодолеть эту беду, выйти в жизнь с высоким чувством человеческого достоинства. Помочь ему в этом обязаны мы, учителя и воспитатели.

К тому же велика была потребность перейти на рельсы личностно-направленной педагогики. Мы долго и упорно твердили азы ЗУНовской педагогики. Под руководством нашего талантливого завуча, Егоровой Зинаиды Викторовны, мы несколько лет "оживляли" знания, полученные педагогами в институте. Количество полученных знаний потребовало перехода на новую качественную ступень, более сложную, более творческую и связанную непосредственно со становлением личности ребенка.

Почему мы вышли на проблему интегрированного обучения? Этот шаг был неслучаен. Еще с 1988 г. наши учителя включились в эту проблему. Мы успели убедиться в преимуществах интегрированных школьных предметов. Направленность на мировоззренческие понятия, систематизации новых и ранее полученных знаний, немалые возможности для усиления умственной деятельности учащихся, высвобождение учебного времени для разноуровневого и дифференцированного обучения учащихся – вот главные достоинства интеграции школьных предметов.

Есть еще одно преимущество интегрированного обучения, которое имеет непосредственное отношение к педагогическому

коллективу интернатских школ. Школа при интернате – вопрос особый.

Некоторые руководители интернатов предпочитают отправлять детей на учебу в городскую школу. Им, конечно, легче: не надо содержать штат учителей, можно проводить каждое утро в тишине и покое. Но каково детям? В школе создается резкое деление детей на "домашних" и "детдомовских". Между ними царит неутихающая вражда. И дети, и их родители, и их учителя не могут избавиться от мысли, что все их неприятности исходят от детдомовских. Учиться в таких условиях детям из интерната нет никакой возможности. Бесконечные драки, грубость, обиды, несправедливость– такова "учебная" обстановка для детей-сирот в массовой школе.

В нашем интернате со временем его открытия в 1956 году создана своя школа. Нет слов, для детей это великое благо. В классах 20-25 человек. Учителя строят учебный процесс с учетом реальных возможностей детей, создают микроклимат, щадящий психическую неустойчивость детей.

Что же касается самих учителей, работающих в школе при интернате, то им приходится нелегко. У нас, как и в большинстве интернатов и детских домов, нет параллельных классов, всех классов по одному. Поэтому и по одному учителей-предметников. У нас один биолог, один физик, один историк, один географ. Этим предметникам приходится ежедневно готовиться к 3-4 урокам. К тому же будучи единственным представителем своей науки, они оказываются в интернате в полной изоляции. Им не с кем посоветоваться, обсудить, как лучше преподнести трудный материал. За помощью они должны идти в другую школу и ИУУ. Все это вело к отторжению учителей друг от друга, сплочения педагогического коллектива не получалось.

Вот тут-то и помогло интегрированное обучение. Изменился стиль профессиональной деятельности учителей. Целыми днями, а порой неделями, сидят они над составлением сценария интегрированного урока, отбором совокупного содержания, выделением материала для самоподготовки учащихся. Научные споры, отстаивание мнений, поиск адекватных концепций – вот что стало

основным фоном в отношениях учителей, взаимодействующих в интегрированном обучении.

Наконец, в содержание нашего эксперимента входит понятие управления развитием детей посредством профессиональной направленности учебно-воспитательного процесса. Мы никак не могли не заняться этой проблемой, ибо имеем огромное учебно-опытное хозяйство в Межадоре и исходим из возрастающей в ближайшие годы потребности Республики Коми в сельскохозяйственных кадрах. Вместе с тем, в данной статье об этой проблеме речь не пойдет, ибо в 1995 году нами издан специальный сборник "Методические материалы по организации работы сыктывкарской агрошколы-интерната" (выпуск № 2).

Теперь – о пошаговом включении педагогического коллектива в проведении эксперимента и об управлении этим процессом.

Начинать всегда трудно. Особенно, когда речь идет о проблеме развития детей. Как преодолеть исконно сложившееся у учителей и воспитателей представление, что они развивают детей без специальных усилий, направленных на развитие? "Раз я учу, значит, развиваю", – говорят учителя. "Раз я воспитываю, значит, развиваю", – вторят воспитатели.

Они на самом деле развивают. но развивают стихийно, вслепую, не отдавая себе отчета в собственных действиях.

Преодолевая этот стереотип педагогического мышления, надо было доказать, что развивать следует не "вообще", а вполне конкретно, направляя свои усилия на не сложившиеся пока у детей психические процессы и социальные отношения.

Чтобы решить эту задачу, мы приняли новую форму плана воспитательной работы, во главу которой вошли закономерности возрастного развития детей. Как говорили сами учителя и воспитатели, изучение возрастных особенностей развития детей сделало их "зрячими". Стало очевидным отставание ряда детей от норм развития, что требовало немедленных усилий по преодолению этих недостатков. Графа плана по индивидуальному подходу к детям обрела вполне конкретное содержание. В каждом классе обнаружились также общие и групповые отступления от норм. Они определили характер учебной и воспитательной работы с

классом. Специальная страница плана отводится на экспериментальные проверки состояния развития детей, фиксируя ход его становления и возникающие изменения. Кроме того, план содержит перечень интегрированных уроков и работу по профессиональной ориентации.

Изучение возрастных закономерностей развития детей вызвало у учителей и воспитателей естественную потребность в овладении научным понятиям развития как педагогической проблемы. Ряд семинаров позволил дать представление о сущности развития, факторов его определяющих, об особой роли наследственности, об учении Выгодского о зонах актуального и ближайшего развития, о развивающих технологиях В.Давыдова, Л.Занкова. Особое внимание было обращено на роль психического процессов и умственных операций в развитии детей. На проводимых уроках и воспитательных занятиях стало уделяться особое внимание факторам обучаемости, обученности, зоне ближайшего развития, формированию психических процессов и умственных операций, причем не только в массовом порядке, но и индивидуально, в соответствии с особенностями развития отдельных детей.

Проделанная работа непосредственно переросла в усиленное внимание к проблеме индивидуального подхода. Целый год учителя и воспитатели искали пути исправления недостающих элементов в социальном и психическом развитии детей. Был составлен "банк данных" на таких детей, диагностика и коррекция которых осуществлялось под руководством школьного психолога. Год от года совершенствовались приемы индивидуального подхода, но главным из них до сих пор остается "ситуация успеха", создаваемая для каждого воспитанника.

Нет, пожалуй, у нас ни одного учителя, который бы не общался с новаторами учительского труда. К нам приезжали и В.Шаталов, и Ш.Амонашвили, и Е.Ильин, и В.Базарный. Постоянно учиться стало внутренней потребностью учителей. И надо сказать честно, такой стиль работы оказался не по силам некоторым учителям, оставлявшим интернат после одного учебного года. Зато те, которые нашли себя в интернате, полюбили наших

бесхитростных, обездоленных детей, работают до пенсии и не хотят уходить после ее получения. Сейчас в интернате сложился устойчивый, стабильный педагогический коллектив.

Сплочению педагогов содействовала все эти годы последовательная работа по совершенствованию интегрированных уроков и создание системы интегрирования.

Был взят курс на выработку разных видов интегрированных уроков (чему, кстати, пока нет аналогов в педагогической литературе).

Основными оказались концептуальные интегрированные уроки, в основу которых закладывались общие принципы, идеи, теории, содержащиеся в разных предметах. Такими были уроки "Происхождение жизни на земле", "Происхождение человека", "Математика и экология" и др.

Большое распространение получили уроки прикладного характера, когда содержание интегрирования направлялось непосредственно в практику ведения нашего интернатского и лагерного учебно-опытного хозяйства, в практические задачи, которые выполняются нашими учащимися по заданию уральского отделения Российской Академии Наук. Например, урок в 9 классе "Проценты и пропорции" (математика и биология) дал ребятам практические навыки приготовления растворов для подкормки тепличных растений. Или урок в 10 классе "Экология и мой дом" (биология и экономика), на котором учащиеся устанавливали соответствие и несоответствие условий обучения в интернате с гигиеническими нормами.

Исследовательские интегрированные уроки исходят из единства методов изучения различных научных явлений или одного научного явления, изучаемого различными методами. Например, "Египетские пирамиды с точки зрения истории, химии, биологии, искусства, трудовой деятельности".

Проводим и психолого-педагогические уроки. Мы понимаем под ними объединения таких тем, при которых их взаимодействие усиливает психологическое, эмоциональное воздействие материала на детей. Таким явился урок "Бородино в литературе, истории и искусстве". Часто мы проводим уроки, эмоционально

подкрепляемые музыкой, живописью, чтением художественных отрывков.

Кроме того, у нас практикуются интегрированные уроки по ученическому самообразованию, урок-спор учителей, урок-эпоха, а когда учителя вникли в суть психических процессов и умственных операций, стали проводиться уроки причинности, сравнения, выбора, переноса, а также по формированию памяти, воображения, восприятия.

Представляется важным подразделение интегрирования на горизонтальное и вертикальное. Горизонтальное интегрирование предусматривает объединение тем нескольких предметов данного класса обучения. Вертикальное охватывает однородный материал из программ разных лет обучения. Так, наш биолог объединяет тему "Каучук" за 10 и 11 классы в одном уроке. Интересен был урок "Таблица Менделеева и закон диалектического развития" в 11 классе, где материал по химии 8 класса, объединенный с темой обществоведения, был повторен на более высоком теоретическом уровне.

Год от года появляются новые интегрированные курсы. Мы экспериментируем курс "Естествознание" (автор А.Г.Хрипкова), несколько сельскохозяйственных и экономических курсов, а воспитатели два года занимаются разработкой интегрирования курсов "Путешествие к истокам" и "Открытие мира".

Усложнение содержания и расширение масштабов интегрированных уроков потребовало координации деятельности учителей и воспитателей. Появились новые виды воспитательной работы: "вводы" в интегрированные уроки и "выходы" из них. Воспитатели стали брать на себя часть учебного материала, психологически готовить учащихся к восприятию интегрированного урока. А при "выходе" из него расширяли содержание интегрированной темы, усложняя задачи развития учащихся.

Включение учителей и воспитателей в экспериментальную работу стало удивительно быстро изменять стиль отношений в коллективе. Не так уж и давно бывали конфликты между учителями и воспитателями: каждому казалось, что другой не дорабатывает в учебной деятельности. Теперь же все стали нужны друг

другу. Вместе составляли план, иначе его не осилить: кто-то отыскивал материал по нормам развития детей, советовались относительно проведения интегрированных уроков, искали материал для экспериментов, контролирующих ход развития детей.

Ни для кого не составляют секрета изъяны педагогических коллективов, где обладают женщины. Мелкие интрижки, сплетни, перемывание чужих косточек – все это вдруг исчезло. Стало просто не до этого. То пора защищать план, то пора представить вариант совместного проведения интегрированного урока. Да еще каждый воспитатель и учитель взял индивидуальное шефство над трудными детьми. Надо писать реферат, проводить экспериментальные срезы, чтобы убедиться, развивается ли ребенок. А сколько времени требуется на подготовку "ввода" и "выхода" из интегрированного урока!

Воспитатели удивляются, как "развиваются" они сами, как растет их эрудиция. Действительно, филологи-воспитатели проводят мероприятия и по биологии, и по астрономии, и по истории. И все это на высоком уровне управления развитием, при планировании необходимых психических процессов, мыслительных операций, доступного уровня трудности, перехода от "зоны актуального" к "зоне ближайшего развития".

Помогла нам и новая технология развивающего обучения, представленная научными работниками института усовершенствования Московской области. Из нее успешно внедряется сложная коммуникация на уроке, технология рефлексии, деятельностный подход в обучении. С этого года учители и воспитатели с интересом внедряют коллективные способы обучения, представленные им на специальных курсах в Москве.

Весь комплекс проделанной работы позволил в 1995-96 году овладеть проблемой целостности в учебно-воспитательном процессе. Целостность понимается как единство многообразного: интегрирования, психических процессов, умственных операций, индивидуального подхода и приемов новой технологии развивающего обучения.

Наш эксперимент рассчитан на десять лет. Впереди - 6 лет. Но уже нынче резкий скачок качественной успеваемости уча-

щихся дает нам надежду на правильность той экспериментальной работы, которую ведет наш педагогический коллектив.

"Эксперимент в агрошколе-интернате. Первые шаги", 1996 г.

Биология плюс история, физика плюс география

Опыт интегрированных уроков в школе-интернате

Почему-то я нигде не читал об особом положении учителя, работающего в школе-интернате. А ведь такое особое положение вполне очевидно.

У преподавателя общеобразовательной школы ежедневно одна-две подготовки к урокам. У него бывает 5-6 классов одной параллели: здесь всех классов по одному. Поэтому учитель должен осуществлять множество подготовок к каждому учебному дню. Один биолог обслуживает все классы, так же – один историк, один географ, один физик. Каждый варится в собственном котле. Ему не с кем посоветоваться в интернате, надо идти в другую школу или в ИУУ, чтоб получить методическую помощь. Так постепенно учитель начинает замыкаться в "рамках" своего предмета, а это означает практически неизбежное его отторжение от других учителей, что отнюдь не содействует сплочению педагогического коллектива.

Мне могут возразить: пусть дети ходят в городскую общеобразовательную школу, и тогда все учительские проблемы отпадут сами собой. Нет, не отпадут, а возникнут новые, которые больно ударят по детям. Ни один из моих многочисленных знакомых директоров школ-интернатов не испытывает радости оттого, что его дети учатся в городской школе. Я тоже решительный противник этого варианта и не могу согласиться с тем, что дети якобы получат ускоренное развитие за счет контракта с городскими детьми. Напротив. Драки, обиды, слезы по каждому поводу и без повода. "Эй ты, детдомовский!" – от этих слов боль заполняет сердце ребенка.

Наши ребятишки со слабой нервной системой не выдерживают общего темпа обучения, болезненно реагируют на волевой

тон учителей, начинают конфликтовать из-за каждой мелочи, ощущают дискомфорт и чувство незащищенности. А в результате – болезнь, называемая дидактогенией.

Нет, мы решительно стоим за собственную школу, способную обеспечить щадящий режим обучения и отдыха детей, у которых неладно со здоровьем.

Года два назад на заседании Всесоюзного совета по народному образованию мне пришлось познакомиться с Надеждой Алексеевной Новиковой, которая заинтересовала меня идеей интегрированных уроков. В Тихвинской школе Ленинградской области, где она работает, побывали наши завуч и учителя. Казалось бы, обычная небольшая школа, но в ней действует творческая группа преподавателей во главе с завучем Аллой Александровной Трошевой, внедряющая в учебный процесс идею интегрированных уроков. Несколько учителей проводят совместные уроки по сходным темам, и это сплачивает их в общем творческом поиске.

Тихвинские учителя убедили наших педагогов в том, что интеграция ускоряет формирование убеждений и мировоззрения учащихся, дает огромный выигрыш во времени. Тихвинские ученики успевают изучить программные курсы к концу третьей четверти. В четвертой идут повторение, практикумы, лабораторные занятия, творческие зачеты, консультации. А как это важно для наших детей, которые к весне начинают ощущать болезненную усталость!

Идея интеграции быстро захватила и большинство наших учителей. Завуч Л.А.Колегова и педагоги часами сидели над программами, выявляя сходные по содержанию темы. Первыми энтузиастами интегрирования оказались заслуженная учительница РСФСР и Коми АССР Людмила Михайловна Дымова – преподаватель химии и биологии, учитель истории Наталья Владимировна Ящук и учитель математики, отличник народного просвещения Галина Михайловна Медведева. Решив провести общие уроки, учителя долго обсуждали их сценарий, последовательность материала и роль каждого в методике его совместного изложения. К необычным занятиям с интересом готовились и старше-

классники: читали дополнительную литературу, собирали материал в лабораториях и институтах города. Уроки проходили в виде конференций, собеседований, и каждый раз учащиеся искренне удивлялись: "Надо же! Все связано!"

В конце 1988 года мы начали с семи интегрированных занятий. В девятом классе: "Происхождение человека" (биология и история), "Страны империализма на современном этапе" (история и география), "Жизненный подвиг Н.Г.Чернышевского. К.Маркс и Ф.Энгельс о Н.Г.Чернышевском" (история, литература); в десятом классе: "Возникновение жизни на земле" (физика, биология, история); в третьем классе: "Стихотворения Я.Шведова "Орленок" (чтение, музыка); во втором классе: "Зима" (природоведение, труд, чтение).

12 апреля каждого года мы всегда проводим День знаний, приурочивая его к Дню космонавтики. Так уж давно повелось у нас в интернате. Ведь мы не можем, как другие школы страны, отмечать праздник знаний 1 сентября, так как дети уезжают в лагерь на уборку выращенного ими урожая.

В этот весенний день почти во всех классах идут интегрированные уроки.

По сложившемуся обычаю все интегрированные уроки в интернате заканчиваются вполне демократически: ребята дают оценку проведенному уроку. Интегрирование нравится старшеклассникам, они удивляются всеобщности связей в науках, хотя некоторые, по их признанию, сильно устают из-за громоздкости урока.

Что касается этого недостатка, то нам тоже показалось, что объединение в одном интегрированном уроке 4-5 педагогов затрудняет восприятие материала. Наиболее целесообразен такой вариант, когда урок ведут 2-3 учителя. Но избавиться от "громоздкости" в подготовке самих учителей к интегрированному уроку вряд ли можно. После каждого интегрированного занятия интересуешься, сколько времени затрачено на его подготовку. Оказывается, от трех дней до двух недель. И сложность здесь не в содержании материала (им учителя давно овладели), а в том, чтобы рациональней смонтировать сценарий урока, лучше опре-

делить место и роль каждого учителя, четче составить вопросы и задания, "синтезирующие" несколько предметов. Но при этом не стоит забывать, что все эти сложности связаны именно с первым проведением интегрированного урока: на следующий год воспроизвести его уже гораздо проще, он требует лишь небольших "технических усовершенствований".

На педагогических советах учителя, убежденные в целесообразности таких занятий, говорили об их социальном и педагогическом значении. Интегрирование науки неизбежно порождает необходимость интегрированного процесса обучения. Дети должны овладеть совокупными знаниями, которые избавят их от односторонности развития. Разрозненные знания несовместимы с задачами научно-технического процесса. Крупнейшие научные открытия делаются ныне на стыке различных наук. Отсутствие интегрированных знаний порождает узких специалистов, способных лишь к узковедомственным решениям, которые принесли уже огромный экономический и экологический вред нашему народному хозяйству. Интегрированные уроки развивают экологическое мышление и у педагогов, и у школьников. Интеграция ускоренно моделирует личность, служит импульсом здравого мировоззрения старшеклассников, вносит философское оздоровление в их сознание, перестраивает мышление учителей, расширяя его научный диапазон.

Посещая интегрированные уроки, поначалу поражаешься, что все они – один лучше другого. Потом перестаешь удивляться: ведь такой урок – это здоровое соревнование учителей на глазах учеников. Как тут можно дать плохой урок?

Каждый интегрированный урок – событие в школе. Учителя, свободные от занятий, присутствуют на нем, другие забегают на перемене спросить товарищей, как идут дела. Обстановка заинтересованности втягивает в общее дело все новых и новых его сторонников. Появляются новые виды интегрированных уроков.

Урок веселой математики объединил учеников 1 и 5 классов. Такое сочетание не случайно: пятиклассники шефствуют над первоклассниками. Этот психолого-педагогический вид интегрированного занятия предусматривал не только проверку матема-

тических знаний, но и сплочение ребят в коллективной учебной деятельности. Задания были не только дифференцированными, но и объединенными. Максимальное количество баллов начислялось тем командам, у которых малыши были самыми активными.

Интересно было наблюдать за "сражением" команд. Каждую представляли три пятиклассника и три первоклассника. Вот задание получено, и пятиклассники устремляются на помощь первоклассникам. Потом выполняют свои задания, а малыши на стульях прыгают от нетерпенья, глядят, что там их шефы решают, торопят их, карандаши им чинят, листочки подают – лишь бы скорей! Наконец, решили! И малыши берут сдавать полученный сообща результат. А когда задание общее, тут никто на месте не усидит. Один пишет, другой советует, все друг другу помогают. Так интегрирование помогает решать педагогическую задачу: укрепляет дружбу детей.

Мы стали различать горизонтальные и вертикальные виды интегрирования. Если под горизонтальным интегрированием понимается достаточно распространенный способ объединения сходного материала ряда предметов (кстати, почему бы не объединять не просто сходные, но и противоположные концепции из различных научных теорий?), то под вертикальным интегрированием мы понимаем объединение одним учителем того материала, который повторяется в различные годы обучения на разном уровне сложности. Например, учительница химии и биологии Л.М.Дымова объединяет в одно целое тему "Каучук" за 10 и 11-й классы, и изучение ее идет гораздо успешнее, с экономией времени по крайней мере на один час. Учительница Н.В.Ящук интегрирует отдельные темы по истории СССР, что также дает немалую экономию времени. Каждый интегрированный урок дает выигрыш от двух до шести учебных часов. В результате в течение учебного года накапливается изрядный резерв, который мы можем использовать по своему усмотрению.

Думается, лучший способ оптимизации высвобождающегося времени – это дифференциация обучения. Интеграция и дифференциация неотделимы в учебном процессе, как проявление единства противоположностей.

Когда мы спрашиваем учителей, занятых интегрированным обучением, как они собираются использовать сэкономленное время, они, как правило, говорят: “Будем повторять!” Но как повторять? Какой смысл повторять тем ученикам, которые его отлично усвоили? Какой смысл сообща повторять материал слабым ученикам, у каждого из которых свои нелады с пройденными темами? Повторять следует дифференцированно, в соответствии с уровнем усвоенного или неусвоенного, в точном соответствии с состоянием психического развития ученика. Сейчас для учителя нет более важной конечной цели, чем развитие личности учащегося. Чтобы обеспечить это развитие, в школах введена должность психолога. Я понимаю функции психолога так: в течении года, посещая уроки, экспериментируя, он составляет карты психологического развития ученика. Затем обучение необходимо привести в соответствие с уровнем развития ученика. А это должно дать заметный скачок, когда начнется дифференцированное обучение или повторение в точном соответствии с психическими свойствами школьников. Само же высвобождающееся при скачке дополнительное время можно использовать для дифференцированного развития ребенка.

Исключительно интересным нам показался опыт интегрированных и дифференцированных занятий в московской школе № 315, где директором В.Х.Хадаев. Специальные уроки, выявляющие способности учеников начальной школы, создание совершенно новых интегрированных курсов, ранняя дифференциация в получении знаний, реконструкция воспитательной работы во имя профессионального самоопределения учащихся – все это очень ценно для совершенствования идей интегрированного и дифференцированного обучения в школах-интернатах.

Каково соотношение интегрированных уроков с традиционными методами и формами обучения?

Вначале, когда на интегрированных уроках учителя ограничивались лишь изложением нового материала, нас беспокоили бедность и однообразие применяемых на них методов. Но по мере того, как интегрирование стало распространяться на закрепление, повторение, зачетную систему, открывались новые его воз-

можности, гораздо богаче становились сами приемы действий. Интеграция иностранного языка с информатикой раскрыла новые возможности компьютеризации в учебном процессе. Урок-повторение “Суд над вредными привычками” (биология и основы государства и права) подтвердил успешность ролевой игры в процессе интегрирования. По замыслу учителей он был организован в соответствии с ходом советского судопроизводства. Суд в полном составе выслушал истцов-врачей, возбудивших уголовное дело против табака, алкоголя и наркотиков. Выступили и свидетели, жертвы вредных привычек. Прослушали прокурора, адвоката. Суд огласил приговор. Одновременно, работая индивидуально с медицинскими брошюрами, учащиеся заполнили таблицы, подтверждающие вред пьянства и курения.

На примере этого урока мне хотелось бы показать прием одновременного использования горизонтального и вертикального интегрирования. Синтез аналогичных тем по биологии и основам государства и права строился по горизонтальному принципу. Вместе с тем, форма “суда”, примененная на уроке, была сориентирована на следующую за этим уроком тему по основам государства и права: “Суд в СССР”.

Следует также подчеркнуть, что каждый интегрированный урок мы используем для того, чтобы активизировать мыслительную деятельность учеников, доводя ее до творческого уровня. Так, обсуждая “вредные привычки”, ученики откровенно говорили о причинах широкой продажи табака, водки, о социальных и нравственных корнях алкоголизма, о том, как преодолеть это зло. И это было не просто “учебное упражнение” в продуктивном мышлении. В разговоре был заложен немалый нравственный смысл. Ведь, к сожалению, у многих этих ребят, сиротах при живых родителях, отцы – алкоголики, спившиеся до полного морального опустошения, совершившие преступления, сделавшие своих детей воспитанниками государственного учреждения.

Система интегрированного обучения в нашей школе-интернате находится еще в стадии становления. Но мы не сомневаемся в ее перспективности. Учителя разрабатывают самообразовательные темы, связанные с интегрированием. Старшекласс-

ники гораздо активней, чем раньше, втягиваются в творческую деятельность.

И все же одних наших "домашних" усилий недостаточно. Многое зависит от теоретической помощи АПН СССР. Нас затрудняет блочное интегрирование, рассредоточенность сходных тем в различных предметах по месту в программах и по времени прохождения их учениками. Есть необходимость интегрировать предметы, рассчитанные на один час занятий в неделю. Интегрирование наук требует интегрирования полных курсов сходных предметов. Пора определить пути диалектического единства интегрированного и дифференцированного обучения.

Все это значит, что поиск нужно продолжать.

"Народное образование".- № 10, 1990.

Воспитатели становятся эрудитами

Для любого школьного коллектива всегда злободневна задача сплочения и единения педагогов. Без этого коллектив превращается в аморфную, неуправляемую массу людей, действующих в одиночку, как кому заблагорассудится.

В интернате, где я работаю двадцать первый год, проблема укрепления связей между учителями и воспитателями обретает особую значимость. Ведь в большинстве интернатов, как правило, нет параллельных классов и поэтому учителя работают во всех классах. Такая ситуация создает для них некую изолированность по отношению к своим коллегам. Не пойдет же биолог советоваться с историком по поводу методических трудностей. Скорее отправится к коллеге по предмету в соседнюю школу или в институт усовершенствования учителей. Подобное "рассеивание" интересов учителей в сферы, далекие от интерната, отнюдь не способствует объединению коллектива. Что же касается воспитателей, то стоило нам отменить самоподготовку, перенеся ее в дополнение к уроку, как сразу повысилась успеваемость. Но воспитатели, кстати сказать, к успеваемости детей весьма равнодушны. Им нет никакого дела ни до учебы ни до

учителей, их одолевает масса мелких бытовых хлопот, обязанностей: накормить детей, одеть в чистое, проследить за их гигиеной, уложить спать. Они лишь "пасут" детей, подменяя воспитание присмотром и назиданиями.

Идея скоординировать учителей и воспитателей родилась в ходе эксперимента по разработке проблемы интегрированного обучения. Мы ведем его восьмой год, расширяя число интегрированных уроков, разнообразя их виды и вводя интегрированные курсы. Об этом писал достаточно подробно. Речь пойдет о том, как на базе интегрированных уроков сплотились усилия учителей и воспитателей. Кстати сказать, это произошло далеко не сразу. Несколько лет раздробленность коллектива оставалась неизменной: учителя уже начали работать творчески, искать новые методы, а воспитатели по прежнему "пасли" детей. В интернате сформировалась сильная группа учителей и рядом сосуществовала слабая группа воспитателей.

И вот два года назад озарила нас спасительная идея. Почему бы не объединить учителей и воспитателей, соединив в одном процессе и учебные, и воспитательные задачи? И начали мы проводить интегрированные уроки. Перед таким уроком воспитатели стремятся возбудить интерес к теме, психологически подготовить детей к восприятию урока. После урока – снова увлекательное занятие, теперь уже расширяющее рамки темы, углубляющее интеллектуальное развитие детей. Ясно, что планы таких уроков пишут сообща учителя и воспитатели. Координация деятельности отрабатывается вместе с научным руководителем эксперимента. Затем результаты подробно обсуждаем, с выявлением достоинств и недостатков, а главное – достижение детей в зоне ближайшего развития.

Вот примеры совместной работы учителя и воспитателя:

Класс	Ввод в интегрированный урок	Интегрированный урок	Завершающее занятие (выход из интегрированного урока)
1-й	Наблюдения в природе. Конкурс рисунков и поделок.	Чтение, ознакомление с окружающим миром (ОММ), музыка. Тема "Весна".	Поэтический вечер – весенние посиделки.

2-й	Наблюдения изменений в природе.	ООМ, чтение, ИЗО. “Птицы весной”.	Весенники, игрища. Конкурс почемучек.
3-й	Инсценирование сказки “Как весна зиму победила”.	ООМ,музыка. “Здравствуй, весна!”	Викторина. Весенняя игра. Конкурс.
4-й	Инсценировка: “Я– Том Сойер”. Диафильм о жизни Марка Твена.	Чтение, иностранный язык. “Встреча с героями Марка Твена”.	Мозговая атака: “Поиск Тома Сойера”.
5-й	Рассказы о животных – героях. Русские писатели и художники о нашей земле.	История, литература, математика, естествознание. ”Земля – наш общий дом”.	Практическое занятие “Моя помощь земле”. Концерт “Давайте сохраним!”

7-й	Биография Марка Твена, его творчество. Конкурс почемучек.	Иностранный язык, литература. “Встреча с героями Марка Твена”. (Вместе с 4-м кл.)	Инсценировки из книг Марка Твена.
8-й	Визитные карточки сельского хозяйства России, Англии, Франции.	Биология, математика. Экономическая игра: “Сельскохозяйственные животные”.	Устный журнал: “Сельскохозяйственные животные России, Англии, Франции”.
10-й	Конкурсный сбор материалов к уроку.	Иностранный язык, география, история. “США”.	Встреча с американским проповедником.
11-й	Просмотр и обсуждение фильмов о войне.	Литература, история. “Человек на войне. Правда о нем”.	Пресс-конференция с ветеранами войны.

Интегрированный урок получается многомерным, ярким, запоминающимся, потому глубоко обучающим. Что же дает нам интеграция **деятельности учителей и воспитателей** на основе совместных уроков? Во-первых, глубокое проникновение в пласты науки. Дети не скачут “галопом по Европам”, а погружаются в эти пласты, исследуют их, осваивают. Ребята идут на интегрированные уроки как на праздник, каждый на каком-то из этапов может ощутить чувство успеха, проявить свою самостоятельность.

Педагогический коллектив сплачивается на основе общих творческих целей. Учителя и воспитатели помогают друг другу найти наилучшие пути к успеху, вместе составляют сценарий будущего урока, ввода в урок и выхода из него. Воспитатели стано-

вятся эрудитами во многих областях знаний. О.Е.Фимина, филолог по образованию, утверждает, что чувствует себя значительно образованней, готовя ребят к интегрированным урокам по биологии, математике, истории, астрономии.

Педагоги школы почувствовали интерес к интегрированным урокам, к поиску новых форм, видя в таких уроках скачок мыслительной деятельности учеников. Это своего рода "метод взрыва" в знаниях наших воспитанников. Но и сами педагоги обретают при этом новый уровень диалектического, экологического мышления, которое благотворно сказывается на всем учебно-воспитательном процессе.

"Народное образование", 1994.-ноябрь-декабрь

Портреты на фоне сельского хозяйства

Наш интернат с 1992 года обрел статус агрошколы-интерната. Теперь мы накрепко связаны с проблемами сельскохозяйственного производства и даем Республике Коми столь необходимые ей кадры. Для Севера – это проблема особая. Здесь не получишь урожая, посеяв зерно в землю. Сложная агротехника почвы, постоянный уход за растением, спасение от заморозков – все это делает сельское хозяйство северных регионов чрезвычайно трудоемким процессом.

По сведениям Министерства сельского хозяйства Республики Коми, в ближайшие годы в регионе прогнозируется острая потребность в сельскохозяйственных кадрах широкого профиля. При этом будущие специалисты должны будут владеть целым рядом рабочих агропромышленных профессий. Вот этой-то подготовкой рабочих специальностей мы и занимаемся.

Общая территория центральной базы нашего учебно-опытного хозяйства "Межадорское" составляет 30 га, из них около 3 га занимают цветники и опытные участки с теплицами. Пахотных земель около 100 га, столько же лугов, а лесное хозяйство – около 700 га, где располагается закрепленный за нами ботанико-зоологический заказник. Вся эта территория с домами, клуба-

ми, баней с сауной, животноводческим комплексом, гаражами, овощехранилищами, тракторным парком закреплена за интернатом постановлением правительства Российской Федерации и располагается в Сысольском районе Республики Коми. Здесь мы не только выращиваем овощи, обеспечивающие наших детей в течении года, но и продаем излишки овощей и рассады населению г.Сыктывкара. Заранее на рынке выстраиваются очереди, когда мы привозим в город продукцию из нашего хозяйства.

Статус агрошколы обязывал нас к обновлению учебных планов и программ. За основу был принят план сельской школы, а к нему добавили спецпредметы: растениеводство, основы животноводства, механизация технологических процессов (для мальчиков), организация и экономика фермерских хозяйств, основы экономики, интегрированные с сельским хозяйством курсы химии и биологии; ряд факультативов: цветоводство, лесоводство, овощеводство закрытого грунта, зеленая архитектура, пчеловодство. Программы всех этих предметов были обновлены, им был придан практический аспект, отработана система сельскохозяйственной подготовки, начиная с дошкольного отделения и кончая выпускным классом.

Эта работа была проделана учителями вместе с научным руководителем, кандидатом химических наук, ведущим сотрудником Института общего среднего образования РАО – Галиной Васильевной Пичугиной. Главным вдохновителем воплощения этих идей является наш биолог Людмила Михайловна Дымова. Человек она удивительный! Родившись в коми деревне, она с малых лет сроднилась с холодной северной землей и с братьями нашими меньшими. Она умеет делать все: у козы роды примет, коров подоит и овощи при ее уходе растут какими-то особенными.

И уроки Людмила Михайловна ведет по-особому. Никогда голоса не повысит, а ребята ее слушают затаив дыхание. Самые сложные темы интегрирует со своими коллегами. Тему “Происхождение жизни на земле”, например, провела совместно с физиком и химиком. Иной раз не поймешь, кто ведет урок: Людмила Михайловна или сами ученики. Они летом опыты проводили по темам предстоящего года, поэтому у них заранее мате-

риал накоплен и своя точка зрения по поводу вопросов имеется. Недаром Людмила Михайловна – заслуженный учитель РФ и не раз награждалась медалями ВДНХ СССР.

С биологом нам, безусловно, повезло, но с преобразованием интерната в агрошколу возникла проблема: как приобщить к сельскохозяйственному труду наших учителей и воспитателей, не имеющих ни сельскохозяйственного, ни биологического образования. Ведь каждое лето они едут с детьми в наше учебно-опытное хозяйство "Межадорское", чтобы вместе выращивать овощи, выполнять опытные и исследовательские задания, а осенью собирать урожай. Сумеет ли филолог возглавить эксперимент по выращиванию свеклы? Сможет ли математик помочь девочкам вырастить зеленые огурцы и красные помидоры в теплицах?

Оказалось, смогли! Приобщение педагогов к земле произошло успешно и без особых усилий. Почти у всех педагогов есть дачные участки – ведь нынче без подмоги не прожить. Да и в самой земле есть притягательная сила, вдохновляющая людей на сельскохозяйственный труд. Не зря ведь говорят: "земля-матушка", "земля-кормилица". Все мы своим происхождением связаны с землей и становимся все ближе к ней, чтобы пережить наше суровое лихолетье.

Надежда Леонтьевна Можегова, географ по образованию, воспитывает нынче четвертый класс, а ведет его с дошкольного отделения. Наш интернат не назывался еще агрошколой, а Надежда Леонтьевна уже приобщала своих малышей к работе на земле. Трудились они в "колхозе" "Малышок". Были там несколько грядок, коза Машка и несколько кроликов. Всеобщая радость начиналась, когда морковку надо было прореживать. Ставили ведерко с водой возле грядки и мыли в ней первые морковки-хвостики, а потом дружно хрустели плодами своего урожая. Так проводили "праздник первой морковки". Главное, что сами вырастили.

С первого класса уже какая-то система сельскохозяйственного труда сложилась у Надежды Леонтьевны. Зимой ухаживали ребята за комнатными растениями, весной готовили семена для

посадки, отбирая самые полноценные. В столовую петрушку и лук на зелень вырастили. Чуть земля оттаяла, стали в Межадоре учиться землю вспахивать маленькими лопатками, делать бороздки, класть в них семена. Хоть писать только-только научились, но общими усилиями дневник наблюдений вели.

Ухаживали эти ребята и за птицами: курами, утками, гусями, индейками. Причем ухаживали грамотно. Ведь во время учебного года они вместе с воспитательницей прослушали курс "Птичий двор". Здоровыми и сытыми были птицы под их уходом.

Дети, как и взрослые, быстро "прирастают" к земле. В конце нашего короткого северного лета провела Надежда Леонтьевна анкету, чтобы узнать первые профессиональные устремления своих третьеклассников. Пятнадцать ребятишек из двадцати хотят стать овощеводами и птицеводами. Намерения еще могут измениться, но, кто знает, возможно, настрой на сельское хозяйство уже дает свои плоды. Ведь недаром в прошлом году из шестнадцати наших выпускников двенадцать связали свою судьбу с сельским хозяйством.

Надежда Леонтьевна видит немалый педагогический смысл в работе детей на земле. Всеобщий азарт труда охватывает всех ребят, даже новенькие не могут устоять перед общим увлечением. А когда наши восьмиклассники приводят трактора с поля, тяжело слезают с них, вытирают ветошью руки, малыши восторженно толпой окружают их и их восхищению нет конца. Они тоже хотят стать трактористами... Работа на земле раскрепощает ребенка, дает ему ощущение успеха и чувство собственной значимости в полезной деятельности. Он видит живой результат своего труда, развивая особый вид мышления, подтвержденного практической деятельностью.

Лидия Ивановна Камелина по образованию учитель начальных классов, а работает воспитателем шестого класса. Готовясь к сельскохозяйственному труду, она в течении года прослушала вместе со своими воспитанниками три курса: "Технология выращивания сельскохозяйственных культур", "Цветоводство открытого грунта и зеленая архитектура" и "Кролиководство". Эти курсы подготовили детей к летнему труду в лагере. Характерной

чертой педагогической деятельности Лидии Ивановны, безусловно, является горячая увлеченность всем, чем она занимается. Учитель четко осознает свою цель: осуществить сельскохозяйственную профориентационную направленность, обеспечить развитие детей в опытной практической работе.

В соответствии с прослушанными курсами воспитанники Лидии Ивановны были разделены на три группы: полеводов, цветоводов и животноводов. Немалый интерес вызвало задание проверить действие минеральных удобрений и пленки лутрасил на урожайность свеклы. Эффект, полученный к концу лета, поразил и детей, и Лидию Ивановну. Минеральные удобрения повысили урожайность свеклы в два раза, а пленка – в 2,5 раза. А ведь вначале лета ребятам досталась слабенькая свекольная рассада, но они так заботливо выхаживали каждый росток, что ни один не пропал, все выросли. Средний вес свеклы на контрольной грядке равнялся 75 г, с минеральным удобрением – 175 г, а под пленкой лутрасил – 190 г. И какой всеобщий восторг вызвала гигантская свекла весом больше килограмма!

Эту "знаменитую" свеклу Лидия Ивановна показывала директорам школ-интернатов с сельскохозяйственной направленностью, которые приехали на Всероссийский семинар, проведенный нами в сентябре 1995 года. Директора были изумлены тем эмоциональным подъемом, с которым Лидия Ивановна рассказывала о сельскохозяйственных достижениях своих воспитанников. Участники семинара сказали, что теперь они уверовали в то, что у нас не только администрация увлечена общим делом, но и весь педагогический коллектив. Да и как было не поверить, когда Лидия Ивановна искренне сожалела, что не увидели приехавшие к нам гости, какую цветущую альпийскую горку соорудили ее ребята. Они все лето, сидя на крыльце своего корпуса, любовались собственным творением. А Дима Чисталев, самый неорганизованный мальчик, придумал поставить на горку декоративные пеньки: "Что мы все с крыльца на свои цветы смотрим? Давайте прямо на цветнике пни поставим и будем на них цветами любоваться..."

Людмила Александровна Берестенькова преподает в агрошколе английский и немецкий языки. Кажется, какое отношение к сельскому хозяйству может иметь такой учитель? Он и в обычных общеобразовательных школах нередко держится особняком – уж очень своеобразна и отличительна от других предметов методика преподавания иностранного языка. Тем не менее порой непостижимым образом Людмила Александровна умеет интегрировать свой предмет с любыми сельскохозяйственными уроками – от начальной школы до одиннадцатого класса.

Интегрированные уроки "пришли" к нам в школу восемь лет назад. Тогда Людмила Александровна была завучем и "заразила" всех учителей проблемой интегрирования. Она сделала правильный ход. В интернате большинство предметов осуществляются одним учителем. Интегрированные уроки сплачивали воедино разных предметников, не давая им замыкаться в себе. С тех пор и сама Людмила Александровна "прикипела" к интегрированным урокам. Когда мы стали агрошколой, она удивительно органично вписалась в наши сельскохозяйственные проблемы.

...Во втором классе идет воспитательное мероприятие "Дикие животные". Дети подходят к игровой комнате, а на пороге их встречает Людмила Александровна. Она пропускает тех, кто назовет по-английски животных, изображенных на картинках. Оказалось, дети знают названия 33 диких животных. Мало того, учащиеся описывают на иностранном языке повадки этих животных и поют о них несложную песенку.

Давно замечено, что в средних и старших классах интерес к иностранному языку снижается. Да и как может быть иначе при минимальном количестве часов, отводимых на этот предмет? Людмила Александровна настойчиво ищет выход из этой ситуации и находит его в интегрированных уроках, связанных сельскохозяйственным производством.

В шестом классе проводится урок, который называется "Село. Деревня.". Его Людмила Александровна проводит вместе с учителями биологии и математики.

В седьмом классе есть урок "Уборка урожая", "Картофель – второй хлеб". Уж что-то, а эти темы для ребят вполне злободнев-

ны. Урок ведется на английском и немецком языках, поэтому есть повод поговорить о немецких сортах картофеля, успешно произрастающих на наших полях.

В старших классах иностранный язык интегрируется с экологическими проблемами, которые актуальны для ребят, завершающих цикл сельскохозяйственных предметов, обеспечивающий мировоззренческий подход к современным проблемам сельскохозяйственного производства. В процесс обучения включаются многие психологические процессы, сложные мыслительные операции, у учащихся появляются признаки мышления на иностранном языке.

Экономические вопросы, изучаемые ребятами старших классов, невольно обращают их к иностранному языку. Ведь вся рыночная экономика связана с иностранными терминами: бизнес, доллар, банк и др. Обилие импортных товаров, появление совместных предприятий, сама идея рынка – все это приводит к экспансии иностранного языка. Школьники ежедневно сталкиваются с этикетками, рекламами на иностранных языках, что повышает мотивацию к его изучению. А для учителя создаются наилучшие условия для интеграции с уроками экономики. Так, в шестом классе, еще до прохождения предмета экономики, проводится урок "Знакомство с бизнес-городом", что позволяет в старших классах перейти к более сложным темам: "Интеллектуальный бизнес", "Бизнес-сити". Здесь при помощи иностранного языка совершаются бизнес-путешествия, организуются международные ярмарки, терминологические бои, операции обмена валют, получения вкладов в банке, покупка товаров в кредит, оптом.

..."Галерею портретов" можно было бы продолжать, но главное не в их количестве, а в том оздоровляющем действии, которое производит на педагогический коллектив общая увлеченность и устремленность к совместной цели.

"Школа".-№ 2,1996.

Заключение

Настоящий сборник адресован участникам 5-ых Католиковских чтений. Так же, как и четыре предыдущих (1997, 1998, 1999, 2000 гг.) эти, пятые Католиковские чтения приурочены ко дню рождения Александра Александровича – 13 октября, когда, будь он жив, ему бы исполнилось 60 лет.

На Католиковские чтения съезжаются сотни работников сиротских учреждений, которым не безразлична судьба брошенных детей. Надеемся, что размышления А.А.Католикова помогут этим самоотверженным людям защищать права и достоинство сирот, упорядочить жизнь и труд детей, лишенных родительского попечения.

От составителей.

Содержание

Предисловие

Биографическая справка....3
Учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колена....8
Памяти А.А.Католикова....11

I. "Буду изо всех сил помогать беззащитным детям"

Во имя счастья детей....12
Доброе дело....16
Что такое хорошая школа....17
Не рядом, а вместе с детьми....20
Я пришел дать вам дело....22
Две тысячи писем, две тысячи судеб....30
И в сердце каждом отзовется....44
Принципы нашего дома....45
Что может учитель....50
Три заявления....54
Школа – моя гордость....59
По обе стороны высокого забора....64
Дело вместо назидания....67
К сердцу вашему взываю....74
Все дети наши, а мы за них в ответе....77
Наш общий дом....86
Израненные души....121
Ты к кому, мальчик?....126

II. "Я за радостный коллективный труд"

Знания – убеждения – действия....130
Привычка к труду благородная....131
Из выступления в студии Останкино....137
Воспитание испытанием....139
Вместе нам дальше видно....143
Слово об учителе....146
"Педагогическая поэма" продолжается....150
Слово об учителе....154
Ступени в жизнь....159
Беспокоит утрата внимания к трудовому воспитанию школьников....164
Секрет успеха – в педагогически осмысленной организации детского труда....169

III. Общественная деятельность в городе, республике, стране

Делай, как я....194
Кто будет делегатом....195
Всесоюзный съезд работников народного образования....197
Инструкция одна: "Думайте!"....199
Ответственность депутата....206
Дать советам реальную власть....209
Домой с надеждой....212
Чтобы детям хорошо жилось....214
Живем одной семьей....218

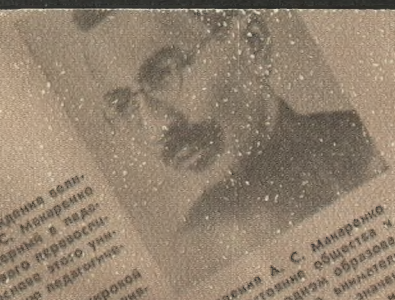
Дети без родителей.....219
Не "князю", а детям надо.....220
Оторвали детей от забот страны.....225
Почему мы не плачем от ... стыда?.....228
Мы теряем поколение.....232
Нет тепла в доме без фундамента.....233
Если мы все заговорим на коми.....239
"Не навреди!".....242
Школа: без перемен.....246
Черный, синий, голубой.....251
IV. Эксперимент оборвался ... смертью
Положение об экспериментальной площадке на базе Сыктывкарской агрошколы-интерната для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на 1993 - 2003 годы.....255
Как мы начинали.....262
Биология плюс история, физика плюс география.....269
Воспитатели становятся эрудитами.....276
Портреты на фоне сельского хозяйства.....279
Заключение.....286

***

А.А.Католиков:
Наш вынужденный союз необходимо сделать счастливым
сборник статей и выступлений
Составители
Лия Васильевна Плаксина
Виктор Александрович Католиков

Редактор: Грабежова В.М. Корректор: Воробьева Н.Н.
Компьютерные работы: Воробьева Н.Н., Моторина Л.С.
Оригинал-макет подготовлен в ред.-изд. отделе КРИРОиПК
167000, г.Сыктывкар, ул. Орджоникидзе,14. Подписано в печать 27.08.2001.
Лицензия на изд. деят. КР № 0038 от 10.12.97. Бум. офсетная. Формат 60x84/16
Гарнитура Таймс. Уч.изд.л. 18,0. Усл.печ.л. 20,0. Тираж 300. Зн 6038.

Лицензия на полиграфическую деятельность
Серия ПД № 00107 от 09.11.1999.
Отпечатано в ОАО "Коми республиканская типография"
167982, г.Сыктывкар, ул. Первомайская, 70.



«ВСЕ ДЕТИ НАШИ, И МЫ ЗА НИХ В ОТВЕТЕ»

Наш собеседник — народный депутат СССР, народный учитель СССР, член-корреспондент АПН СССР, член правления Детского фонда имени В. И. Ленина, директор школы-интерната № 1 Сыктывкара — Александр Александрович КАТОЛИКОВ.

В детских домах, школах-интернатах и группах продленного дня

Пауза в директорский кабинет была распахнута. Входили к не-
стука, решали массу вопросов: о квартирах, об установлении
телефонов, об устройстве в детсады, об отправке в пио-
за границу по турпутевкам, об оформлении на ра-
ными бумагами, сидел высокий, могучего сло-
лос на железнодорожном переезде,
стуках где-то еще пели бодрую
тишине боролись два зву-
лонька. Каталиков вско-
всех». Ребята выпры-
выбрасывал на
чал к не пла-
рельсы,
ций

С юношеских приступов а
взрослых с детьми и
ранее писал, что нарко-
ный объект нашей
семье не всегда удается
300 характеров. У
интернате и с
и тяжелу, и
доброты! Ско
сколько тре
предупреж
в трезвом
ребенка!
До ш
Дворец
было
школ
стр
ли
вы